

МУШНИ ЛАСУРИА

ЗВЕЗДА РАССВЕТА

Поэма

Перевод с абхазского
Михаила Синельникова

Издательский дом «Звонница-МГ»
Сухум — Москва
2019

УДК 821
ББК 84(5Абх)6-44
Л 47

г/р 978-5-166-26-06018

**Редактор Денис Чачхалиа
Художник Батал Джапуа**

Новая поэма народного поэта Абхазии М. Ласуриа «Звезда рассвета» пронизана светом многолетних духовных исканий, напряженных раздумий. Это — проникновенное повествование о христианстве и его судьбах в Абхазии, о драматичной и величественной истории родного народа, о царях и храмах Абхазии, о смысле жизни, о душе, рождающейся и взрослеющей в Стране Души. Горизонты становятся мировыми: изображаются святыни Иерусалима и Константинополя, храмы Москвы, Петербурга и Киева. Поэтическое слово озарено сиянием бесчисленных свечей, осенено иконами и великой живописью. Личная судьба ощущается автором как частица общей судьбы.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

День восьмидесятилетия абхазского поэта Мушни Ласуриа на его родине стал без преувеличения общенациональным праздником. Ласуриа — живой классик абхазской словесности, его произведения уже давно вошли в антологию и школьную программу. Однако иногда в литературе случается так, что писатель перерастает свой первоначальный успех и, уже расставшись с молодостью, создает свои вершинные творения. Определённо это — случай Ласуриа. Начинал он как проникновенный лирик и, конечно, лириком остался. Однако с годами и десятилетиями усилилось устремление к большим формам, и, воплотившись в новом качестве, абхазский поэт создал свой авторский эпос. Притом не в одном произведении — на свет явились три монументальные поэмы, ставшие всё же главным делом жизни Мушни Ласуриа. Сначала возникла основанная на античной мифологии и вобравшая в себе всё богатство абхазских преданий и песенного фольклора, спорящая с концепциями древнегреческой драматургии поэма «Золотое руно». Она не только сразу же вошла в золотой фонд абхазской отечественной литературы, но и получила международное признание, в России принесла автору и переводчику лавры национальной премии Антона Дельвига... Вторая поэма «Отчизна» посвящена трагическим и героическим событиям новейшей истории Абхазии, ее войне за независимость. Это некоторым образом — абхазская «Илиада», прозвучавшая громогласно и нашедшая отклик в мире. Но совершенно необычна, дерзно-

венна и оправдана уже самим «величием замысла» третья поэма — «Звезда рассвета», обращенная к временам библейским и древнейшим и ведущая читателя к нашим дням.

Что позволяет говорить об оригинальности этого огромного повествования? Конечно, в течение веков не раз возникали поэтические парофразы Библии. Многие литературы христианских стран и начинались с переводов (в той или иной мере неизбежно вольных) тех или иных ее книг. И надо сказать, что написанию «Звезды рассвета» предшествовала именно работа Ласуриа-переводчика, создавшего для своего народа переложение Библии. В старину, со времен Святого Иеронима, благочестивые труженики, совершившие такой благочестивый подвиг, церковью канонизировались, становились святыми и блаженными угодниками. Но этот великий труд, на языке абхазов существующий и сам по себе и ставший, понятно, сокровищем абхазской церкви, оказался для поэта Мушни Ласуриа и основой, базисом его необъятной паломнической и исповедальной повести. В непроронимую стену христианского предания поэт внес кирпичик (нет, весомый, вытесанный из мук и раздумий камень!) личной судьбы, поведал о собственном пути к Богу, начавшемуся еще в детстве и в отрочестве, в пору советских гонений на религию.

Всё это сказано на крайнем пределе духовных сил, «на разрыв аорты» (воспользуемся выражением Осипа Мандельштама). И вновь и вновь становится ясным, что наиболее мощное искусство невозможно без веры, без ощущения жизни как чуда, без следования вечным истинам... И книга Ласуриа — не только сгусток мировой культуры, но и акт веры — глубокой, горячей, искренней и чистой. Его поэма — разговор с Душой, как будто бы исходящей, отделяющейся от тела и взирающей на всю прожитую жизнь с уже непостижимых, трансцендентальных высот.

И вместе с тем это взгляд — на родную историю. С ясным осознанием того обстоятельства, что величайшей ценностью Абхазии является память о ее раннем христианстве, воплощенная и в древнейших свидетельствах историографии, и в уцелевших чудом, по милости Божьей, прекрасных храмах, некоторые из которых воздвигнуты еще в эпоху Юстиниана.

Можно сказать, что в поэме решалась не только литературная задача, но и просветительская, даже педагогическая... Высота поэзии сочеталась с неистовым всплеском религиозного чувства. Христианская молитва соединилась с драматическим апофеозом Абхазии.

А история страны была подлинно трагична, в некоторые эпохи подобна распятию:

*Как мучили тебя — о, Боже правый! —
Страна моя, прекрасная Апсны!
Как, целясь в сердце стрелами с отравой,
Неистово казнили без вины!*

*В тебя вбивали гвозди, распинали...
Мне снится: Богородица сама,
Как Мать твоя, в немыслимой печали
Стояла у подножия холма,
С твоей душою связанная кровно...*

*А ты лишь повторяла: «Невиновна!»
Твоя судьба — Распятье...*

*Не забудь:
Спасителя тобою избран путь!
И неразлучны мы с твоей судьбою.
Апсны, мы не расстанемся с тобою!
Когда уйду, то ведь умру не весь,
И навсегда оставлю душу здесь.*

В поэзии всё же не столь часты строки такой напряженности. Потрясающие слова абхазского поэта о неизбежном всё же для всех смертных расставании с жизнью исполнены подлинным мужеством:

*Прощай, моя могила!
Пусть цветы
К тебе приносят близкие, родные...
И всё-таки теперь пустеешь ты,
Ведь я ушёл в пространства неземные.*

*Ну, что ж, простимся, грубая скудель,
К себе меня тянувшая досель,
С душой моей боровшаяся глина,
Всё время увлекавшая во тьму!
Не эта тьма, а высота, вершина
Была желанна сердцу моему.*

*Расстанемся! Прощай, земля сырая!
Бессильна ты. Тебя я отстраню.
Я был в пленау, а нынче, воспаряя,
В твою не попаду я западню.*

*Я не вернусь! За мной не стоит гнаться.
Теперь душа свободна и светла,
И уж тебе вовеки не подняться
На высоту, куда она взошла.*

В этом отрывке, мне кажется, весь смысл повествования автора — это вечное противостояние и духовная борьба с той первородной глиной, с землей, из которой создан человек. В своем стремлении к высшему, к Небесному Царству, он не примирился с господством грубой и тленной плоти.

В последние годы я стал переводчиком двух поэм Мушни Ласуриа. И «Золотого руна», истинной апологии Страны Души, а теперь вот и этой удивительной повести о Душе. Однажды я шутливо сказал автору: «Твоя душа, это — моя душа». Но ведь и в самом деле в некоторых случаях совместная напряженная работа переводчика с автором немыслима без встречного душевного движения. Мое переложение, на протяжении более двух лет продвигаясь от главы к главе, постепенно всё вырастало в объёме. И сейчас, когда работа закончена, мне вдруг вспомнилась давняя, еще средневековая притча о строительстве Реймсского собора. Одного каменщика спросили, чем он занимается. Он ответил: «Я обтёсываю камни». Ответ другого на тот же вопрос был иным: «Я строю Реймсский собор!»

Я старался быть вторым каменщиком. И все же хорошо дожить до окончания работы и увидеть постройку в целом. Сейчас перед моими глазами выросла громада.

Я сквозь скалу прошёл!
Прямой, не ближний,
Был тяжким путь, и вот конец его!
Прошло земное...
Погляди, Всевышний:
Я — тоже агнец стада Твоего.
Вот в честь Того, кто смертью смерть попрал,
Со всеми вместе я запел хорал.

Я так еще не пел... И всё чудесней
Мой переход, и я иду к Тебе
С открытым сердцем и заветной песней...

*Михаил Синельников,
г. Москва, 2018 г.*

ЭТА ПОЭМА ПРИНАДЛЕЖИТ АБХАЗИИ И ВСЕМУ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

До сих пор я знал Мушни Таевича Ласуриа как талантливого абхазского поэта и переводчика и одновременно — как автора перевода Нового Завета на свой родной язык. Эти две стороны его творчества для меня почти не пересекались, и в этом нет ничего удивительного: поэт — птица вольная, его полет подвластен только его собственному воображению и вдохновению свыше... а вот переводчик Священного Писания словно цепями прикован к своему оригиналу, от которого не должен отступать. Совместить одно с другим довольно трудно.

Есть в мировой литературе много стихотворных переводов библейских книг, много размышлений над ними, много рассказов о путешествиях, много поэтических автобиографий. Есть и некоторое количество бесед с собственной душой. Поэма «Звезда рассвета» сочетает в себе всё это удивительным и неповторимым образом.

«Апсны — страна души», для обычного русского читателя это описание Абхазии звучит достаточно абстрактно. Что это такое — «страна души»? У каждого человека есть своя душа, у каждого народа есть свои традиции, характер, особенности, которые можно назвать душой народа... Но я все-рьез задумался над этой привычной формулой, когда читал

поэму Ласуриа. Каждая страна, особенно не родная для тебя страна — это всегда путешествие. И то путешествие, в которое зовет нас поэма — действительно, путешествие поэта одновременно по своей родной земле и по собственной душе в неразрывной связи со Святой Землей и с ее Священной Историей. «Душа» по-абхазски — это ведь и ямочка на материнском горле, которую целовал маленький мальчик, и это так созвучно с библейским языком, в котором слово «нефеш» означает одновременно и душу человека, и его дыхание, собственную его суть.

Поражает широта охвата — поистине дантовская. Вопрошания легендарного Гильгамеша и спор поэта с Ж.-Ж. Руссо о правах человека и о царящей в этом мире социальной несправедливости, аллюзии на древний нартский эпос, предания о нашествии глухого к страданиям людей завоевателя Мурвана Кру и радостные воспоминания юности о полете Юрия Гагарина, да и многое иное — всё это вплетается в единую ткань поэтического повествования, основанного прежде всего на библейском тексте. Главный герой этой поэмы — Господь Иисус Христос, и душа поэта отправляется на встречу с Ним. «Куда иду? Я к Истине иду, как будто бы к родительскому дому».

На языке повседневности это можно назвать паломничеством в Святую Землю, но суть не в том, чтобы посетить определенные места и оставить своего рода отчет об их посещении — она в том, чтобы всю свою жизнь, свой опыт, свои устремления и мысли, переживания и чувства привести к Нему, представить на Его суд или, может быть, принести в дар свою собственную жизнь, подобно волхвам, приступившим к вифлеемской колыбели...

Поэт воспевает библейский псалом — и одновременно абхазский азар:

И душераздирающий «Азар»
Пусть раздается, небо сотрясая,
Чтоб ожил в сердце юношеский жар...
Песнь предков, лейся и в преддверье рая!

Поэт охватывает взором всю свою жизнь — и всю Священную Историю. В Синайской пустыне он умолкает и уступает слово Библии, которая одна, кажется, может сказать о самом главном среди этих камней, под этим небом, на этой земле. Поэт дерзновен, он вступает в разговор с Самим Творцом — и одновременно он смирен, он умолкает там, где всё уже было сказано до него.

Следом за ним мы проходим по тем местам, где проходила земная жизнь Иисуса Христа. Мы слышим, как постепенно стихает рассказ поэта о собственной жизни и как он обращается к размышлению о той Жизни, которой нет конца — не утрачивая при этом своего голоса, своей индивидуальности, своей абхазской, своей человеческой души. Потому что эта поэма одновременно принадлежит Абхазии и всему человечеству. И в этой абхазской поэме мы слышим слова о России, которая «шла долго с Богом, а потом без Бога», переносимся в петербургский храм Спаса на крови, ведь судьбы наших народов в последние столетия были тесно связаны друг с другом. И мне как москвичу дорого, что даже московские «проулки и дворы» нашли свое место в биографии поэта и в этом его произведении. Но и питерские, и киевские мои друзья встретят в этой поэме описание дорогих им мест. Ведь любить свой родной край — совсем не значит не замечать, не помнить других городов и стран... И, пожалуй, все мы согласимся, что «грехи — основа всех больших империй».

Вдохновленный путешествием по Святой Земле, поэт возвращается на свою собственную землю, он несет с собой свет, зажженный в Вифлееме и Иерусалиме, и, начиная от апостольских времен, повествует о том, как христианство преобразило душу Страны Души — Абхазии, как стало ее неотъемлемой частью. «Земля, нам Богом данная, родная» — не штамп, не общее место, а что-то бесконечно дорогое, как та самая ямочка на мамином горле. И она неотделима от Священной Истории, ее судьба — часть этой истории для всех тех, кто на ней живет. Ведь Евангелие не просто рассказ о событиях, случившихся когда-то давно на Ближнем Востоке — это тот образец, с которым сличают свою жизнь, по которому выстраивают свою жизнь поколения самых разных людей во множестве уголков мира, и наш поэт повествует о своем родном крае как о своем собственном доме.

С апостольских времён, моя Апсны,
Со Словом Божьим шли твои сыны!

Отдельных похвал заслуживает переводчик, Михаил Синельников. К сожалению, я совершенно не владею абхазским и не могу оценить точность этого перевода, но вполне могу оценить его красоту. Это великолепный русский стих, в котором видны глубина и своеобразие оригинала. В наши дни редко встречается поэтический перевод такого уровня, а учитывая большой объем поэмы, можно только порадоваться тому, что за дело взялся настоящий мастер.

И последнее, но для меня важное наблюдение. Поэма, которую пишет человек, проживший восемь десятков лет — это неизбежное подведение итогов жизненного пути. Но эта поэма не случайно носит название «Звезда рассвета», она проникнута утренним настроением, молодым удивлением перед этим прекрасным и древним миром, в который

Мушни Таевич выходит не только с мудростью патриарха, но и с юношеским задором, готовностью встретить новое и познать неизведанное. Остается пожелать ему сохранить это удивительное рассветное устроение души на долгие, долгие годы.

И нам вместе с ним — отправиться в это удивительное путешествие

На тот Восток, где чуда первый зритель,
Всевышний сам, всевластен и могуч,
На вечный хаос бросил первый луч...

Андрей Десницкий,
доктор филологических наук,
профессор РАН,
ведущий научный сотрудник
Института востоковедения РАН
и консультант Института перевода Библии

МУШНИ ЛАСУРИА

**ЗВЕЗДА
РАССВЕТА**

ОТДАЛЕНИЕ

(Пролог)

В селенье детства после похорон
Все разошлись, и, грустью осенён,
Задумался я в этот вечер лунный
О том, чего постичь не в силах юный.

Что есть душа? И что такое тело?
Нет, не понять, куда же отлетела,
Куда ушла душа? Каким путём?
Её измерен вес или объём?
Ни в руки взять, ни разглядеть глазами!
Хоть в нас живёт, а лишь на время с нами...

А эти все растенья, звери, птицы?
Ужель душа во всём живом таится?

О, нет, лишь человек во мгле времён
Сознаньем, Божьим даром наделён!
Не зря живут в чертах его лица
И образ, и подобие Творца.
Был создан человек,
Но для чего же?
Всё нет отгадки у загадки Божьей.

* * *

Твердят: «Прошла душа его над ним!»...
Куда ушла?
В какой туман и дым
Душа соседа двинулась, того,
Чье тело отстрадало и мурко?

Во гневе молвят: «Душу отниму!»
Но с детства милы сердцу моему
Слова иные — из воздушных струй:
«Сыночек, ты мне душу поцелуй!»

И ямочку на горле целовал я,
С её душою на устах взрастал я.
Я рядом — и большой!
Она — с моей душой...

Её ухода помню боль и морок,
Её я гладил трепетной рукой...
А было мне тогда уже за сорок.
Как сердце сжалось, как далёк покой!
Ничем не мог помочь и был не в силах
Глаз отвести от черт родных и милых.

И вот уж тьмой они заслонены.
Так солнце при затмении луны
Глотает мгла, повеявши пещерой,
И всё темнее, и любимый лик
Медлительно истаял, весь изник,
А из цветов остался жёлто-серый...

Моё угасло солнце навсегда.
Я постигал, как велика беда —
Нет матери, ушла душа из тела,
Которую я нежно целовал,
Когда я был беспомощен и мал,
С моей душою слитую всецело.

Закончилось затмение в свой черёд,
Луки от солнца брызнули вразлёт,
Но мать моя уже не оживёт.

Путь освещая, таяла свеча,
А голос отдалялся, не звучал...

Жила лишь тень надежды, и в печали
Мы вслед ушедшей свечи зажигали.

Я вижу дней туманное начало...
Детей она растила и качала,
Хранила дом, уже едва дыша...
Я верю: не умрёт её душа!

Исток она и часть души моей,
И верю, вновь соединится с ней.

Первооснова чувств и устремлений,
Душа, душа... Что в мире драгоценней?
И что весь мир, когда души лишён!
Он пуст и чёрств, и так ничтожен он.
Была бы безысходна темнота,
Но пролилась недаром кровь Христа!

Полна страданий чаша — до краёв.
День на исходе, это — вечер жизни.
И необычен колокола зов...
Последний звон,
Подобный укоризне.

А тело что? Изнемогло оно...
Таков закон, и я его приемлю —
Всё, всё, что из земли сотворено,
Уйдёт в сырую жаждущую землю.

Кормить червей — им тоже надо есть!
Клубящихся, их там в земле не счасть,
Хозяева они отжившой плоти.

Когда наш путь окончится земной,
Душа поспешно в путь уходит свой.
Зовёт с собой, но вся уже в полёте.

* * *

Душа моя, прошу, не разленись!
Так быстро эти годы пронеслись...

Мы родились с тобою в январе,
В ту ночь мороз был лютый во дворе.

Вот и тебе случилось в колыбели
Изведать холод. Вихри снега пели,
Повсюду хлопья сыпались гурьбой...

Так вышли мы в совместный путь с тобой.

Лишь труд меня спасал от скуки буден,
Желал Всевышний, чтобы путь был труден.

Шёл за мечтой я, не страдая ленью,
И своему был верен поколению,
Обрёл в работе радость, и дала
Она мне цель и сильные крыла.

* * *

Бездельнику как ни сойти с ума!
Моя строка вела меня сама,
Я и сейчас пленён, опутан ею...
Коль след оставлю, то строкой своею!

Стремись, душа, годам наперекор!
Тот первый снег не тает до сих пор.

Всегда ленивец занят чем-нибудь,
Но труд отложит, чтобы прдохнуть...
Нет, надо нынче взяться за дела
Тому, чья голова уже бела.

Пойдём, душа, путь предначертан делом!
Давай же к новым поспешим пределам!
Ещё в рассветной двинемся тиши,
Труд исцеленьем станет для души.

* * *

Душа, душа, владыка бренной плоти,
Ты — зоркий глаз, всё видящий везде,
Ты — телескоп, и в мощном развороте
Сама подобна блещущей звезде.

Не знаю, что там в глубине небесной —
Грядущее своей пугает бездной.

Весь мир шумит, и носятся витии,
И сатана ликует не впервые.

Рвёт жизни ткань и сокращает стены...
Но даже в мире гибнущем нетленны
Душа и звёзды, в них — огонь Вселенной.

От сотворенья мира предрешён
Круговорот мелькающих времён.

*«Будь весел, ведь страданьям нет конца,
Ведь звёздам, их свиданьям нет конца,
И вылепят кирпич из этой плоти
И вмажут в стену дома иль дворца».*

Так говорил Хайям, чьё слово прямо,
Мы знаем правду горькую Хайяма.

Один строитель древний начертал
То, что потом в пыли многовековой
Нашли, разрывши вымерший квартал:

«После тебя придёт строитель новый!»

Строитель молодой, из давних лет
Прими в свой час и повтори завет,
И начерти на основанье дома!

Да, сердцу эта истина знакома,
Я так же строил и слова сплетал я,
Всё то же изреченье начертал я.
Пусть поколенья мой поддержат пыл,
Чтоб наш фундамент общий крепче был.

* * *

Мудр твой завет, седой Екклесиаст,
Он просквозил тысячелетий пласт,
Он бытия границы обозначил...
Вот как ты песню горестную начал:

*Суета сует, суета сует, —
Всё суета!
Что пользы человеку от всех трудов его,
которыми трудится он под солнцем?*

*Род проходит, и род приходит,
а земля пребывает вовеки.
Восходит солнце, и заходит солнце,
и спешит к месту своему, где оно восходит.*

*Идет ветер к югу, и переходит к северу,
кружится, кружится на ходу своем,
и возвращается ветер на круги своя.*

*Все реки текут в море,
но море не переполняется:
к тому месту, откуда реки текут,
они возвращаются, чтобы опять течь...*

*Что было, то и будет;
и что делалось, то и будет делаться,
и нет ничего нового под солнцем.*

*Бывает нечто, о чем говорят:
«смотри, вот, это новое»;
но это было уже в веках, бывших прежде нас.*

*Нет памяти о прежнем;
да и о том, что будет, не останется памяти у тех,
которые будут после.*

*Я, Екклесиаст, был царем над Израилем в Иерусалиме;
И предал я сердце мое тому,
чтобы исследовать и испытать мудростью все,
что делается под небом:*

*это тяжелое занятие дал Бог сынам человеческим,
чтобы они упражнялись в нем.*

*Видел я все дела, какие делаются под солнцем,
и вот, всё суeta сует и томление духа!*

*Кривое не может сделаться прямым,
и чего нет, того нельзя считать.*

*Говорил я с сердцем моим так:
вот, я возвеличился и приобрел мудрости большие всех,
которые были прежде меня над Иерусалимом,
и сердце мое видело много мудрости и знания.*

*И предал я сердце мое тому,
чтобы познать мудрость и познать безумие
и глупость;
узнал, что и это — томление духа;
Потому что во многой мудрости много печали;
и кто умножает познания, умножает скорбь...*

*Чему нас всё это должно научить:
самое главное для людей —
почитать Бога и подчиняться Его повелениям,
потому что Бог знает всё, что делают люди,
даже их дела тайные.
Он знает обо всём добром и обо всём злом,
Он будет судить всё, что делают люди...*

Так слово завершил Екклесиаст,
И всякий век потомству передаст
Его реченья... Ты ли им не внимашь,
Моя душа, и беззаботно дремашь!

Ты помнишь ли тот наш с тобою снег?
Боюсь, что я ошибки не избег,
И мы бы заблудились на рассвете.
Когда бы выбрал я стези не эти...

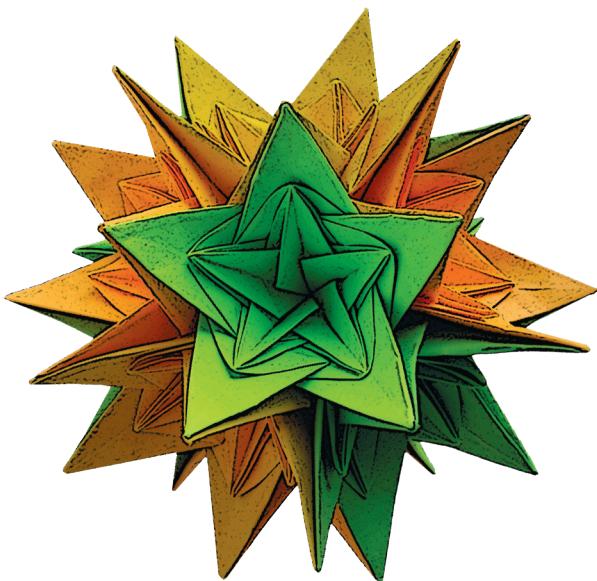
Жизнь без страданий — это жизнь пустая.
Ах, надо было, строго сочетая

С большой любовью неподъёмный труд,
Нести свой крест, как лучшие несут!

* * *

Не знает человек, что ждёт его.
Будь всё как есть, довольно и того!
Вот рыба в море плавала, гуляла,
Опасностей изведала немало,
Как вдруг попала в сети, и сперва
Лиши удивилась — тянет бечева,
А всё не страшно... К худшему готова ль?
Наплаваться успела ли ты вдоволь?

Прозрачный невод, ты невидим мне,
Но ждешь, подстерегая в глубине!

I

ПУТЕШЕСТВИЕ ДУШИ

То по морю, то по небу мой путь,
То в поезде, который не вернуть.
Всегда в пути, всегда на переправе,
И путь во сне — стал продолженьем яви.

Нет, не скажу «прощайте!» ждущим где-то,
К тем не спешу, кому бы молвить это.
Страшусь — за мной рванутся всей гурьбою!

Не взял я тела бренного с собою.
Успело так оно отяжелеть,
Не стоит больше дела с ним иметь...

Уж не вернусь, ведь всё мне нипочём!
Чего искать и тосковать о чём!
Я тратил сердце, вам его дарил,
Кто упрекнёт меня за этот пыл!

Вам спел я песни лучшие свои,
Не возродить иссякнувшей струи.
Цветы раскрылись, повесть рождена,
И жизни чашу выпил я до дна.

Уж новых я друзей не заведу
И жить привык со старостью в ладу.

Пора сказать, что мучает меня,
Ведь ждать не стоит завтрашнего дня.

* * *

О, дьявол, искуситель, душегуб,
Прочь с глаз моих! Как ты душе нелюб!
Скорее стинь,
бесследно пропади!
Я новый свет увидел впереди.

Ты — не попутчик на моей дороге,
Ведь там, куда пойду я, нравы строги.
Да он и не был никогда твоим
Мир, что так светел и Творцом храним.

Да и на что тебе моя стезя?
Нет, на неё тебе ступить нельзя.
Далёк мой путь, и не гонись за мною!
Найдешь лишь гибель, встретив неземное.

Туда лишь душу я с собой беру!
Дыханию и птичьему перу
Она подобна — столь же невесома.

...Пойдём, душа, оставим стены дома!

Скорей, скорей! Идём далёко мы!
Земная жизнь даётся лишь взаймы.

Пойдём, душа, к началу всех начал,
Где будущее Бог лишь намечал

До сотворенья мира...
Как представить
Такую явь?
А и она была ведь...

Простись с насущным и пойдём туда,
Где Слово и Рассветная Звезда
Всегда царят — в их светлую обитель,
На тот Восток, где чуда первый зритель,
Всевышний сам, всевластен и могуч,
На вечный хаос бросил первый луч.

Там сотворили и тебя,
так вновь
Ты в русло возвратишься, не прекословь!
Пойдём домой, ликуя, как дитя,
Что веселится, к матери летя.

Там колыбель твоя, и там другая
Заря нас встретит, тьму нисровергая.

Путь сердца, путь души прими, спеша,
Моя воспламенённая душа!

Пойдём, душа, к таинственному древу,
Где и Адама мы найдём и Еву.
В дни сотворенья мира и Господь
Туда сходил, даря мысли плоть.
Где всходит солнце, где истленья нет,
И вечер здешний — тамошний рассвет.

* * *

Душа моя, я на пороге тьмы...
С тобой так часто пререкались мы.
В бессоннице сражались ночью тёмной
И вместе шли под ношей неподъёмной.
Не удавалось нам передохнуть,
Не сохли слёзы, падая на грудь.

Душа моя, давай тряхнём столпами,
Что землю сочетают с небесами!
Мы вглубь земли, душа моя, влеклись.
В небесную теперь восходим высь!

Моя душа мне имя создала.
Она соткала все мои дела.
И если заберу её с собою,
Всё унесу, что мне дано судьбою.

И должен мой сегодняшний исход
Прощальным стать... И время настаёт...

О, Солнце в подступающей ночи,
Благодарю я за твои лучи!
Ты мне дарило силу и тепло,
Обещанное выполнить дало.
Мои стихи — тебе, страна родная!
Душа, пойдём же, робости не зная!

Мой дед и мой отец лишь одного
Имели сына — больше никого.
И я один, взамен всего былого,
Взамен себя я вам оставлю Слово.

* * *

Когда, объятый ленюю, как недугом,
Небрежно пахарь движется за плугом,
Он борозду загубит, запоров,
И понапрасну изнурит волов.

Когда иной, пустившись в путь некраткий,
Едва бредёт с пугливою оглядкой,
А душу на ходу сомненья рвут,
И мнится тщетным весь духовный труд,
Он, нерадивый, в рай уже не внидет
И Царство Божье даже не увидит.

Когда бойцы оставят бастионы,
Твердыня станет вмиг опустошённой...
Тропинки зарастут, и норы змей
Появятся средь рухнувших камней.

Я вспоминаю давние года,
Они во тьме остались навсегда.
Я в ней метался, слёзы проливая...
Но душу спас, и вот она — живая!

Неверующий — во вражде с Отцом
И стал ещё при жизни мертвецом...

Так неофиту Иисус изрек,
И сей завет давался всем навек.
Так вот, душа, нам нет пути назад...
И пусть теперь с любовью иль с испугом
Живые друг на друга поглядят!

Всевышний видит всё и по заслугам
Воздаст живым и мёртвым. Друга с другом
Рассудит, наблюдая их дела.

Но где Он? Там ищи, где пролегла
Межа, как бы проложенная плугом,
Добро сурово отделив от зла.

* * *

Пойдём, душа, оставим здесь *обман*!
Куда ни глянешь, мир им обуян.
Запутались мы в нём, как в паутине.
Иль всюду он, как в древности, и ныне?

Здесь редко бескорыстье, и недаром
Сомнительно то, что творится с жаром.
Во всём здесь хитрость, всюду свой расчёт,
И правит ложь и на верхи влечёт.

Вот этому как будто в кресле тесно,
И потому два оседлал он кресла.
Такая лошадь им с трудом добыта,
Что намертьво прикованы копыта.

Аж кому-то кресел мало трёх?
Упорно подавляя тяжкий вздох,
Без отдыха, в поту и до упаду
Все борются за славу и награду —
Друг друга оттесняют от костей,
Что свыше им швырнули без затей.

А встанешь на дороге — упадёшь...
Растопчут под насмешки и галдёж.
Твою здесь правду их задушит ложь.

Текут, как волны, и, за стаей стая,
Добычу делят, отыскать мешая
Ключи от заповеданного рая.

Дорогу алчным заграждать не надо,
Не сдержит их высокая ограда.
Плетя хитросплетение своё,
Они бы не заметили её.
И нет святого для исчадий ада!

Тебя, душа, им не смутить нимало.
В такой толпе ты уж не раз бывала.

Кто месяц может в рот еды не брать,
Прожить и дня не смог, чтоб не соврать.
Плодить привыкшим вымыслы так споро
Ложь — и родня, и верная опора.

Сулит одно, а делает иное:
Ложь для такого — поприще земное.
Глядит в глаза и нагло лгать привык,
Под шапкой пряча подлинный свой лик.

Так шулер, игроков заколдовав,
Показывает им, что нелукав...
Ладонь открыл он, пальцы растопыря,
А в рукаве — тузы, и все четыре.

Что ж, если хочешь, подражай ему
И наполняй своих грехов суму!

Всё выше пирамида лжи растёт
И вот уж подпирает небосвод,
Всё продолжаясь в облаке туманном...
В ней камни тоже скреплены обманом.

Нет, лжец неисправим и в беге лет.
Вдруг скажет правду, а уж веры нет...

Чтоб ей сопротивлялись, ложь нужна!
Но столь проворна и хитра она,
Коварна и на выдумки богата,
И вечно с братом сталкивает брата.

Безрука и безнога, но, похоже,
Взойдёт на башни и на стены всё же.
И тот, кто не безрук и не безног,
Её осилить и нагнать не смог.
Ложь не вернётся, коль не обойдёт
Весь клевете внимающий народ.

Гуляет всюду, где найдутся уши,
Стучится в двери, залезая в души.

Лишь истина даёт отпор соблазнам,
Обличьям лжи, всегда многообразным.
Лишь истина её превозмогла,
Лишь истина дарует нам крыла.

Пришедшая сюда из преисподней
Ложь появилась в мире не сегодня,
И в нашей речи — жизнь её и суть,
Коль речь струится, силясь обмануть.

Но полно толковать о клеветнице,
Ей своего надолго не добиться!
И пусть правдивой будет наша речь!
Душа, я прав? Признай и не перечь!

* * *

Антихрист, это — правды ворог лютый.
Воюет с Богом, верховодя смутой.
О нём всё чаще в наши дни молва,
Но ведь она покуда не права —
Ещё он в мире не успел явиться,
А так и я хотел бы с ним сразиться.
Ни с кем не спутать этого лжеца,
Заблудших душ презренного ловца.

И днем и ночью бродит он в личинах,
Глазами ест как будто бескручинных.
Губитель этот вкрадчив, но пойми:
Он только власти жаждет над людьми!

Вражду посеяв, без отдыши лгущий,
Всем райские он обещает куши.
Вот власть возьмёт, и лучше нет вождя,
Но погляди немногого погодя...

Лишь только трон захватит душегуб,
Как стал народ и боязлив, и туп.

Где пир горой и водится деньга,
Туда и ступит хищника нога,
И уж оттуда не согнать врага.

Темны его обманутые слуги,
Несбыточны надежды в адском круге.

Их плутни наблюдая тут и там,
Ты разве в силах верить их словам?..

А дьявол в тех, что стали вдруг безлицы,
Своей вселяет сущности частицы.

Как нагло правит он и оголтело!
Свой смысл теряя, слово опустело...

Всё он купил, и ложь со всех сторон
Телеэкран твердит и микрофон.
Всё куплено, и выступить попробуй,
Клеймя неправду, дышащую злобой!

Коль из эфира извлекают злато,
В эфире нет гласящих непредвзято.
У всех, как видно, истина своя,
Но ложь отвергла ты, душа моя!
Меж правою корыстолюбцев мнимой
И подлинной — хребет неодолимый.

Компьютеры, экраны вносят в дом,
Но незнаком ведущий со стыдом.
Столь благолепны и отнюдь не малы
Места обмана — площади и залы.

Как тешится он над людьми, как лжёт,
И рассекает надвое народ!
Ложь разбежалась, зараженье множа,
Ей внемлет и больной на смертном ложе.

И вижу я, куда ни попаду,
Как слушают растлителя дуду.
Как недоуздков и хитро и ловко
Загонщик ловит, хоть гнила верёвка.

Он воспаривших духом тянет вниз...
«Победа или смерть!» — его девиз.

Произнести ли имя нигилиста?
Чем он не Мефистофель? Да, Мефисто,
Что погубить нас рвётся норовисто!

Он пепелящим взглядом рушит стену,
Он купит душу за любую цену,
Так с Фаустом и совершил он мену.

Героя отодвинув, стал героем,
А вот и правит человечьим роем...

Он жив, промчалась весть о нём по странам,
И были вопли плакальщиц обманом.

«Кто не со мной, тот против!» — говорит он,
Над братом насмехаясь им убитым.
«Тот, кто со мной, тот счастлив и храним!»
Ах, эти клятвы... Кто-то верит им...

И что закон! Ему дана сумма,
Чье сводит содержимое с ума.
И серебра, и золота в ней груда,
Нет сметы, хоть взялись невесть откуда.

Он всё укупит, ведь полным полна
Его казна в любые времена.

А как же там с правами человека?
Но это всё лишь видимость от века.
Они лишь на бумаге, друг Руссо!
И катится соблазнов колесо.

Мечта о социальном договоре
Прекрасна, но подобна детской хвори.
Ты был, Руссо, и честен, и горяч,
Но в мире нашем, сетуй или плачь,
Неравноправны бедный и богач.

Здесь бедные унижены и сирьи,
И столькие не залатаешь дыры....
Да, там, где торжествует капитал,
Закон как будто силу потерял.

В краю, где со двора согнали совесть,
Блаженство всех — лишь сказочная повесть.

Подавлен бедный нищетой своей.
Где государство? Правит лиходей.
Все платят одинаковый налог.
Но труд и пот кто соизмерить смог?
Стена меж изобилем нувориша
И горестной нуждой всё выше, выше...

Душа моя, с ней не смирилась ты,
Жар отдавала доле бедноты!

Людей, шагнуть решившихся во тьму,
Удобней покупать по одному.
Раздоры наши облегчают козни
Тому, кто жаждет пагубы и розни...
Прельщаются послами лжеца,
Что пыль в глаза пускает без конца!

Среди людей блуждающий под маской
Вдруг он вознёсся над толпою вязкой.
Любви к себе он не внушил, но страх
Вселяет в души робкие впотьмах.

А в нём — сто душ... Как справиться с оравой?
Он словно бы дракон девятиглавый.

Ты можешь посетить его дворец,
Но бойся погубителя сердец!

Он стар, как мир, но ярче и всё чаще
Сегодня блещет меч его разящий.

И машет им слывущий Князем Тьмы,
Ужель с таким должны смириться мы!

Имеющие и глаза, и уши
Пусть видят, слышат и спасают души!

* * *

Ступай, душа, запечатлев дела,
Которых очевидицей была!

И по дороге к истинному дому
Оставь пустое, чуждое святыму!

Всегда стремится вниз водоворот,
Кто в нём, тот далеко не уплывёт.
Рывком — неодолимая вода
Его на дно утянет навсегда.
Скользишь, не напрягая сухожилий,
Снижение не требует усилий.

А при подъёме нужно потрудиться,
И предстоит мучений вереница.

Но одинок поднявшийся на гору,
Печаль низин его открылась взору.
Когда бы стал полегче этот путь,
Все ринулись бы в гору — вот в чём суть!

Так одинок и ты, крутой Эрцаху,¹
Так приобщи нас к блеску и размаху!

¹ Одна из высочайших горных вершин в Абхазии, «абхазский Олимп», часто воспеваляемый поэтами.

Коль ты — вершина, выведи из тьмы,
Своим сияньем озари холмы!

Не одинок лишь тот, с кем наш Господь
И Дух Святой, преобразивший плоть.

* * *

Заметь, сколь многих развратила слава!
Самодовольство — сладкая отрава.
Заносятся, себя богами мня,
И нрав у них суровее кремня.
Кремнёвые, они остры и сухи,
И нестерпимы в вечной показухе.

Гордец терпеть не может гордеца,
Их колкостям взаимным нет конца.
Всего-то и одна у них забота —
Как, отличившись, обойти кого-то!

Красуясь на коне перед народом,
Не хочет быть спесивец пешеходом.

Здесь невозможна по душам беседа.
К себе во двор не впустит он соседа.
Спускаясь к смертным изредка с небес,
Гордец откажет в просьбе наотрез,
Сам небезгрешен, на соблазны падок...
Ну, разве он, спесивый, всем не гадок!
Иное дело — гордость без гордыни,
Нелёгкий груз во все века и ныне.

* * *

Кто не предложит путнику хлеб-соль, —
Живой мертвец, такому не мирволь!
Нашёлся же ничтожный человечек!
О нём бы молвить несколько словечек...

Вот путник изнурён и жаждой мучим,
Дорогу претерпел под солнцем жгучим,
Прошёл под снегом, градом и дождём
И вдруг увидел: мы его не ждём!

... Как звать того, кто путника такого
В свой дом не примет? Не найду я слова.

Когда-то кровли делали из соли,
И не бывало ветра в чистом поле,
Дождя и снега не было в те дни,
И море было пресным искони...

Однажды на рассвете, грустнолица,
Пришла в соседский дом одна вдовица.
Но, не пуская далее ворот,
Надменный вышел к ней мордоворот:

— Что надобно, соседка?
— Горстку соли!..
— Ничем помочь не в силах! Не смололи!
Или жилище обезглавить что ли?
Разрушить крышу ради ложки соли?

И прочь с позором гонит он вдову...
Не верится, что это наяву!

И вот она, взойдя на камень белый,
Взывает: «Небо, бед ему наделай!
Пусть алчного соседа сгинет след,
Пусть дождь и снег здесь всё сведут на нет,
Пусть крыша, проломившись и растаяв,
Обрушится, похоронив хозяев!»

От гневного проклятья, говорят,
И появились в мире снег и град,
Каких никто не видывал дотоле...

Соседский дом, воздвигнутый из соли,
Умчала в море буйная вода,
И не заметно даже и следа,
Осталась только память о позоре...
И вот когда солёным стало море!

И папоротник стали рвать для крыш...
И нынче только пустота и тиши,
Где дом порывы бури раскололи —
Там жил скупец, жалевший горстку соли!

Таких ведь много в мире и сейчас,
Живут в соседстве, ходят среди нас,
И преданы всегда своей утробе,
От просьбы содрогаются в ознобе.
Покуда мир не рухнет, ни гроша
Не одолжат вам... Так-то вот, душа!

Они ни разу не произнесли:
«Войди в мой дом и хлеб мой раздели!»
Их совесть, человечность — пища моли,

И кровли их дворцов — из той же соли!
И что ни ночь, часами напролёт
Над этими дворцами дождь идёт.

Гостеприимство на земле не ново.
Хлеб-соль, ведь это — бытия основа,
Молитвой освященная всегда...
Ей не страшны ни пламя, ни вода.

* * *

Но хоть в презренье скопость у людей,
А спесь и зависть и её подлей.
Покоя эти не дают пороки!
Ест зависть, все вытягивая соки...

О, если только не убрать их прочь,
То спесь и зависть с нами день и ночь.
Коль отличился и добился славы,
Они тебя облепят, как удавы.

Всех превзойти, на самый верх взойти
Стремятся спесь и зависть во плоти.
Как поле в горькой поросли полыни,
От зависти мы чахнем и гордыни.

Ты счастлив, коль не выпил этот яд,
Светла твоя дорога, ты крылат!

Нет этим жалким грешникам числа,
Кого сгубила зависть, спесь сожгла.

Так царства и народы исчезали,
И завершён их перечень едва ли...

Тот, кто высок, пусть этим не кичится,
Пусть совестью и честью отличится!

Ученикам Спаситель ноги мыл
И в том величье и любовь явил.

Вопрос «Кто выше?» — тянет нас в провал,
Промолвив «Чем я хуже?» — ты пропал.

* * *

Предательство... Что ж, знаем мы Иуду,
Его злодейство ведомо повсюду.
Жил без любви годами одинок,
Но без измены дня прожить не мог.

В чём выгода? Спроси-ка у петли,
У дерева, чьи ветви груз несли!
Повесился он на одной из веток,
Предательства навек презренный предок...

Его собратья — всюду и везде,
Конца не видно этой череде.

Нельзя войти с доверием в эту воду,
Ты погляди в глаза такому сброду!

Завистливый Мзауч убил Навея²,
Его жену греховно вожделея.
Потомством эта проклята измена,
И знай, что мир предателя — геенна.

Предатель уползает, как змея,
Виляет, кольца скользкие вия.
Подслушивать за дверью он охоч,
А станет вдруг опасно, мчится прочь.

А всё ж не скрыть своей змеиной сути,
И столько омерзения и жути
При взгляде на презренное чело —
Клеймо измены на него легло.

Стоял он рядом с тем, кто вёл народ,
Страну спасая в самый горький год.
И ждал, предатель, милостей, щедрот,
Молил о них всё жалостней и слёзней,
А нынче первый погрузился в козни...

Вот так и затевает недостойный
С достойными невидимые войны.

Взбирайся по ступенькам до высот,
Он по ступенькам сходит — всё снуёт.
Он, узнавший родичей по масти,
К себе их тянет, распознав их страсти.

² Герои поэмы «Навей и Мзауч» классика абхазской поэзии И.А. Когониа (1904–1928).

Тех привлечёт, кого изъел порок,
Кого обычно гонят за порог.

Его борьбу святой считайте смело!
Он для людей старается, для дела.
Стране он служит и презрел досуг...

Криклихъ много лозунговъ вокругъ!
И, собственною алчностью влекомъ,
Без устали он мелетъ языкомъ.

А коль поймать предателя на слове,
Спасательная лодка наготове.
Вдруг утонул, но всплыл, и все сначала...
Ах, лучше б эта нечисть не всплывала!

А ведь вокругъ лишь пропасть, бездны мракъ,
Где он, там ад, не выбраться никак!

Христа Иуда предал поцелуемъ,
Мы плачемъ и веками негодуемъ.

И ты, душа, в минувшие года
С коварством познакомилась, о, да!
Твоя печаль с тобой в пути всегда.

* * *

Вот Хвастовство! И чем его измерить,
Как вынести, как вытерпеть, умерить?
Ещё с утра так пыжится баухал,
Что в небо взмыл от собственных похвал.

И правда, перемешанная с ложью,
Всю доброту испытывает Божью.
Заслушавшись, заснёшь, поняв, что здесь
Соединились хвастовство и спесь.

Тут заново возводят Вавилон,
И в сотый раз, и в тысячный — трезвон.
И днём, и ночью мешанина та же...
Что нужного услышишь и когда же?

От их речей победных ноют зубы,
И вторят пышным излияньям трубы.

Вот-вот экран и лопнет от натуги,
И радио постыло всем в округе,
И что теперь бывалые заслуги,
Когда купить возможно похвалу,
Как будто пишу в лавке на углу!

Коль беспрерывных ищешь ты похвал,
Которые бы всякий повторял,
Ты сам хвали всех встречных, молви всем им
Слова восторга, потчуй сладким кремом!
Трудись усердно, не жалея лести
Попутчику любому и всем вместе!

Не будь один в доходном этом дельце,
Найдутся ведь помощники-умельцы!
Ведь и родную, и чужую мать
Иным ягнятам свойственно сосать.

Да, только так, о главных помня планах,
Ты почестей достигнешь долгожданных!
Не завтра и не в следующий раз,
А вот сегодня, именно сейчас!

Услышал ты хвалу из лживых уст,
А средь достойных явно slab и пуст...
Взаимна ложь, гнусна её услада,
И за неё ещё бороться надо.

«Хвали меня, и будешь сам расхвален!»
Ах, договор неписаный печален...
Ведь хуже смерти этот жгучий срам,
Самообман, любезный шулерам.

И хвалят сочинители друг друга,
И критика привычна и упруга.
Теряет слово цену, мощь и вес,
И только к торгу прочен интерес...

Читатель, отдалившись, вдруг исчез.

И в гомоне всеобщей похвальбы
Плодятся графоманы, как грибы.
А силачи в пленау лилипутов
Барахтаются, сети не распутав.

Душа моя, мне жаль твоей мечты,
Которую спасала в муках ты!

Напиток лести и тягуч, и kleek,
Цена ему не больше двух копеек.

Ах, недругов — как был я недалёк! —
Друзьями счёл... Но был суров урок.
И вот они упали до злословья...
Меняются не люди, а условия.

Ну, что же, есть завистники, враги...
Ты спас, Господь, и впредь мне помоги!..

А ведь знакомы с нравами такими
И в Вавилоне были, в древнем Риме.
И в тех ещё преданиях найдёшь,
Как, искажая, правду губит ложь,
Как унижает и снижают планки
В угаре похвальбы и перебранки.

Стремясь удешевить и уравнять,
Всё та же низость расцвела опять.

Душа моя, как остановишь это?
Как всё случилось? Есть ли выход где-то?

Как будто бы внезапное цунами
Нагрянуло, разделяясь с нами,
Громя созданья духа и труда!
И в жилах с кровью смешана вода.

* * *

Сумятица... И партиям нет счёта,
Ведь неизбывна о правах забота.
Стараются друг друга оттолкнуть,
Пытаясь в кресло главное впорхнуть...

Дойти бы и усесться как-нибудь!

Так становись же хоть змейёй, хоть жабой,
В своё вцепляясь хваткою неслабой!
И разве зря ты столько ждал веков
Прав человека...

Их итог таков!

Увидит Бог, как ты дошёл до цели,
Прилежный ученик Макиавелли!
Чем ты хитрей, тем дальше ты пойдёшь —
Мол, сговорятся истина и ложь...

Не пустомели и не простофили
Всё делают, что ещё не поделили.
Всё, даже гору делают пополам,
Да и песок бесплодный тут и там,
Всю красоту любимых побережий,
Морскую гладь, волну и ветер свежий.
Мечтают взять богатство, силу, власть
И, поделив, упиться ими всласть.

Отдайся и тому принадлежи,
Кто больше послужил всеобщей лжи.
За кем по жизни больше прегрешений!

А коль до верхних вдруг дошёл ступеней
Чистосердечный и прямой простак
(Ведь иногда случается и так!)
И нечто он замыслил всем на благо,
Все эти сделать не дают ни шага.

Обрушились чудовищные змеи,
Обвили руки и висят на шее,
И вот уж сломлен, обездвижен он,
Потом удущен, как Лаокоон...

А змеи, за его сражаясь кресло,
Стараются, чтоб правда не воскресла.
Ломают побеждённому хребет,
Чтобы и память стёрлась в дымке лет.

* * *

Размежевались люди — всюду войны,
Разрозненные души неспокойны,
И примиренья не хотят враги...
Один огонь роднил все очаги,
Наследовалось пламя, вечно длилось...
Но что с подобьем Божьим совершилось!

Не потому ли, что не устает
Красноречивый сеятель свобод?
Ну, кто сейчас на полосе ничейной?
Ведь это был бы экспонат музейный —
Возьми его и выставь напоказ!
Но где такой сегодня среди нас?

Могуществом заморского завета
Осенена вся тесная планета.
Дохнуть нам не дают установленья,
Доводят нас до умоисступленья.
И важен их велеречивый пыл...
Неужто их Господь установил?

Отброшено, свалилось, как попало,
То, что веками нас объединяло.

* * *

Не сразу человечество возникло,
Не вместе все прошли по фазам цикла,
Из первобытной выйдя пустоты.
И чаянья различны и мечты.

Бог не желал, чтоб стали все мы схожи,
И дело тут не только в цвете кожи.
У каждого свой разум — вот в чём суть!
Любой народ свой выбирает путь...

Есть у народов множество различий,
У древних и у новых — свой обычай.
Так вышло...

Но заморский демократ
Оспаривать закон природы рад.

Он хочет всех своей измерить мерой
И всё крушит, ввергая в сумрак серый.

Какие времена настали!.. Да уж —
Где видно, чтоб мужчина вышел замуж?!
Чтоб женщина вступало гордо в брак
С подругою...

Какой позор и мрак!
Неужто смертным в мире столь нестрогом
Ниспослано безумство это Богом?

О, безрассудства веянье пустое!
Святые разрушаются устои...
Как тут смириться, открывая путь
Тому, что жизнь способно зачеркнуть!
Но бесовщиной этою объяты,
В парламентах вещают депутаты,
Неутомимо поучая нас...

Но разве согласишься ты, Кавказ?
Душа моя, на это всё глядишь ты,
И знаю: негодуешь и скорбишь ты!

Бесстыдство нас преследует упрямо...
Дай Бог, чтоб мы избавились от срама!
И будь благословен союз двоих,
Чтоб пламя в очаге не охладело!
И пусть в одно сливаются два тела,
Когда любовь соединяет их!

* * *

Пойдём, душа, путём отцов и братьев!
Мы здесь устали, силы поистратив.
Скорей уходим — духу не запеть,
Уж больше невозможно всё терпеть —
Губительна паучья эта сеть!
Кто на земле узрел твои усилия,
И шрамы, и надломленные крылья!

И, может быть, настал и твой черёд.
Не по тебе ли колокол поёт?

Где нас не слышат, быть нам и не надо.
То, что поют здесь, — не для нас отрада!
Не наша тут звучит «Уаридада»!

* * *

Не прогневись, внимавший мне брат,
Решив, что пред тобой я виноват.
Всегда моей погибели желая,
Твоя душа изнемогала злая.

Но ведь не может напоить вода
Того, кто вечно жаждет, — никогда!
Чем больше пьёт, тем жажда безысходней...

И в древности так было, и сегодня
В природе дикой — тигры, львы, медведи,
Животных мирных страшные соседи.
Но там и змеи ползают, юлят,
И, поджидая жертвы, копят яд.
Там, к дебрям волчим, к тёмной чаще
лисьей,
Луч солнца не сойдёт, слетая с высей.
Где волки, там шакалы...

Кто бы счёл

Снующих ос и комаров, и пчёл!
И это всё, пища, жужжа и воя,
Кусается, кружит над головою.
Все вместе жалят и язвят они,
Повсюду когти, пасти, западни...

Душа, ты вся в укусах, в язвах, ранах!
Уйдём скорей от пыток непрестанных!

* * *

Я не богат и не воздвиг чертога,
Да ведь и нужно было мне немного.
Лиши домик свой оставить вам смогу
На тающем в тумане берегу.

Он встал под выюгой, возле буревала,
Как память жизни, что текла, бывало.
И простоит, покуда хрупких стен
Не сломит ветер новых перемен.

Мое богатство — лишь душа и слово —
Снежинки в блеске солнца золотого.
И вот они с восторгом торжества
Звезды Рассветной ждут и Рождества.

* * *

Я больше не вернусь к тебе, Кавказ,
Где боль измен изведал я не раз...
Здесь подвигами славные когда-то
Стубили нарты доблестного брата.

Что разум их затмило в злые дни?
Считали, что прославятся они,
Коль без вины, без повода, быть может,
Зашитника народа уничтожат,
Взяв на душу такой великий грех!

Все возжелали праздничных потех
И добирались до родного края,
Гарцую на конях и распевая!..

Но честь их, усечённая, поникла...
— Кавказ, ты кровью окроплён Сасрыквы!³

Как солнце, пред которым тает мгла,
Сасрыква, память о тебе светла!

* * *

Но отчего же так нехороша
Бывает жизнь? Ответь, моя душа!

Толкая в пропасть, сокрушить спеша,
Друзья меня так часто предавали
И думали, что пропаду в провале.
А я того, кто злее стал, чем враг,
Вытягивал из разных передряг!

Я путь им открывал, был с ними рядом,
Да, с теми, что меня травили ядом.
Бревна в своём глазу вы не узрели,
Ну, а в моём соринки не стерпели!..
Я помню: собирались меня топить,
И стала явной заговора нить.
Собравшись, нападали бесновато...
Там был один похожий на Пилата.

³ Главный герой абхазского героического эпоса «Нарты».

Он мог пресечь их гомон, их трезвон
И ложь унять, что шла со всех сторон,
Но, как Пилат, лишь руки вымыл он.

Я рифму бы придумал для Пилата,
Но дружбу чту, и памятна утрата...

Любимые и чтимые мной люди
Меня при жизни хоронили, чтоб
Измучился я в грохоте и в гуде
Их молотков, вбивавших гвозди в гроб.
Надеялись, что я уж не воскресну,
Слова проклятъя с их срывались уст,
Но защитил беднягу Царь Небесный,
Был труд напрасен — гроб остался пуст.

Я был гоним и претерпел потери,
Но мне иные открывались двери,
И пусть гасили жизнь одни лучи,
Другие согревали и в ночи.
Я не молил об этом на коленях...
Здесь воля Божья, всё в Его веленьях!

Забудешь ли, душа моя, всё это?
За что меня казнили? Нет ответа.

Душа моя, не сосчитать обид,
Твой каждый шрам и ноет, и болит,
И всё же не прогнулась ты нимало,
Ни правде, ни добру не изменяла.
И лишь сильнее становилась ты,
Не утеряв начальной чистоты.

А недруги, сойдясь большой толпою,
Тебя терзали завистью слепою.
Но и тогда Всевышний был с тобою,
И всё казалось, что Ему мила,
Ты болью сердца для Него была.

Кустарник буря гнёт и давит грубо,
Но не согнуть, не выворотить дуба.
Он устоит, немыслим перекос,
Поскольку в землю дуб корнями врос.

* * *

Что с человеком сделалось, скажи,
Душа моя, уставшая от лжи!
Как вышло, что ему нет больше веры?
Как выбраться из плена прозы серой?

Иль сам он раб, который рабству рад?
Набором гибких масок он богат,
Готов сменить обличье, как наряд.

Уборщица вошла — лишь безразличье,
Личина отстранённого величья.

Вошёл чиновник — и уже возник
Восторженный и светозарный лик.
Он тает и сияет, как светило,
Что мир для этой встречи посетило.

А уж к тому, кто выше, мчится рысью,
Скользя в толпе, явив улыбку лисью.

Он ластится к начальству, нежно льнёт,
Сгибается, благословляя гнёт.

Для ста знакомых — лиц различных сотня,
Сто языков — что для кого пригодней!

Поскольку он личинами оброс,
Рассыпавшись, вся жизнь пошла в разнос.
Под масками всё пусто и безлице,
И, потерявшись, сам себе он снится.
Бредёт домой, несёт свои мешки,
В них собраны все маски и грешки,
А уж в душе угрюмый грех таится...

Уже не увидать его лица,
И в сердце только тьма и хитреца.
Куда лицо природное пропало?
А всяких масок он скопил немало
И даже перемерить всех не смог...
За этим делом незаметен Бог!

Так наизнанку вывернись, корзина!
Лицо да будет ясно и едино!

* * *

Придавленный грехами кайся, брат!
Бредёшь во тьме на ощупь, наугад.
То там, то тут — немного иль помногу —
Ты всё грешишь и досаждаешь Богу.

Верь, Божья правда правит во Вселенной,
Не трать напрасно жизни драгоценной!

Не устрашись гонений и невзгод,
Во имя правды проливая пот.

Оступишься — покайся и поплачь,
И ты спасёшься, если пыл горяч.
Не это ли важней всего земного!
Возносит ввысь раскаяния слово.

Коль согрешил, грех искупить спеши,
Подумай о спасении души!
И добрым делом все смывая пятна,
Быть может, всё искупишь троекратно.

Лишь помоги, дай прорости зерну,
И сам постигнешь жизни глубину!

Зерно, созрев, исчахнет, умирая,
Но лишь тогда дождёшься урожая,
Когда твой новый колос возрастёт!
Так всё живое движется вперёд...
И дерево, что мощно и крылато,
Чуть зrimой было косточкой когда-то.
Душа свежа, и вечер твой хорош —
Ты с этим знанием к истине придёшь.

Покайся —
Словно жгучею волною
Слеза растопит сердце ледяное!
И вырвешься из частой сети ты...
Не знает Царство Божье суety!

Всем чистым сердцем устремляйся ввысь
И днём и ночью истово молись!

Не уставай и «Господи, помилуй»
И в сотый раз промолви с прежней силой!
Святыню с жарким трепетом целуй,
Произноси «Аминь» и «Аллилуйя»!

* * *

Ты для начала примирись с врагом!
Да, трудно, но найди себя в другом!
И недруга судить не стоит строго...
Ты лучше укажи ему на Бога!

Не бей его, а будешь сам побит,
Стерпи, смирись, не поминай обид!
Да будет это главною победой,
Здесь выход к вечной жизни — так и ведай!

Не упирайся! И в Него уверуй,
Лишь Он спасёт, воздавши полной мерой!

Прощать врага, хвалить его так трудно,
Но всё вернётся — радость обоюдна.
Зажги и за него свечу, пусть ворог
Тебе пред лицом Божьим станет дорог.
Воспитывая душу в жизни сей,
Её сквозь сита тщательно просей!

Соблазны победи, себя смиряя
По заповеди, что сошла с Синая!

Ну, сколько можно тешиться враждой!
До смерти или старости седой?..

Покайся, грешник, и душой угрюмой
Склонись к спасенью, лишь о вечном думай!
Осилив плоть, души не угаси,
Её, как пламя, бережно неси!

Здесь тайна, здесь грядущего зарница,
Пусть в сердце у тебя она хранится.
Едва угаснет пламень, дар небес,
И ты погиб, в бесовской тьме исчез.

Душа, как всё, возникла из зерна,
Так и любовь всем сердцем взращена,
Доверься сердцу, как свече зажжённой!

* * *

Знай, что Отец и Сын и Дух Святой —
Три ипостаси сущности одной.
Есть слово «Он», нет для Него — «Они»...
Ты в жизнь свою впусти Его!.. Верни!

И царствию Его скончанья нет,
Оттуда льётся незакатный свет.
Вот — мирозданья вечные основы,
Но истину постичь не все готовы...

Ты Божье Слово чти и не забудь!
Ему и разум уступает путь.
В Него уверуй и не знай сомнений,
Здесь места нет для домыслов и прений.

Чтобы Его постичь, оборотись
К Нему, душе дарующему высь!

Достойным стань высокого полёта,
И отворятся вышние ворота...

Не разумом одним избегнешь ада!
Здесь Божьему поверить слову надо.
Что диспуты и споров тяжкий бред!
В них утешенья не было и нет.

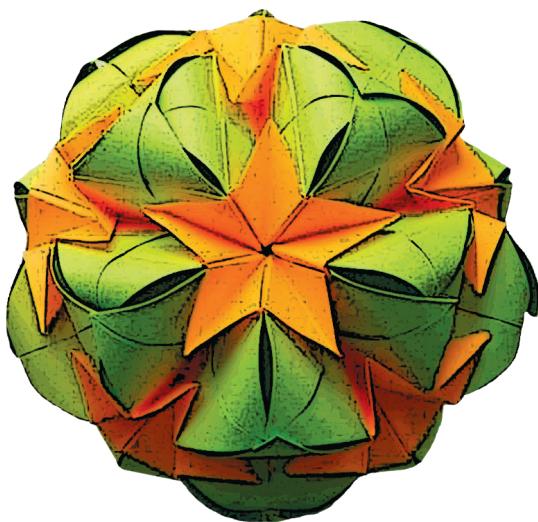
Стремись к Нему, чтобы Его постичь!
Ты от Него души не отграничь,
Старайся в Нём навеки раствориться,
Прикосновеньем душу излечи!
Тогда-то Царства Божьего граница
Откроется, и примешь ты ключи!

* * *

Душа моя, прискорбного столь много
Узнала ты, пока вилась дорога.
Удобней помолчать в конце пути,
Но как тихоне волю обрести?

Привыкшие нести свои оковы
Земных сокровищ жаждут, бестолковы.
Их ношу непосильную влачат,
Но эта алчность предвещает ад.

Пойдем. Душа, немало мы прошли,
Пусть станут сном видения земли!

II

ПО ВОДАМ МОРСКИМ

Над морем, что в движенье беспрестанно,
Паришь, к его склоняясь глубине,
Ровесница небес и Океана...
Звездой Рассвета грезишь ты во сне.

Устремлена к Священному Востоку,
Ты возрожденья ждёшь, спешишь к истоку.
Ты тяжела? О, нет, легка, легка,
Ты вся — как воздух, словно облака!

Быть может, просто веса лишена,
И вовсе глубина твоя без дна?
О, нет, весома ты, но этот вес
Заметен только на весах небес!

* * *

Давным-давно к владыке во дворец
Под видом бедняка пришёл хитрец.
И просит, дав царю зерно пшеницы,
То золото, что весом с ним сравнится:

«Ведь ты не разоришь свою казну,
А я с прибытком хоть чуть-чуть вздохну!»

Вот зёрнышко — на чаше весовой,
И золота крупица — на другой.

Ещё, ешё — струя червонцев льётся,
А чаша с тем зерном не шелохнётся...

И вот иссякла царская казна,
Ведь не бездонна даже и она.

А больше бы она была хоть в десять,
Хоть в двадцать раз, — зерна не перевесить.
Под оболочкой хлебного зерна —
Душа, что ненасытна и сильна.

Душа, загадка, где твои истоки?
И древние и новые пророки
Вещали о тебе наперебой...
Охотится сам дьявол за тобой!

* * *

Но что богатства, вес тугой мошны!
Уж так ли нам, душа, они нужны?
Земные блага столь, душа, убоги —
Помогут ли они в твоей дороге?

Богатство, деньги, вот — души потрава.
Для них и губишь ближнего лукаво
И давиши слабых, и лишаешь сил,
И душиши рабством тех, кого купил.
Их унижаешь едкою насмешкой,
И жалкий пленник делается пешкой.

Поют хвалу набившему суму,
Приходят гости, кланяясь ему.
Но, величав, бесчувствен, как бульжник,
Ни близких не жалеет он, ни близких.

Свои хоромы чтит богач, как храм,
Его алтарь, его святыня там.

Но даже спьяну никогда не скажет
О том, какой ценой достаток нажит.
И лишь одни попрёки и плевки
Всем тем, кто от наживы далеки.
И раздаются громкие попрёки
Всем, что от грубой алчности далёки...

Пройти через игольное ушко
Барыге, как верблюду, нелегко.

* * *

Был царь богатым волею судеб,
А бедный Лазарь, что просил на хлеб,
Лежал во прахе у ворот чертога,
И в муках тлело тело понемногу.
Облизывали нищего собаки,
Томительные дни прошли во мраке...

Но умер Лазарь, и душа — в раю,
А вот и царь утратил жизнь свою.
Геенна непреодолимой бездной
Отделена от области небесной.

И видит царь: вот Лазарь, он — в Эдеме,
Он бодр, он счастлив, радостен всё время.
Вокруг него цветущие сады.
И сладостно журчание воды.

А царь лишь яdom гибельным напитан...
Врагу не пожелать — в огне горит он!

И в лютой жажде к Лазарю с мольбой
Взывает царь, наказанный судьбой:
— Друг, смилийся, глоток воды пожалуй!
Сам видишь, что в беде я небывалой.

— Как мне смягчить мучение твоё?
Меж нами пропасть... Каждому — своё!
Я на земле страдал во время оно.
И было море мук моих бездонно,
Твои ж мученья ждали здесь тебя... —

Царь мечется, стеная и скорбя.
Он весть послать хотел бы домочадцам
О том, что здесь мученья вечно длятся.
Хотел бы от грехов предостеречь,
Чтоб, как его, родных не стали жечь.
Хотел сказать, что добрыми быть надо,
Быть щедрыми, чтобы избегнуть ада.

Но не нашлось посланника покуда,
Чтобы отнёс живущим весть оттуда.

* * *

Без Божьего благословенья хило
И хрупко всё, что нажил и урвал.
Удачливость — негодное мерило,
Не стоит оборотистость похвал.

И сердце открывай и двери дома,
А коль запрёшься, сморит душу дрёма.
В чём обретёшь надежду, духом хвор?
Да будет ясен человека взор!

Богат иль беден, славен иль безвестен,
Ты людям дорог, если добр и честен,
И если человечностью велик,—
Твой труд — твой нескудеющий родник!

Пусть совесть, озарив наш век земной,
Живёт в душе, как некий дух родной!

Вот что — алмаз, и что незаменимо, —
Сокровище, и нет ценней его.
Земное изобилье — сгусток дыма.
Считай, что не имеешь ничего!
Твоё бахвальство — праздная затея.
Всё золото и всё, чем ты богат,
Уйдёт, иссякнет, пропадёт, ржавея,
И лишь в душе — неистощимый клад.

Пусть тленно всё, и станет прахом тело,
Души недолговечное жильё, —
Душа жива и в небо улетела,
И создано оно ведь для неё...

Всем душу надо защищать, беречь нам!
Когда из глины нас лепил Господь,
Дал жизнь в своём потоке быстротечном,
Вдохнул и душу в созданную плоть.

Душа людская, вечная, живая,
Порой к дурному рвёшься, изнывая,
Чтобы богатство поскорей пришло...
В тебе найдутся и добро, и зло.

Спасенье, зренье, светоч богоданный,
Живёшь во мне, в крови моей багряной!

Ты в миг рожденья ранена была,
Заклятье на тебе с печатью зла,
Звучат молитвы, над тобой витая.

И только Слово Божье — твой оплот!
В твоём порыве речь моя цветёт,
Ровесница и спутница святая!

* * *

Спеши, Душа, пойдём отсель, немедля!
Хочу, чтоб нас могучий вал умчал!
Вот отдаленье наше всё заметней...
На месте не стоит и твой причал.

С другими не сравнится эта пристань,
Там и приют, и мой Эдем тенистый.

Безмолвие. Но можешь ты взглянуть,
Как блещут звезды, ясен Млечный Путь.

Дивишься блеску и услышишь вскоре
Всю музыку небесных сфер и моря.

Прекрасный мир видений и чудес!
Смотри, Душа, на празднество природы!
Вокруг тебя уже безбрежны воды,
А над тобой — вся глубина небес...

Но тут душа пред бездной неземною
Сама заводит разговор со мною
И молвит: «Надо повторять всё вновь:
Всему основа и оплот — Любовь!»

С душой доселе были мы едины,
Но некий сообщает нам напев,
Что рвётся связь в конце дороги длинной,
Что наше чувство меркнет, ослабев.

Несут нас волны в мерном перетоке,
И тает берег, смутно мельтеша.
Как вдруг я слышу голос одинокий,
То причитает, жалуясь, душа.

— О, Человек, тебе ведь знать не лишил,
Что создал из ничтожества тебя
По своему подобию Всевышний...
А ныне, души грешные губя,
Иные возвещают бесновато:
«Нет Бога! Нет... И был ли хоть когда-то?»

Они живут лишь этим кратким днём,
Враждуют с правдой, ложь свою талдыча.
Влачащихся в убожестве своём
Гнетут сомненья, мучает двуличье.

...А ты свою запекшуюся рану,
Моя душа, спеши уврачевать!
И я идти с тобою не устану,
И в покаянье будет благодать.

* * *

Смерть неизбежна. Близится она.
К ней с каждым днём всё больше мы готовы.
Коль телу участь эта суждена,
Душа какой-то жизни жаждет новой.

Ей милы Царства Божьего отрады —
Покой и дом, где не нужны ограды.

Ты алчностью, столь тщетной, не греши,
Ищи одно — спасения души.
Недалеко ходить за этим кладом,
Сокровище — внутри тебя и рядом.

Хозяева твои — душа и дух,
Забочься же о них, об этих двух!

Коль веры нет, существованье нище.
Но дом души надёжен и хорош,
Прочней скалы души твоей жилище,
Коль счастлив в нём и с верою живёшь.

А если на песке твой дом построен,
Уж никогда не будешь ты спокоен,
И кровлю наводнением снесёт.

Надёжно то, что высечено в скалах,
Там обитает — и по праву — тот,
Кто обживать годами не устал их.

Лишь тот, кто честным заслужил трудом
Такой приют, незыблемый от века.
Лишь человечность — пропуск в этот Дом,
Который созидает человека.

Вливается в глаза небесный свет,
Родную душу небо принимает,
И для неё, конечно, смерти нет,
Ведь небо вечно и не умирает.

Тропа узка к высотам перевала,
И званых много, призванных же — мало!

* * *

Бесстыжее упорство их
Скала не сдержит крепостная.
О, множество червей земных,
Томящих душу, изъедая!

Стремятся развратить её,
Продажной делают и мелкой,
Чтоб в удовольствие своё
Играть, вертя ей, как безделкой.

Зовут, чтобы сломать хребет,
Грязнят, лишают почвы корни,
Наводят тень на ясный свет,
Дробят и жалят всё упорней.

Не дай, Душа, себя обречь,
Не глиной будь, — кремнёвой жилой,
Сражайся, будь, как острый меч,
И отвечай на силу силой!

С тобой была сотворена
И сила бесовщины грязной.
Всегда по следу шла она,
Но ты не поддалась соблазну.

И злость, и зависть за тобой
Всегда бегут, не отставая,
Но этот день — как прежде, твой,
И ты сильна, душа живая!

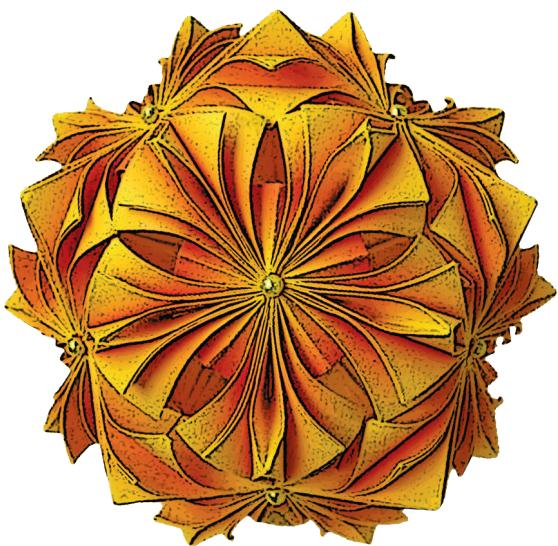
С тобою неразлучны мы
Со дня творенья, от начала,
Но тут и Князь той адской тьмы,
Что жизнь мрачит, как омрачала.

Пусть, искушеньем лишь смеша,
Мне посулят всю нашу Землю, —
Я отстою тебя, Душа,
Я искусителю не внемлю!

Я ненавижу мир его,
Лжи не поддался ядовитой,
Ей не доставлю торжество!
Душа, ты под моей защитой!

Зачем мне и Земля, когда,
Душа, блуждаешь одиноко,
Ты, Вечной Истине чужда!
Ведь нет тебе от власти прока.

Сливаясь с волшебством волны,
Плыви, душа, плыви незримо!
С любовью мы сотворены...
Лишь этоечно и не мнимо.

III

КРУГОВОРОТ ДУШИ

Оставив всё, что было мне по нраву,
Родных, отчизну, где обрёл я славу,
Я знаю: ждут, что я вернусь, друзья!

Но им вполне довериться нельзя...
Не радуется друг твоей удаче.
Ровесники — соперники всегда.
И, кажется, не может быть иначе,
И если это дружба, то беда!

Сейчас мне больно... Всё же боль осилю,
В своём пути простишись с давней былью...

Сказать ли о любви, вернувшись к ней,
Туда — к волненьям юношеских дней?

Но в жизни той мелькнула и такая,
Что обмануть пыталась, завлекая.
Запомнились хитросплетенья, ложь...
Ну, да, ей замуж было невтерпёж.

Другая поумней, но то и дело
Носилась где-то, дома не сидела.
Красуется, быть хочет на виду,
А я ищу, не зная, где найду.

Та, что глупа, меня не удержала,
А умной не удержишь... И пропала!

Любовь сулит нам горькие утраты,
И ты свои найдёшь, припомнив даты
И те места, где ты был предан ей
И упустил её... Теперь жалей!

Любовь мостом мне кажется висячим.
Как языком излизанный кошачим,
Мост скользок... Устоишь ли? Так страшна
Зияющая эта глубина.

Я перешёл ли эту переправу?
К чему всё это? Не вернуться вспять!
Постиг я рано сладость и отраву,
Восторг любви и горечь смог познать.

Любовь от сердца разум отстранила.
Она — в ограде разума цветок.
Коль нежный аромат тебя увлёк,
Споткнёшься, если не убавишь пыла...
Ах, если б разум вовремя помог!

Я это понимал. Но сердца зов
Сильнее самых трезвых голосов.

Осколки солнца есть в тебе, душа!
Их сохраню, свой поздний путь верша...

Твои черты, их кротость и красу,
Твой острый ум я в памяти несу.
Твою любовь к Всевышнему... — всё помню!

Ты слишком рано от меня ушла,
Меня бездомных сделала бездомней...
Вновь от волны весеннего тепла

Там персики цветут, как прежде было...
Где я родился, там — твоя могила!

Давно меня в соседстве место ждёт...
Рожденье, смерть, души круговорот...

Моя душа, светла и невесома,
В лучах заката прилетит к тебе,
Да, лишь одна дорога ей знакома,
И перемены нет в моей судьбе!

Найду ручей, а в нём уж неземная,
Святая, благодатная вода!
Ключ вечной жизни... В муках изнывая,
Об этой влаге я мечтал всегда.

Вовеки эта не иссякнет влага...
И ты жива, Елена — Миннегага,
И в сердце, и в стихах моих — всё ты!
Вот холмик твой — к нему такая тяга...
И дочери всё вновь несут цветы.

Песнь песней! — говорилось Соломоном
В сём мире, лишь любовью озарённом.

Натягивает ангел тетиву,
И жалят нас невидимые стрелы,
Изранив, словно бритвой проржавелой...
От боли мы страдаем наяву.

Любовь — цветок! Глядишь, она увяла.
Но помнишь жизни бурное начало
И юной страсти бешеный прибой,
Кой-кто и в гроб возьмёт её с собой...

Кольцо на пальце, это — тесный круг.
Кто из него не вырывался вдруг?

Любовь — как сон, почти потусторонний.
Припомнить лишь обрывки, лишь хаос.
Ты за любовью бросишься в погоню,
А лёгкий ветер уж её унёс.

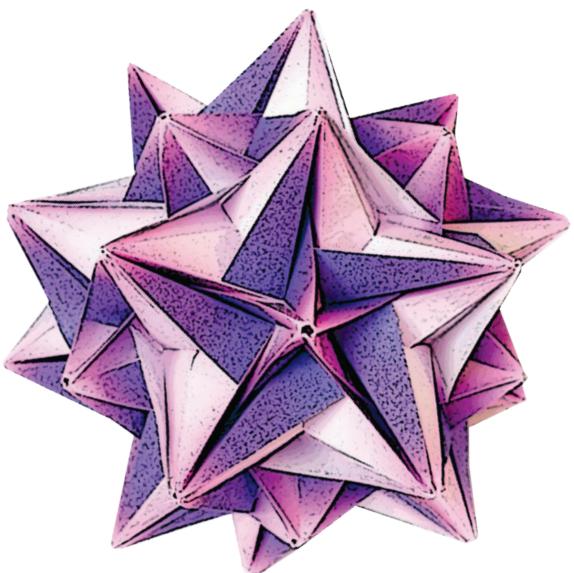
Но тот не жил, кто ею тронут не был,
Бессонницы не знал из-за неё.
И звёздное он разве видел небо,
Лелеющий спокойствие своё!

Любовь слепа, пути её туманны,
И старые не заживают раны.

И сам Всевышний говорит: два тела,
Исполнив предначертанное им,
Сойдутся в браке, станут чем-то целым,
Неразделённым существом одним.

И всё ж всего важнее Божье Слово,
Оно и в бедах сердце защитит,
Вновь обогреет и очистит снова.
Его возкажди средь земных обид!
Оно, раздавшись свыше,
Входит в души...
Услышьте же, имеющие уши!

Ты по волнам плыви, моя душа!
Ты видишь свет? Плыви к нему, спеша!

IV

НЕБО

Парю я в синеве, что высока,
И подо мной белеют облака,
И снежные хребты несокрушимы...
Я с детских лет тянулся к вам, вершины!

Я вами избран, горы, я — ваш сын,
И вы меня с младенчества дивите!
В тумане перевалов и вершин
Мои следы нетленны на граните.

Меня ребенком брали чабаны
На склон Эрцаху, в царство крутизны.
И верил я рассказам про ковчег,
На чьих обломках ныне вечный снег.

(Как тайной зачарованные дети,
Гляжу я на Эрцаху на рассвете...)

Что мне заменит данные навек
Леса, ущелья, море, кипень рек!
Вот в небесах моя душа явилась,
Внизу — земля, где я рождён и вырос,
Где я ходить учился, где мой дом,
Родительским воздвигнутый трудом.

Теперь лечу в лазоревой пустыне,
Мне стали домом небеса отныне!

Лечу над отчим краем, где меня
Отец сажал когда-то на коня.
Каким воспоминаньем я волнуем!

Да, там страна, где матери душа,
Так нежно, так взволнованно дыша,
Моей души касалась поцелуй.

Тот край, где мать на кладбище несли...
Я на могилу бросил горсть земли.

И — горсть отцу, прощаясь навсегда...

Уже я вижу этот час, когда
Простятся так же — горстью — и со мною!
Вот всё, что мне останется земное...

Что этого прощанья с миром проще!
Но столько тайн в той спрятано пригоршне,
Весь мир в ней собран... О, не суесловь,
Но этой горсткой вырази любовь,
Что безутешным горем, тяжким вздохом
Становится, не порастая мохом!..

Любовь, что в сердце светится, горя!
И есть ещё надежда в горсти этой
На то, что в жизни, бережно согретой,
Был высший смысл, и было всё не зря.

Мы говорим: «Когда и там есть что-то,
Пусть и тебя не обделят заботой!»

* * *

Не столь уж трудно облететь планету,
Но жизнь на ней, земную долю эту
Не презирай, собрав свои дела!
Жизнь, хоть её надломлены крыла,
Всё рвётся к небу, где летать могла...

А на земле — всё то же поле боя
Добра и Зла, не знающих покоя.

Тесня Добро, затаптывая в грязь,
Не зная передышки, Зло напёрло.
Сражается, нагнав, берёт за горло,
И так дерутся, Бога не боясь.

Так год за годом, что ни день с утра,
Всё длится Зла сраженье и Добра.

Не изменился человек нимало...
Две правды не согласны, и, груба,
Веками продолжается борьба.

Всё неизменно от её начала...
Душа моя, ты от всего устала.

Вот солнце село, расточился свет.
Несспешно нас нагнала ночь в полёте...
Как будто ни земли, ни неба нет.
Вы нас теперь уж рядом не найдёте.
Предавшись небу, вышли в путь ночной,
Тьма нас влечёт, мы в ней одни с тобой.

Летим мы к звёздам, но ведь нет им счёта!
Границы и предела не найдёшь.

Нет выхода — не отворить ворота,
Лишь вечно мчаться в бездне тёмной сплошь.

Луна — вблизи, и хоть погладь ей щёку!
Вот — Млечный Путь... Пройти хоть полпути,
Обнять, похитить иль примкнуть к потоку...
Теперь, куда захочется, лети!

Великое создание Творца
Не знает ни начала, ни конца...

* * *

Забыть ли этот день спустя года!
— Сегодня человек поднялся в космос,
Осиливший тысячелетий косность,
Гагарин Юрий!..

Я ещё тогда
Студентом был в Москве...
И помню, помню:
Народ всю Площадь Красную заполнил.
Героя все встречали... Был и я
На празднике... О, молодость моя!

Да, и моё лицо светилось счастьем,
И сердце билось, как и все сердца
В охваченной высоким соучастьем
Державе созидателя, творца...

О, разве позабуду этот день я!
Всегда со мною яркое виденье.

Так все мы были пылки, горячи!
Казалось: от небес нашли ключи...

* * *

Влекут нас тайны...
В гонке непрестанной
Разгадок ищут, состязаясь, страны.
Вновь — шаг, другой... Но не постичь вполне,
Не в силах мы познать мироустройство.
Вот люди побывали на Луне...
Но вечно только наше беспокойство.
Корпят в лабораториях, шурша,
Кровь изучая, роясь в нашем мозге.
Всё новых истин ловят отголоски...
Непостижима только ты, душа!

И даже мне, не то что там кому-то,
Не выдашь тайн. Твоя туманна смута...

«Мы знаем только то, что ничего
Не знаем...» —
изречение Сократа.
Тот не умён, кто не постиг его
И на себя взирает слеповато.

* * *

О, Боже мой, что делается с нами!
Повсюду разрушения, цунами...
Как эти испытанья нелегки!
И северные тают ледники.

Теплеет воздух, изменился климат,
Да, может быть, и кислород отнимут!
Сильна жара, пожары небывалы,
Леса горят и городов кварталы.
Огромные поля и день и ночь
Пылают, и ничем нельзя помочь.
Огонь внезапен, как ночной набег...
Кто ж, угадав опасность, бед избег?

Спокойно спали жители Помпеи,
Но лава их накрыла, свирепея.

* * *

Да, и сегодня гении рождаются
И, как тысячелетия назад,
Исследуют, к открытиям стремятся...
Космические станции летят.

Быть может, даст Вселенная ответы,
Как существуют прочие планеты,
И есть ли и вода, и жизнь на них,
И есть ли разум у существ иных...

Всё ищут дети маленькой Земли,
Но ничего доселе не нашли.

Но что за нашим нынешним жилищем?
Или не там, да и не то мы ищем?
Иль должно нам, презрев ничтожный быт,
В то веровать, во что и надлежит?

На множество вопросов нет ответов,
Всё снова с тем смиряемся, что нет их...

Нет, интернет здесь ничего не даст нам,
Да и коллайдер не прольёт свой луч.
Мир цифр и бесконечен, и могуч,
И нет отгадки в нём, разнообразном.
И Промысел Господень не постичь.
Проникли и в космические дали,
Но оптикою, что ни увеличь,
Моей души, однако, не познали.

На этом дух познания ослаб,
И дальше нужен мистик, а не практик.
Уж много лет взор телескопа Хаббл
Упрямо устремлён во мглу галактик.
И нам расскажут о рожденье звёзд,
Их угасанье в подступившей дымке,
О жребии, который всё же прост,
Об их сердцебиенье — фотоснимки.

Осталась тайна тех миров темна,
Но всё живут в мерцании и дрожи,
Всё блещут золотые письмена,
Так чётко ими План начертан Божий.
И строг, и неизменен их наказ,
Всё столь же обязательный для нас.

Пронизано всё небо Духом, Словом,
Извечным назиданьем, вещим зовом...
Ты эти перечитывай страницы,
Столь древние, они всегда свежи,

И чистым светом сердце освятится...
Живи по их законам, путь держи!

* * *

Пойдём, душа, дорога наша длится!
Ах, разве край оставленный был плох?
Иль худшую мы знали из эпох?
И разве запустела там божница?

Иль не для всех распахнуты врата
В молельне, где и свет, и красота,
И нет уж веры праведной и ярой,
И даже страха перед Божьей карой?

Всё тоже всюду, ждёт нас общий жребий...
Пусть миллиарды на Земле землян,
Греховны все, и Некто видит в небе,
Что грешный мир страстями обуян.

Кто зависти не ведал и гордыни,
И раболепья, иль другой вины!
Мы все со дней творенья и доныне,
Кто больше, или меньше, все грешны.

* * *

Как женщиной ты сгублен был, Адам,
Как соблазнился, гибели не чая?
Один по райским ты бродил садам,
Рассветы в одиночестве встречая.
Но Еву создал для тебя Господь,
Да из ребра ещё и твоего же.
Родной тебе осталась эта плоть,
Созданьем стала столь с тобою схожим...

Весь рай принадлежал лишь вам одним,
Бессмертным и блаженным, и нагим.

Был вам неведом, не сулил невзгод
Рождений и смертей круговорот.

Но яблоня в прекрасных этих кущах
Росла и часа своего ждала,
Сгибаясь вся под тяжестью гнетущих
Плодов познанья — и Добра и Зла.
Хранилась тайна в сердцевине яблок...
И дьявол ждал... И ветвь клонилась набок...

Ещё плода запретного для вас
Вы не вкусили... Но уж близок час.

Давно ведь дьявол тяжбой с Богом занят.
Змей соблазнять невинных не устанет.
Не зря он хитроумен, этот змей!
Вот просит Еву, обнимая древо,
Попробовать запретный плод, и Ева
Вдруг уступила прихоти своей.

Ей вкус по нраву... И спешит к Адаму,
И угощает — сладко и ему!
И грех великий завершает драму,
Явив желаний пробуждённых тьму.

И вожделенья вспыхнули, как пламя...
Что с бедными содеялось телами!
Взмахнул мечом довольный сатана,
Грехопаденьем радость сметена.

Вот изгоняет грешников из рая
Всевышний, укоряя и каю.
Вдогонку — хвори тяжкие без счёта
И смерть, и постаренья жалкий вид,
Мужчинам — жгучесть трудового пота,
И муки в родах женщинам сулит.

Ну, а змее, что совратила Еву,
Отныне только ползать суждено,
Влачиться там, где мерзко и темно,
И проклято её дрянное чрево...

Бог с человеком и расстался тут,
Друг друга в отдаленье не найдут,
Стена глухая встала между ними,
Делами мы позоримся дурными...

Мы — грешников потомки, нам не скрыться —
Всё тянетсѧ недугов вереница.

Родившись с ними, в теле их несём,
Судьба у нас такая в мире сём.

И воспарить наследье не даёт нам —
Рождаемся в грехе мы первородном.

Мужчина должен занят быть трудом,
А женщина — хранить детей и дом.

* * *

И всё же Бог людей не оставляет,
Своих детей
Он любит и спасает...

Душа должна осилить, побороть
Всех удовольствий жаждущую плоть.
Уходит тело в землю, это — прах.
Душа во всех пребудет временах.

Творец, стремленья наши возвышая,
Заботится об изгнанных из рая.
Открыв нам путь, ведёт нас по нему,
Нам ниспоспал рассеявшего тьму
Спасителя, что дарит нас надеждой
В жизнь вечную войти из тьмы кромешной.

* * *

Всё создано, как должно, в мире этом,
Всему свой срок, предписанный заветом:

Явленью звёзд и выюгам, и дождям,
И молодым росткам, и листопадам,
И океанским бурям, их громадам,
И молнии, и грому, страшным нам,
Рождению и гибели вселенных,
И черной той дыре, что их вберёт...
Где грань существований сокровенных,
Где тот рубеж, где выход есть и вход?

Что скажут нам истории потёмки?
Нет, нам не разгадать головоломки!

А говорят учёные о Взрыве,
Что якобы начало дал всему...
Материя, вскипая всё бурливей,
Вся в многозвёздном зыблется дыму.

И, как волна, упорно возрастая,
Она не знает ни конца, ни края.

Что это за материя? Откуда?
Но, что в науке ты ни соверши,
Всё ж, человек, не разгадаешь чуда...
Но истинны предчувствия души.

К нам миллиарды лет лучи летят.
О, неужели их порыв слушен?
У этой есть механики Хозяин,
Что на творенье устремляет взгляд.

Иль не нужны мы никому на свете?
И навсегда!.. Как выбраться из сети?

Полны надежд, которым время сбыться,
Всё ждём Того, кто должен появиться.
Кто объяснит всего движенья суть,
Жизнь от грехов избавить нам поможет,
Нас просветит и выведет на путь...

Пришла пора желанная, быть может!
Явись же То, во что с начальных дней
Мы веровали всей душой своей!

О, где же ты? На зов души явись,
Звезда Рассвета, озаряя высь!

V

ВИФЛЕЕМСКОЕ УТРО

Остановись же, Время! Пробил час!
К Марии, что прекрасна и невинна,
Благая весть пришла, то Божий глас:
Ей должно ждать обещанного сына.

— Возрадуйся! И знай, что Дух Святой
Сойдет животворящим дуновеньем,
Ты будешь Сына счастлива рожденьем,
И ты одна достойна доли той!
Средь женщин ты — избранница, Мария!
Господь с тобой, и этот сын — Мессия!

Вот Иисусом нарекут дитя,
И дни, и ночи промелькнут, летя...
Он — Божий сын, и, встав над всем, что мнимо,
Его держава будет нерушима.

Такие-то слова проговорил
Архангел, вестник Божий, Гавриил...

Мария в страхе — больше нет покоя...
Но знает, что судьба предрешена,
И места не найдёт себе она...
Ну, как могла услышать вдруг такое?!

Архангел ждёт...
Её ответ смиренный
Послышился и внятен всей Вселенной:

— Я с детства сердце отдала и душу
Всевышнему,
И клятвы не нарушу,
И, Господа услышав моего,
Исполню волю вещую Его!

* * *

Легко ли было!.. Ведь уже давно
В её судьбе всё было решено:
Что ей Иосиф-плотник станет мужем,
И лишь достаток в бедном доме нужен...

И вот живут, но не как муж с женой.
Она юна, невинна, жизнь — в начале.
Иосиф — весь в работе затяжной,
Мария — в сердце, места нет печали.

Рубанок, молот, долото, топор...
И в них — вся жизнь без помыслов досужих.
Всегда он точен и в движеньях скор,
Строгает ствол, и вьются волны стружек.

Живёт он честно, праведно и строго,
Семью трудом содергит, верит в Бога.

* * *

... Иосиф сдержан, духом твёрд, и всё ж
Не скрыть тревоги...
Прозвучало звонко
Немыслимое...
Или это ложь?
Но как же так? Мария ждёт ребёнка!

А в сновиденье говорят ему:
«Позора нет! Не гневайся сурово!
То Дух Святой теперь в своём дому.
Ребёнок этот — рода неземного.

Нет, не сои́тъем тел был создан Он,
А божеством в невидимом полёте.
И не из крови состоит и плоти,
Святого Духа волей сотворён».

Себе Иосиф не находит места,
Услышав весть, сошедшую с высот...
Пусть не его, но всё-таки — Невеста,
Святая Дева у него живёт!

* * *

И длится время, полное забот,
Хозяйствованье тянется рутинно.
Рождения обещанного сына
Чета святая богомольно ждёт...

С беременной женой в Вифлеем
Иосиф добредает... В это время

Шла перепись, и место нужно всем
В заполненном толпою Вифлееме.
И вот они явились в городок
И не нашли ночлега, сбившись с ног,
Стучатся тщетно в запертые двери.

Куда деваться? И находят хлев,
Где приютились, сникнув, ослабев...
А тут и роды — под скалой, в пещере!

* * *

Всё близится твой час, Звезда Рассвета!
Вот — Вифлеем, и ты взойдёшь над ним,
Закончится и ожиданье это,
Ход времени стал неостановим.

Звезда Рассвета — не чета эмблемам
Земных владык, твой горний свет высок,
И небеса твои — над Вифлеемом,
И ждёт Земля, и твой приходит срок!

... Сметая ночь, встаёт она с Востока,
И льётся свет свободно и широко.
Мир, что от ожиданья изнемог,
Другие звезды так не озаряли...
Она — и Слово, бывшее в начале,
И это Слово означает — Бог!

На все другие звезды непохожа,
Она взошла, как знамение Божье,
Спасителя рожденье возвестив,
Невиданного блеска перелив...

Её явленье предрекли пророки,
А время шло, переменялись сроки,
Но люди ждали, веровал народ,
Что день настанет, и она взойдёт.
И до поры — заветное Светило
Себя в сердцах у ангелов укрыло.
И вот струит лучи по небосводу
Дар Божий человеческому роду.

* * *

Она горит, ярчайшая звезда,
Она всё ближе, движется сюда...
Остановилась, освещая ясли.
Её лучи доныне не угасли...

Гори же, изливая благодать,
Свет вечности, целящий и чудесный!
Тебя Отец изволил нам послать,
Всемилостивый наш Отец Небесный.

И сами небеса теперь воочью
Должны увидеть чудо этой ночью.
Звезда такая над Землёй нова,
И не было такого Рождества!

Лучей потоки озарили хлев,
И овцы чуда ждут, оторопев,
И жаждут небывалого коровы,
Да и быки задумались, суровы...

Луч темную прорезал синеву,
И Божий Сын рождается в хлеву.

Родился сын Марии... Мать вздохнула,
Ведь в муках сына обрела...

Возник

Растущий новорожденного крик,
И вся пещера вздрогнула от гула.

Корова тут младенца облизала
Шершавым и горячим языком,
Согрела тельце, как телка, бывало,
И напоить готова молоком.

Звезда Рассвета всё стоит над хлевом,
В который искры сыплются посевом...
Так радостно святое торжество!
Сиянье — вокруг прекрасного младенца.
На сына всё не может наглядеться
Мария, спеленавшая Его!

Тревога отошла, пришло спасенье,
И задремал младенец в тёплом сене.

И радостен Иосиф — не уснёт,
Ребёнка нежно на руки берёт.

* * *

Тут на поклон пришли волхвы с Востока,
Узнали звездочёты, мудрецы,
Куда Звезда ведёт их издалёка...

Несли дарами полные ларцы,
Где были ладан, золото и смирна —
Святая дань от всей Земли обширной.

И за Младенца вещие волхвы
Молились пылко и благоговея...
Сбылись, поднявшись из глухой молвы,
Пророчества Исаии и Михея.

И оказалось: истина жива,
И всех пророков ожили слова...
Они Его рожденье прорицали
И Царствия Его в грядущем ждали.

И должен был Мессия в мир войти,
И вот родился в день обетованный,
Явился к нам Спаситель долгожданный,
Спасительные указал пути...

* * *

Он в облике явился человечьем,
И все тревоги наши в сердце нёс,
И отличался только красноречьем
В круговороте радостей и слёз.

Как мы, порой томился Он от жажды,
Превозмогал усталость, духом креп,
Мужался, гнев смиряя не однажды,
И насыщался, преломляя хлеб.

Любил большие семьи, в семьях этих
Любил побывать — души не чаял в детях.

Любовь отца и сына, верность брата
И матери забота, душ родство
Ещё он с детства чтил... Всё это свято...
Но тут и мы походим на него.

Все люди были для него родными,
Всем сострадая, был он ласков с ними.

Он был, как все... Вот — плоть и кровь, и кости...
Он умер бы, ничем не защищён,
Когда бы вбили в это тело гвозди...
И мы бы так же умерли, как Он!

Разбился бы, когда б упал с утёса...
Ответит, коль затеешь драку с ним,
Но честен, прям и не посмотрит косо.

Правдив... При этом Промыслом храним.

Да, он родился Богочеловеком,
Но с нами схож и тем же вскормлен млечом!

Но, прикровенный нашей простотой,
Жил среди нас Вселенной Царь святой.

От Матери — и плоть и кровь Христова,
Душа — от Духа изошла Святого.

* * *

Его земные корни глубоки,
Восходят к Аврааму, Исааку,
Иакову... На свет, противясь мраку,
Они ведут, забвенью вопреки.
И вот продлились до царя Давида,
Чьё славное потомство плодовито...
И Он — из тех, кто был еще в Начале.
Не зря Его пророки предвещали!

Идёт преданье за преданьем следом.
Но главное: был грех Ему неведом!..
Таков, как мы, но только посмотри:
Свет излучал, был светел изнутри!

* * *

Постигла вся Природа, Кто на свет,
Столь долгожданный от начала лет,
Явился в мир, и летоисчисленье
Пошло отныне от Его рожденья.

И сквозь тысячелетья без конца
Всё будет литься блеск Его венца...

Вот — календарь, он — бытия основа...
А здесь равно тысячелетье дню!
Всю суть движенья многовекового
Тот день объемлет...
Здесь повременю.
Знай: времени у нашего Творца,
В его небесном царстве, нет конца.

Оно зовётся вечностью...
Есть сроки
У лет и зим, но небеса высоки,
Там времени поток не разделён,
Столетья не разъединяет Он!

И там, вдали от грешной сей планеты,
Его лишь воля и Его заветы!

Тот дни свои грехами полнит всклень⁴,
Тот праведно проводит каждый день...
Учись же тратить так года и дни,
Чтобы добро несли тебе они!

Не забывай, что вечный есть Хозяин,
Он видит мир, в котором нет окраин!

* * *

Спаситель в эту ночь родился тут,
И ангелы склонились к изголовью,
И хором колыбельную поют,
И внемлет мир с восторгом и любовью.

Не молкнет колокольный перезвон,
Ликуя, всюду раздаётся он,
Ему внимают люди, замирая,
Сегодня отворились двери рая!
Весть о рожденье Сына, всех волнуя,
Мир пробудив, летит во все края.

⁴ Всклень — доверху, до краев сосуда.

И льется Иисусу — «Аллилуйя»!
«Аминь!» — я говорю, душа моя!

* * *

О, Вифлеем, спешу тебя узреть я!
Прошёл я через два тысячелетья.

Купается в лучах твоя земля —
Твои сады, твой холм, твои поля!

Младенец тот встаёт перед глазами!
Иду к пещере, и в подземном храме,
В тех яслях, на колени я встаю,
Тебе всю душу отдаю свою,
И колыбель твою омыл слезами!

Она с блаженством неземных отрад
В мою зарю вошла и в мой закат.

О, нет нигде подобной колыбели!
Здесь, посреди евангельской земли,
Твоей Звезды лучи меня нашли
И в памяти моей не ослабели.

Я постигаю на своём закате:
Меня не станет, но жалеть о чём!
Ведь я пребуду в этой благодати,
Всегда — в её луче, с её лучом!

И пусть моё он осеняет слово,
И вечно жизнь рождается всё снова!

Здесь, в воздухе, в природе Вифлеема,
В священной колыбели, в яслях тех,
Душа моя благоговейно-немо
Пребудет вечно, искупая грех...

Спаситель наш родился в Вифлееме!
Звезда Его блеснёт в моей поэме...

Я на заре, что трепетно чиста,
Внимал сердцебиению Христа!

VI

СИНАЙ

Лети, Душа, на высоту Синая,
Взмывая над песками тут и там.
Перед тобой — стезя давно родная,
Ведь ты проходишь по Его следам!

О, разве здесь хоть пядь земли мы сыщем,
Где не ступал Он легкою стопой?
Страна, что становилась пепелищем,
Вся в рушище она, песчаном, нищем!
И вдалеке — её Сион святой.

О, эти стены Иерусалима!
Писанья колыбель неопалима.

Из века в век Закон здесь Божий чтим,
И свят завет пророков величавый...
Обитель духов, доблести и славы,
О, Иерусалим! Иерусалим!

Страдавший много, изнурённый ношней
Своей вины и гнев познавший Божий
Сей роковой жестокосердный град,
Где был Спаситель мучим и распят.

На той Голгофе, на камнях презренных,
Усеянных костями убиенных...

Земли заветный город и небес.
В нём наш Спаситель умер и воскрес!
Свою навеки он оставил речь нам,
Чтобы весь мир узнал о Царстве Вечном.

Отыщем ли здесь место хоть одно,
Где не звучит Его святое имя!
Здесь на устах у всех всегда оно,
И средь руин, и в воздухе над ними.

* * *

Вот возникаешь предо мной, Синай!
Я сладостные слёзы проливаю...
Издалека пришёл я в этот край
К Святой горе Всевышнего, Синаю.

Итак, передо мной Гора Господня!
Отец и Сын, и Дух Святой! Стою
Перед Синаем, славным и сегодня...
Молю: примите исповедь мою!

Синай, Синай! Твоих лучей сияньем
Освещена земля на утре раннем!
С твоей струяся священной крутизны,
Стал Словом свет, что озарил скрижали,
Дошёл и до Кавказа, до Апсны,

И назиданье мы твоё узнали,
Как и огонь, что негасим и свят,
Из сердца твоего пророком взят.

Твои пустыни сожжены дотла,
И потянулись цепью опалённой
Обрывистые эти крутосклоны,
И на скалу склоняется скала.

Как будто человеческой рукой
Положены каменья на каменья,
Изрытые работой вековой
Пустынного сухого дуновенья.

Стекающие каменной рекой
Каким землетрясением разбиты,
Изломаны, изранены граниты?

Кой-где подобны Ноеву ковчегу,
Который приготовился к побегу...

Хребет, песком покрытый, желто-сер.
Ты видишь много щелей и пещер,
Дождем и ветром созданных повсюду, —
Природы здешней странную причуду.

Ни зелени нигде, ни родника,
Ни зверя, ни растения, ни тени...
Пустыня бесконечна, велика,
Ничто здесь не стремится к перемене.

Куда ни глянь, — песок. Он раскалён.
Не угасает жгучий небосклон.
Печёт. И ноги бедного верблюда
Всегда в огне. А он бредёт, бредёт...
В мечтах о тени, вечно терпит гнёт,
Ведь на горбах — пожитков чьих-то груда.
Так редок дождь, так тяжкий путь далёк!
Здесь правят солнце, ветер и песок.

Всё предрёшил Господь в краю песчаном!
Не миновать пустыни караванам.

Пески всё те же, горные вершины...
Всё так же на верблюдах бедуины,
Покачиваясь в сёдрах, едут тут,
Иль, взяввшись за поводья, их ведут,
Усталые, бредут цепочкой длинной,
Текут пески и сыплются стремниной.

Верблюды здесь — как в море корабли,
Концы пустыни сблизили, свели...
Извечна связь верблюда и пустыни!
Нет, их никто не заменил доныне.

* * *

... Дорогой и жарой утомлены,
Страдая от усталости и жажды,
Скитальцы из египетской страны
Остановились где-то здесь однажды.

Они уже три месяца брели,
Шли, торопясь, от рабства убегая.
Дошли до этой выжженной земли,
Ну, а теперь им смерть грозила злая.
Но к новой жизни от юдоли сей
Вёл свой народ провидец Моисей.

И помогал Господь, благословив
Путь к той земле, что им обетованна.
И, словно урожай небесных нив,
Как снежный пух, к ногам спускалась манна.

И вот благовеино млад и стар
Руками собирали этот дар.
И продолжалась долгая дорога,
И слаще пищи не было и нет...
Спасительная манна сорок лет
К ним падала с небес по воле Бога...

Ну, кто ещё страданий столько снёс,
Как эти, что ушли от фараона!
Так много бед, так много было слёз
В пути к Святой земле во время оно!

* * *

Природы, знавшей зрелище такое,
Пейзаж не изменился за века.
Она в своём незыблемом покое
От остального мира далека.

Здесь наконец душа твоя свободна,
О жизни думай, сколько ей угодно,
И всё мироустройство в тишине
Осмысли тут, с собой наедине!

Среди природы тусклой и угрюмой
О прошлом и о будущем подумай!

У этого песчаного причала —
Дороги человечества начало.
К высотам путь начало здесь берёт...
Иди с Его заветами вперёд!

О, я сюда стремился с давних пор!
Вершина, что превыше прочих гор,
Мне грезилась в каких-то дальних далях.
И вот я вижу, вижу наяву
Начертанное чётко на скрижалах:

*Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим
Не сотвори себе кумира
Не произноси имени Господа, Бога твоего, всуе
Помни день субботний*

*Почитай отца твоего и мать твою
Не убий
Не прелюбодействуй
Не укради
Не произноси ложного свидетельства
Не желай дома ближнего твоего...*

Всё, что всего насущнее для нас,
Всё главное вложил Ты в десять фраз!

Нанёс Ты на две плоские плиты
Напутствия слова и правоты.
Здесь, на Синае, где теперь стою,
Вручил ты людям истину свою,
Закон, необходимый для Вселенной,
И заповеди эти неизменны.
Их, горним светом пересилив тьму,
Ты передал народу своему.

Лицом к лицу Бог с человеком встали
И вечный заключили договор...
Забыть ли, что из камня этих гор
Святые изготовлены скрижали!

К тебе, Синай,
Он в этот день сошёл,
Земной причастен сфере и небесной...
Гора тряслась, был гневный гром тяжёл,
Сгустилась мгла на высоте над бездной.

Перемежались молния и гром,
И скалы обметало огневеем.
Бурлила высь в кипении сплошном...
Так здесь Господь встречался с Моисеем!

Из всех живущих мог лишь Моисей
Подняться к высоте священной сей!

Господь спускался тёмной тучей, тенью...
Сходил, как сумрак, на скалистый путь...
О, не стремись к запретному видению,
Ведь смертным на Него нельзя взглянуть!

Идущие из сердца прямо в души
Ты заповеди Божьи тут и слушай!
Над миром их с волненьем воздевая,
Спустился Моисей с высот Синая.

Герой и вождь, народу Богом данный,
Он совершил деяние своё,
Но, подойдя к Земле Обетованной,
Лишь издали увидеть смог её!

Не довелось ступить на землю эту
И в ней остаток жизни провести.
Так мы стремимся к брезжащему свету,
Но оборвётся жизнь на полпути...

Виновен каждый на Земле в проступке,
От изначальной не уйти вины.
И Моисей был человеком...

Хрупки

Людские судьбы... Определены!..

А заповедей сила неизменна.
Еврейские их приняли колена,
Христианин усвоил каждый стих,
И принял мусульманин правду их,
И поклонился Библии пророкам.

И даже коммунисты не смогли,
Наследье оглядев пытливым оком,
Отринуть свет, мерцающий вдали.
То приспособив, это изменив,
Занявшись откровенным plagiatом,
Добавить вечной истины порыв
К своим идеям силились предвзятым.

* * *

Еще на утре дней я принял это
Святое пламя Нового Завета,
Смог этот воздух с верою вдохнуть —
Рожденье Иисуса, крестный путь,
Смерть и над смертью дивная победа,
Свет жизни вечной, мирозданья суть...

И некий отблеск тайны неземной,
Коснувшись сердца, с детства был со мной.
И Слово Божье с юности столь ранней
Влекло в обитель грез и упований...

Мой крестный путь прошёл сквозь времена...
Душа моя, всё знаешь ты одна!

VII

ПСАЛОМ ЖИЗНИ

Душа моя, все горячее жар твой,
И голос мой так пылок на рассвете!
Всё кажется: моею звучной арфой
Разогнан весь туман тысячелетий...

Душа поёт земле и небесам,
Любовь рождая и приумножая.
То голос тих, то внятный тут и там,
Доходит до неведомого края.

Звезду Рассвета жду, молясь о ней.
Она рассеет мрак невыносимый,
И песнь моя всё громче и слышней,
И, может быть, проникла в мир незримый.

Как этих звуков описать исход?
Услышав песнь, исполненную силы,
Отсеченная ветка зацветёт,
Захочет мёртвый выйти из могилы!

Прельщающий поэта соловей,
Умолкни с лёгкой песенкой своей,
Услышав этой песни половодье!
Заполнив весь открывшийся простор,

Она звучит, и, оборвав поводья,
Могучий конь летит во весь опор!

Вот он примчался к логову дракона,
Громадную разинувшего пасть...
И богатырский меч разит с разгона,
И суждено чудовищу упасть.

Поют земля и небо всё чудесней,
Согласно и торжественно звуча,
И ввысь душа взмывает вместе с песней,
И высоко горит моя свеча.

Не пел я раньше этого псалма...
А в нём душа заключена сама.
Сегодня, к небу простирая руки,
Я возношу и радости, и муки.
Вот, заново рождаясь, я пою
И продлеваю в вечность жизнь свою!..

Умрут ли, царь Давид, твои псалмы?..
Любовь певцов соединяет в хоре,
И жизнь, и смерть, и радости, и горе
В твоих напевах принимаем мы.

Весь мир в них отзывался беспредельный,
Единый от глубин и до высот...
Псалмы входили песней колыбельной
В тот дом, где подрастал Младенец тот!

Звучала эта песня с давних дней.
Невесту в дом вводили вместе с ней.
Живой напев, и трепетен, и целен,
В мир исходил из храмов и молелен.

Нам этот внятен издревле псалом,
О жизни величайшая поэма,
О Царстве Вечном...С нежностью, с теплом
Поют её у самых врат Эдема.

Душа моя, прощаясь с телом, спой
Мне эту песнь немыслимой разлуки!
Молю, не оборви напев святой!
Продлится жизнь и обновится в звуке.

И заново я тело обрету,
Не знающее старости и срока,
И ожидает только жизнь в цвету
Того, кто с верой устремлён высоко.

О Жизнь, все испытания твои
Я перенёс, привыкнув к переменам...
Дай, Бог, услышать в звуках литии⁵
Напев о Царстве вечном и блаженном!

⁵ Лития в богослужении — служба, совершаемая усиленной молитвой вне храма по случаю бедствий или по усопшему.

И душераздирающий «Азар»⁶
Пусть раздаётся, небо сотрясая,
Чтоб ожил в сердце юношеский жар...
Песнь предков, лейся и в преддверье рая!

Твоё надгробье дивное, Давид,
Застыло среди жизненного моря!
Но не твоя ли арфа вновь звенит,
Моим тревогам и надеждам вторя?

И эти звуки далеко текут
И ободряют, и ведут героев.
То в них стенаний судорожных гуд,
То похвалы ревнителям устоев.

Приблизился к твоей могиле я,
В которой ты лежишь тысячелетья.
Здесь камень свят... Но слово, песнь твоя,
Вот — величайший памятник на свете!

Иду, волнуясь, по земле твоей...
Всегда со мною тот распев давнишний,
Живая песнь благословенных дней,
Когда впервые ей внимал Всевышний.

Твой древний город Иерусалим,
Где всех святынь святее холм Сиона...

⁶«Азар» — абхазская народная песня, которую исполняют во время конно-спортивных состязаний; она также звучит и в ритуальном действе, посвященном памяти наездника, не оставившего потомства.

Влечёт судьба к преданиям твоим,
Теперь в свой путь я верю неуклонно.

О, царь Давид, прости, и я пою!
Твои псалмы в душе храню с любовью,
О Господе слагаю песнь свою
И вдохновлён и стариной, и новью.

Вот я иду по родине твоей,
Когда-то простиравшейся до Нила,
И в эти дни нет мне её родней...
Меня Господне Слово осенило.

И нет царя, но Слово выше трона...
И Храма нет, чья участь решена
Веленьем Бога... Но тысячезвонно
Звучат псалмы и в наши времена.

Что на земле ценней псалмов твоих!
Пока трепещут этой арфы струны,
Пока звучит взывающий твой стих,
Душа жива и дышит силой юной!

VIII

КРЕЩЕНИЕ

И вот стою я перед Иорданом,
И вечность — в этом миге богоданном.

Явился пред очами Иоанн.
Он избран небом и в служенье рьян,
Грядущего великий тайнозритель...
Народ сзывает к таинству Спаситель!

Звучит призыв, будя и потрясая,
И то сбылось, что возвестил Исаия:

*«Вот Я посылаю вестника Моего пред Тобою,
Который приготовит Тебе путь».*

Голос глашатая в пустыне:

*«Проложить путь Господу.
Прямыми сделайте стези Ему»*

Вот этим-то и занят был Предтеча,
Словам пророчеств не противореча.

*В пустыне появился Иоанн,
Который омывал водой и призывал людей*

*Возратиться к Богу и в знак этого омыть себя,
Чтобы получить прощение грехов.*

Он возвещал:

*«Следом за мной идет Тот, кто сильнее меня,
Я недостоин даже нагнуться
и развязать у Него ремни сандалий.
Я вас водой омываю,
А Он омоет вас Духом Святым...»*

Был старше на полгода Иоанн
Того, Кому готовил он дорогу.
Высокий жребий был пророку дан,
Чтоб то свершилось, что угодно Богу.

В пустынях он бродил и по наитию
О Царстве Божьем страстно говорил,
И с небом связан был незримой нитью,
И не угас его могучий пыл...

Он дикий мёд вкушал и саранчу,
И ягоды, и подходил к ручью,
Чтобы воды испить или омыться.

Носил верблюжью милоть — власяницу,
И, препоясан кожаным ремнём,
Искал лишь правды в странствии своём.

Гласит Писанье, говорит преданье,
Что здесь народ купался в Иордане.

От накипи грехов и шелухи
Освобождались души, смыв грехи.

Здесь Иоанн — для этого и жил он —
Крестил и незнакомых, и родных.
Горя любовью трепетной, крестил их
И всё молился истово за них.

Вот Иисус туда, где был Предтеча,
С молитвою пришел — на Иордан.
Предрешена была такая встреча...
Крестить Его был должен Иоанн.

Призвание обрёл он в действе этом,
И озарился лик небесным светом.

Не зря пешком Мессия в этот дол
Из Назарета к Иоанну шёл.

Тот захотел креститься, кто безгрешен,
Он наши вины принял без вины!
Быть хочет там, где душный мрак кромешен,
И все, увы, хоть в чём-нибудь грешны.
Взял на себя Он их грехи с любовью,
Решившись смыть вину своею кровью.

* * *

Все, за руки держась, вошли в стремнину...
Тут Божьему явиться должно Сыну!

И вот, судьбу народа разделив,
Со всеми в этот миг в стремленье схожий,
Вступил, ликуя, в плещущий разлив
Сей Бог и человек, Сын этот Божий!

Вот в глубину ушёл Он с головой.
Как будто смерть, нахлынув, поглотила...
И вынырнул... И, значит, вновь живой!
И торжествует жизненная сила.

Вот знак крещенья!
Вижу, потрясен,
И смерть, и воскресенье... Дивно, странно!
Вот Иисус! Крещенье принял Он,
Свидетелем избравший Иоанна!

Ликует, и душа его поёт,
Как будто устремляется в полёт.

Выходят, не спеша, из Иордана...
Вдруг неба отворяются врата.
И вот оно, виденье Иоанна!
Внезапно просветлела высота.

И в облике явился голубином
Сам Дух Святой.
Он, озаряя высь,
Из синевы спустился к тем долинам,
Где жаждущие правды собрались...

Друг друга видят Дух Святой и Сын,
И льётся свет превыше всех вершин...

И твердь небес как будто раскололась,
И слышится небесный властный голос:

— Се есть Сын Мой возлюбленный,
В Котором Моё благоволение!

Как не узнать отцовский голос Сыну!
Сын радостно приемлет благодать,
Свою он принял участь и судьбину —
Священной жертвой, агнцем Божиим стать.

О, Иордан, прозрачный, нежно-синий,
Ты небесам с веками лишь родней,
И всё святей Крещения святыня,
И мы ликуем, поклоняясь ей.

Теченье Иордана нешироко,
Но навсегда священно от истока
До устья средь базальтов и солей.

...Отсель повёл для должного искуса
Сам Дух Святой в пустынью Иисуса.
Там нестерпимый веет суховей.

* * *

И ждёт уже Мессию Сатана,
Враг Иисусов, и многообразны
Уловки, чья изысканность черна,
За сорок дней возникшие соблазны.

Как мерзкий дьявол всё-таки хитёр!
Как, изошряясь, сilitся коварство
Найти в душе Спасителя зазор,
Небесное Его разрушить Царство!

Какие козни!
То, суля крыла,
Он убеждает прыгнуть вниз с утёса,
Стараётся прельстить сладкоголосо,
Чтобы потом унизить, сжечь дотла!

То, повествуя, как земля богата,
Покажет и дворцы, и города,
Всю роскошь жизни праздной — без труда,
Но в средоточье блеска, аромата.
И женщин обнажённых груди, плечи,
Бессстыдство взглядов, вкрадчивые речи...
Рабов бессчётных, падающих ниц,
И золотых паренье колесниц,
Всё золото, багряное, как зори,
Всё, всё, что видишь на земле и в море!

— Всё, что захочешь, дам в одно мгновенье,
Но стань передо мною на колени! —

Твёрд Иисус. Не отвратив лица,
Он с истиной своею до конца.

Сын Божий не сломился, Божья сила
В единоборстве этом победила.

О, разве мог Он в сторону свернуть,
Отвергнуть предстоящий крестный путь,
Предать предназначенье и призванье!
И ведал: казнь — и скоро — суждена,
Но выпить чашу Он решил до дна,
Пошёл, Отцу послушен, на закланье.

Ни с чем остался дьявол, сгоряча
Клянущий всё завистливо и злобно.
Уполз, свой хвост песками волоча,
И вновь пустыня лишь себе подобна,
Пустым-пуста... Лишь ветер и песок
В ней властвуют... Спаситель одинок.

Но ведь и там, где плен столь безысходен,
Поистине велик Он, Сын Господень!

* * *

Весть горестная вскоре прилетела,
Что палачом был Иоанн убит...
Предтечи Иисус продолжил дело,
Себя в своём боренье не щадит.
И с проповедью, жизни не жалея,
Идёт Он по родимой Галилее.
Всех призывает на своём пути
В селенья Божьи, смыв грехи, войти.

Мир для него неразделим и целен,
И полноправны иудей и эллин.
Вселяя в Слово свой высокий пыл,
Людей Он покаянию учил.

И всё одно — ты беден, иль богат,
Перед Христом — в крещении — все эти
Равны мужчины, женщины и дети.
Пойми, что нет ни для кого преград,
И спасены, и святы все на свете!

Но грешных не дозволено утех.
— Раскайся, грешник, искупи свой грех!

Свершать возмездье воспрещая нам,
«*Отмщенье — мне!*» — сказал Он, —
«*Аз воздам!*»
Так на себя грехи взвалил Он мира,
Что жил во тьме столь бедственно и сиро.

... Так всё, что Сын услышал от Отца,
Вносил он в наши души и сердца.

* * *

Вхожу... Святые воды мне по пояс.
Стою, молясь, волнуюсь, беспокоясь.
А ведь вода, как в древности, мутна.
И всё же нет реки на свете чище,
Сулящей нам небесное жилище!
И воплощенье святости — она.

И говорят, что именно вот здесь
Вошли в поток Мессия с Иоанном...
Была весна в цвету благоуханном.

Креститься тут удобней в самом деле,
Ведь далее стремнина всё сильней.
И дети бы её не одолели,
И взрослые не справились бы с ней.

И я вступаю в воду без опаски.
Не верю, что всё это наяву,
И этот час — как праздник светлой Пасхи,
Я полной жизнью наконец живу!
Пируя, слышу голос неземной:
«Омойся и грехи скорее смой!»

* * *

Вот я иду к верховьям Иордана.
Течение сникает, ослабев.
Здесь камни, водопады и лианы,
И брызги пены, и волны припев.
Как это схоже с нашими ущелье!
И так чарует красота дубрав...
Здесь Иордана вольное веселье
Напоминает быстрой Бзыби⁷ нрав.
Такие же у речки рыболовы...

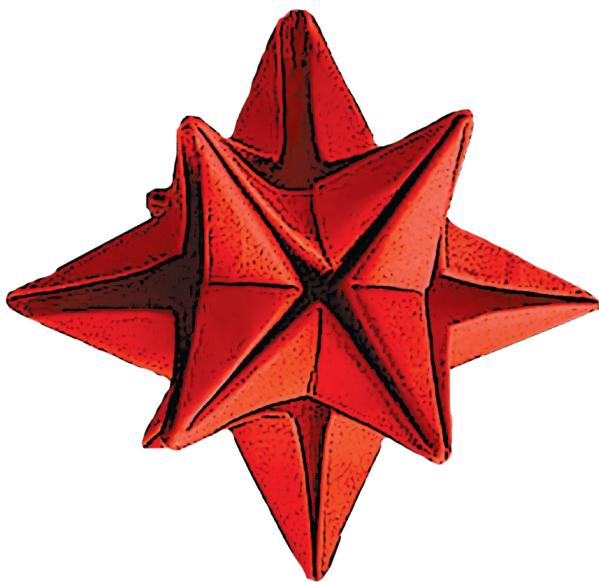
Какой, однако, с нашим схожий мир!
Лавр, ежевика, тuya, бор сосновый,
Зеленый бук и барбарис багровый,
Гранаты, пальма, алыча, инжир...
Вот кактус, вот лоза и шелковица...
Чего ни встретишь! А река струится...

⁷ Бзыбь — река в западной части Абхазии.

Она бежит сквозь мириады лет,
Питаюма подземными ключами,
Что дарят радость, выбежав на свет.
Нет, рай земной нельзя обять очами!
И птицы песни дивные свои
Слагают у божественной струи.

Иди же вдаль, по валунам ступая
И Господа за всё благословляя!

Пустыни, горы, скалы — Палестина.
А здесь — Эдем, чудесная картина.
Здесь Бог живёт... Сливаясь воедино,
Кипят ручьи — их капли столь же святы,
Как Иордана зыбь и перекаты.

IX

МОЛЕНИЕ О ЧАШЕ

*В начале было Слово,
И Слово было у Бога,
и Слово было Бог.
Оно было в начале у Бога.
Все через Него начало быть,
и без Него ничто не начало быть,
что начало быть.
В Нем была жизнь,
и жизнь была свет человеков.
И свет во тьме светит,
и тьма не объяла его.*

Всё это — благодать, всё это — тайна!
И в постижение не дойти до dna...
Но мы явились в мире неслучайно,
И жизнь по Высшей Воле рождена.
Всё, всё, что дивно и необычайно,
Для Бога просто, длань Его мощна.
И первым чудом было чудо в Кане.

Она от Назарета невдали.
По утренней поднявшись свежей рани,
Туда пешком до вечера брели.

На свадьбу званый с Матерью своею,
Был Иисус на пире рядом с Нею.

Апостолы за счастье молодых
Молились и благословляли их.

И вот жених пред трапезой святою
Покрыл невесте голову фатою,
И это означало: «Я с тобой!
Душа моя, всегда я рядом буду!»
Красавица сама подобна чуду —
Стройна, нежна, обласкана судьбой!

Как статуэтка тонкая, прекрасна...
И вот она женою стать согласна!
Два сердца сочетались в этот миг.

Так хороша сейчас израильтянка,
И так достойна жениха осанка,
Он здесь блаженства наконец достиг.

Готов он землю защитить родную,
Дом отстоять, сойдясь с врагом вплотную...

И немощных на склоне долгих лет
Отца и мать он чтит, и верен предкам,
Как предписал Господь в Завете Ветхом,
И Новый это подтвердил Завет.

Тут муж с женой вдруг стали чем-то целым,
Навек едины и душой, и телом.

Отныне их уже не разделить,
Они не оторвутся друг от друга,
По прихоти не выбегут из круга,
Не оборвут связующую нить.

Нет, не порваться освященным узам!
И жизнь святым становится союзом.
Теперь она в течении своём —
И утоленье жажды, и зарница,
Что изумляет, хоть недолго длится,
И — на крутую высоту подъём.

Совместной жизни властная стремнина
Их души наполняет, породнив.
В существованьях, слитых воедино,
Не иссякает радости порыв.

И эта свадьба — целая неделя
Пиров и долгожданного веселья,
И всё, как должно, и обычай жив.
Мелодия изнежила сердца
И завлекала всех в свою стремнину...
Меж тем звучали тосты без конца...

И вдруг Мария обратилась к Сыну:

— Им стыдно, что кончается вино!
Гостям не хватит... Выпito оно.

Он отвечал: «Мы справимся с бедой,
Не вижу для отчаянья причины.

Хозяев поддержу я... Пусть водой
Наполнят опустевшие кувшины!»

Он молча ждал, и знал Он, что сейчас
Безмолвный будет выполнен приказ.

Чтобы помочь, быть твёрдым надо в вере,
Иначе — пред тобой закрыты двери.
Кому бы ты, не веря, помог?
Без веры не поможет даже Бог!

И вот водой наполнены кувшины,
Немедленно разлился запах винный...
Призвал Он виночерпия, и тот
Напиток этот пробует и пьёт.

И молвит: «Лучше я не пил доныне
Вина, чем то, что в этом вот кувшине!»

И гости пьют чудесное вино.
И нет ему конца, его полно.
Хлебнёшь глоток — прибавилось в стакане...
Такое чудо совершилось в Кане!

Пусть видит зрячий, слышит, кто не глух!
Всю Галилею облетает слух.

* * *

Сходились толпы к наступлению Пасхи.
Свежи и ярки праздничные краски...
Пришёл Мессия в Иерусалим,
И слава чудотворца — всюду с ним.

Подходит к храму, чтя его святыни...
Увы, на рынок он походит ныне.
Торговля в Храме без конца идет...
Быков, телят и разный мелкий скот.
Как много этих жертвенных животных!
И даже голубей в узлах тенетных.

Людей так много, что уж негде встать.
Торгуют, не устанут зазывать.
Поодаль на скамьях сидят менялы,
И, что ни день, прибытки их немалы.

Храм, Дом Его Отца, так осквернён,
Здесь Божий попирается закон.
Они его презрели, растоптали...
Всё отдано торговцу и меняле!

И в прибылях участвуют тайком
Смотрители, не тяготясь грехом.

Зalamывает цену продавец,
А покупатель сбить стремится цену.
Уныло дополняют эту сцену
Быков мычанье, блеянье овец.
Всё тонет в рёве, гомоне и гаме,
И слился этот шум с моленьем в храме.

Торгашеский повсюду вьётся гнус...
И гневно негодует Иисус.

Свив из обрывков брошенных верёвок,
Тугую плеть, не удержав свой пыл,
Он хлещет всех, кто ради дел торговых
Святое это место осквернил.

Так разогнал он плетью без заминок
Всех, всех, святыню превративших в рынок,
Облюбовавших лавки... До конца
Очистил Он высокий Дом Отца.

Был грозен голос, памятный им долго:
«Дом моего Отца — не место торга!»

Он далеко всю живность отогнал...
Велик позор, и нет убыткам сметы —
Он опрокинул столики менял,
И по земле разбросаны монеты.
И на себе испробовавшим плеть
Теперь осталось только присмиреть.

Он молвил им: «Идите вы подале,
Чтоб больше вас и рядом не видали!»

Поняв, что их дела нехороши,
Рассвирепели эти торгаши.
И сыплются уколы и укоры:

— Скажи, какою силой ты силён?
И что тобою движет?..

Молвил Он:
— Чем я силён, узнаете вы скоро!

Хотите испытать? Разрушьте храм —
И за три дня я вновь его создам!
— Что ты сказал, ведь это — болтовня!
Десятки лет шла стройка в этом храме,
А ты его построишь за три дня? —
Они смеялись над Его словами.

А Он о теле говорил своём,
Как бы о храме, и, когда распяли,
Через три дня воскрес...
Напрасно в Нём
Величие Мессии не узнали!

Он храмом златокупольным был Сам!
Считавшийся Иосифовым сыном,
Был Сыном Божиим...
Величайший храм
Воздвигся в Нём в порыве всеедином.

Пришедший в мир, чтоб души всколыхнуть,
Он с очищенья храма начал путь.

* * *

Поднялся Он на гору. Здесь, в тиши,
Апостолы Его внимают речи
О Боге и спасении души,
О Царстве Божьем, что ещё далече.
И тайну тайн Он открывает им —
Тем, кто духовной жаждою томим.

*Блаженны нищие духом,
ибо их есть Царство Небесное.*
*Блаженны плачущие,
ибо они утешатся.*
*Блаженны кроткие,
ибо они наследуют землю.*
*Блаженны алчушие и жаждущие правды,
ибо они насытятся.*
*Блаженны милостивые,
ибо они помилованы будут.*
*Блаженны чистые сердцем,
ибо они Бога узрят.*
*Блаженны миротворцы,
ибо они будут наречены сынами Божиими.*
*Блаженны изгнанные за правду,
ибо их есть Царство Небесное.*
*Блаженны вы, когда будут поносить вас
и гнать и всячески неправедно злословить за
Меня;*
*Радуйтесь и веселитесь,
ибо велика ваша награда на небесах:
так гнали и пророков, бывших прежде вас.*

* * *

Стоят они перед мировой загадкой...
Он учит, их сомненья поборов,
Своей молитве искренней и краткой.
И в самом деле нет в ней лишних слов...
Взмолился Он, и уж важней молений
Не будет у грядущих поколений.

*Отче наш, сущий на небесах!
да святится имя Твое;
Да приидет Царствие Твое;
да будет воля Твоя и на земле, как на небе;
Хлеб наш насущный дай нам на сей день;
И прости нам долги наши,
как и мы прощаем должникам нашим;
И не введи нас в искушение,
но избавь нас от лукавого;
ибо Твое есть Царство и сила
и слава во веки. Аминь.
Ибо, если вы будете прощать людям
согрешения их,
то простит и вам Отец ваши Небесный;
А если не будете прощать людям
согрешения их,
то и Отец ваши не простит вам
согрешений ваших.*

* * *

По Галилее и по Иудее
Идёт, сердцами внемлющих владея.
И следуют за ним людские толпы,
Хотя один охотнее Он шёл бы...

Везде о Царстве говорил Небесном,
О сонме правдолюбцев, что воскрес в нём.
Как то зерно, что в землю упадёт,
Чтоб возродиться от её щедрот.

О том, что ищем мы и что обрящем,
О снятии грехов, о предстоящем
Нам всем Суде...

Он говорил всё вновь
И о крещенье, и о покаянье,
О том, что неизбежно воздаянье
И драгоценна к ближнему любовь.

Вот здесь — его учения основа...

Звучит оно так необычно, ново,
Прекрасно, убедительно... И что ж!
Твердят враги: «Он изрекает ложь!»

Чреда чудес для них непостижима,
Такая сила слова их страшит.
Смущает их, когда проходят мимо,
Его суровый иль смиренный вид.

Апостолы за Ним идут повсюду,
Не уставая изумляться чуду.

К туманным зорям будущих веков
Идут двенадцать с Ним учеников.

* * *

Вот буря понялась, бурля волнами...
Апостолы шумят: «Что будет с нами!»
Ждут гибели, а лодку унесло,
И бесполезны парус и весло.
А Иисус прилёг и тихо дремлет,
Ни всплескам волн, ни голосам не внимает.
А вот уж воды в лодку ворвались...
Ему кричат: «Мы тонем — пробудись!»

Шторм тут же волей укротив своею
И повелев смириться ветровею,
Он упрекнул апостолов в сердцах:
«Вы — маловеры, ваш постыден страх!»

...Немеют в мыслях о своём позоре.
«Но кто же ветер одолел и море?
Таких ведь нет у человека сил,
Чтоб он себе стихию подчинил!»

Ответа нет. И что сказать о чуде!
Лишь смотрят молча друг на друга люди.

* * *

Апостолы в тот вечер вышли в море,
А Иисус стоял на косогоре
И с берега за лодкой наблюдал...
Вскипела зыбь, волну волною руша...
Тут Иисус неспешно, как по суще,
Пошёл по водам, усмиряя вал.

Сперва, глубины миновав и мели,
Он шёл, незримый, в сумраке густом.
Но вот ученики оторопели,
Когда внезапно вырос над бортом.

Сидят — ни живы, ни мертвы...
— Что с вами?
Не бойтесь, это — я! — взбодривши их,
Вошёл он в лодку с этими словами,
И разом ветер схлынул и утих.

Так Божий сын чудесным пешеходом
Прошёл в тот день по галилейским водам.

* * *

Куда б ни шёл, за Ним повсюду следом,
Уверовав, брели ученики.
Он многими стал чтим и многим ведом,
Его живые притчи глубоки...

Вот вечером сидят они в пустыне.
Народ сошёлся, жаждет благостины.
Но люди приустили, и к Нему

Апостолы подходят...
— Есть две рыбы
И хлеба пять ломтей...
И чем могли бы
Мы угостить людей такую тьму?!

Ведь их пять тысяч... Угощенье нище...

— Всё дайте мне!
Воздел Он к небу пищу,
В молитве хлеб и рыбу освятил...

И что за чудо! Всем еды хватило!
Вот какова таинственная сила...
И ряд корзин остатка не вместил.

Довольство, изобилие... И кстати —
Вот образ предстоящей благодати!

И лишь врагов не убывает злоба —
Следят за непостижным, глядя в оба.

* * *

Он шёл весь день, голодный, изнурённый,
И вот под сенью лиственной стоит
Смоковницы густой, уединённой...
Такой инжир обычно плодовит.
Весной, живые почки умножая,
Торопится деревья расцветать.
Три раза в год большие урожаи
Сулит широкой кроны благодать.

Но видит Он: бесплодно это древо —
Одна листва, ни одного плода...
И вымолвил, сдержать не в силах гнева:
«Чтоб ты бесплодным стало навсегда!»
И тотчас это дерево иссохло,
Живую зелень заменила охра...
Власть слов Его всесильна и тверда!

Смоковница уж не раскинет ветви,
Ни зелени, ни жизни больше нет ей!
Уже нельзя тут сделать ничего,
Мертвейют корни после слов Его.

Свою волей, властными словами
Он мог бы горы поменять местами,
Готовые к стопам его упасть...
Из веры исходила эта власть!

Ученики проведали о чуде,
И, устрашившись, изумлялись люди —
От двух-трех слов древесный ствол иссох...
Такое мог содеять только Бог!

* * *

Я побывал в нагорном Назарете,
Священные места увидел эти,
Вошёл в ту синагогу, где Христос
Над миром дольним голос свой вознёс,
Пророчеством своим воспламенённый...
Священных свитков там хранят рулоны
И освежает веяние роз...

Да, древнее строенье обветшало,
Прошли века крушенья и развала.
Всё ж уцелели стены и столпы,
Беседка, скамьи, мелкие детали...
Здесь нараспев Писание читали,
И слышалось дыхание толпы.

Здесь, отстранившись от житейских тягот,
Всё Пятикнижье проходили за год.

Запоминал Писание народ,
И толкованье длилось после чтенья,
Различные высказывались мненья...
Потом касались и земных забот,
И все дела, и споры неуклонно
Решали тут, вникая в дух Закона.

О, в этот мир молений и бесед
Все приводили путников дороги,
Все новости стекались к синагоге.
Молящиеся пребывали в Боге!

Смутьянов изгоняли за порог,
Давая им для исправленья срок.

В стране повсюду были синагоги,
И, как повелевал Закон престрогий,
Где десять человек, там — божий храм...

В одном из них стою сейчас и сам.
В историю вхожу, что непроста,
И приближаюсь к временам Христа.

Холмиста эта местность и скалистая,
Здесь горный свежий воздух, всюду чисто.
И там, где Матерь Божья родилась,
Прильнула к скалам рощ и кровель вязь.

И ночью озарялась синагога,
Свет разливался, отгонявший тьму.
Здесь находились все в соседстве Бога,
И все старались ближе быть к Нему.

Глава общины, казначей, охрана...
Здесь все Творцу служили неустанно.

И шли в мечтаньях странники сюда...
Весь, весь народ, что сберегал преданье,
Спасителя-Мессию ждал всегда,
Знал, что не вечны рабство и страданье.

Так ожидался здесь из года в год
На землю Царства Божьего приход.

Все, что ни день, о том же говорили...
Все верили, что Он уже в пути!
Народ спасенья жаждал, и спасти
Был должен Тот, кто в блеске, в грозной силе,
Нагрянет из неведомых пустынь...

Назвав Его, спешат сказать: «Аминь»!

Но путь Мессии всё бесповоротней...

И как-то на молитве в день субботний,
Взойдя на эту кафедру, Христос
Решительное слово произнёс.

Он, развернув Писанья длинный свиток,
Коснулся слов Исаии незабытых.
И молвил Он: «Мессия это — я,
И на земле, и в небе — власть моя!»

Так дерзновенно здесь провозгласил Он
Божественность свою, являя силу.

Безумство тут же началось... Народ
Решил, что это самозванец лжёт.
И со своей безжалостностью всею
Напали на пришельца фарисеи.

Не споря с этим собирающим неправым,
Он уклонился,
Скрылся в Капернаум.
Как молния, зажглись Его слова,
Всю Галилею обошла молва...

Зарница разом озарила тьму!
Но тьма — в родном селении высоком.
Увы, не верит родина пророкам,
И спорщики противятся Ему.

...Я к этой были в трепете приник,
А уж ведёт всё дальше проводник.

* * *

На Силоамском озере — купальня...
О, нет с тех пор воды святей, хрустальней!
И знай: здесь не один недуг исчез
По явной воле Промысла святого...
Одно из совершённых Им чудес
Свершилось здесь — прозрение слепого...

Там топорами бронзовыми — древле
В скале прорублен узкий акведук,
Сады вспоивший, оросивший земли
Глухую пустошь превративший в луг.
Езекия⁸ велел рабам своим!
И в тайне от врагов, без перерыва,
Вода струилась плавно, торопливо
И поступала в Иерусалим...

Я заблудился и пошёл вдоль русла.
Ищу, ищу проводника... Но мы
Друг друга потеряли, как ни грустно,
Среди ветхозаветной полутимы.

Вода, что здесь всего дороже в мире,
Через скалу проходит, и туннель —
Не выше человека и не шире...
Не повернуться, и всё ужé щель.

Вода жива и неостановима,
И это — благо Иерусалима.

⁸Езекия — иудейский царь (VIII в. до н.э.).

На протяженье трёх тысячелетий
Текут, не убывая, струйки эти.
Вода прохладна летом и зимой.
Вот я уже стою в воде Господней,
И чудится, что Бог меня сегодня
Испытывает, грех напомнив мой.

Вот я в скале... Как выбраться из плена?
Но всё иду, и не пойму, куда.
Волнуюсь, и уже мне по колено
Своим путём бегущая вода.
Я заперт в недрах, свет дневной далече,
И бесконечен путь, как странный сон.
То здесь, то там поблескивают свечи,
Но эти стены давят с двух сторон.

Вода лепечет, говоря со мною.
Иду я, словно ангел босиком.
Волна спешит вдогонку за волною...
Так постепенно входят в Божий Дом.

Дыханье затаив, иди наощупь
И только верь подсказке пальцев ног!..
За шагом шаг дойдёшь, когда не ропщешь,
Коль силы есть и помогает Бог.

И тысяче шагов здесь шаг подобен...
Кто рвется к свету из своих колдбин,
Мой путь продолжит в будущем своём...
И всё журчит, и плещет водоём.

Я замкнут в этой каменной темнице,
Я под семью пластами изнемог.
Настолько всё снижается, теснится,
Что можно тронуть чёрный потолок.

Вода и камень мучают скитальца,
И выступов терзают острия.
Не жаль одежды, но уж локти, пальцы
Кровавая окрасила струя.

А упадёшь... «Поднимет ли хоть кто-то?» —
Спроси у стен, у струй водоворота!

И тут себе сказал я, и на миг
Осиллил страх, который был велик:
«Пусть в Иерусалиме и умру я!
...Прими, Небесный Иерусалим!»

Внезапно раздаётся «Аллилуйя»!
Как будто Провиденьем я храним.

Запели негры...
Тщетно их зову я —
Они уже далёко, впереди...

Но сам теперь запел я «Аллилуйя»,
Пою, и что-то ширится в груди!

Пою всем сердцем, чтобы внял Всевышний,
Заблудшего узрел во тьме давнишней.

Пою всё громче...

Но, увы, вдали
Не слышат негры — далеко ушли!
Но знают путь. Их много. Звучен хор,
А я один в угрюмом сердце гор.
И лишь «Аминь» и «Аллилуйя» в силе,
И общей верой нас соединили.

Я кончил петь и стал молиться Богу:
— Спаси, помилуй, укажи дорогу!

Я это повторял, почти крича...
Молитва в подземелье горяча!

И снова подхватил я: «Аллилуйя»,
Всем сердцем, всей душою вновь пою.
Всё возвышаю голос и хочу,
Чтоб слышалось в заоблачном kraю.

И вдруг я вышел с возгласом пропетым
К дневному свету, к сладостным местам!
И темнота бессильна перед светом.
Вот — древняя святыня Силоам!

Закончен путь, столь трудный и столь
 дальний,
 И ясно вижу озеро, купальню.

— Всевышний! Я — заблудший твой ребёнок,
 Твоя любовь хранит меня с пелёнок.

Вот предо мной — маяк, мой Силоам!
Нелёгок путь сквозь камень по камням...

Какие тут случались чудеса!
Здесь даже и слепые от рожденья
Внезапно разом обретали зренье,
Коль благосклонны будут небеса.

Перетерпевши темень акведука,
И я прозрел, и прекратилась мука.

Так здравствуй, Силоамская купель!
О, сколько сил и грёз в тебе досель!
О, сотворённый Богом водоём,
Ты — в памяти, ты в каждом дне моём!

Ты зренье сбереги моё, чтоб око
То видело, что близко и далёко!

* * *

Почил во гробе Лазарь. Плачут сестры,
И не заснуть от этой боли острой.
Четвёртый день уже не видят брата,
Невыносима горькая утрата,
А близкие, кому их дорог брат:
«На всё Господня воля!» — говорят.

Об этом горе Иисус просlyшал,
Пришёл Он в дом, где много раз бывал.
Теперь стенанью бедных женщин внял
И добрым словом их тоску утешил.

Но души их всё так же горе жгло,
В душе своей возгоревал Он тоже,
И слёзы покатились тяжело,
Из скорбных глаз Спасителя... О, Боже!

Он Лазаря хотел бы воскресить,
Как воскресил уж нескольких... Однако,
Трудней такого вывести из мрака...
Четыре дня в могиле! Как тут быть?
Как эту власть истленья побороть,
Вдохнуть дыханье жизни в эту плоть?

В пещеру Смерть вселилась, всем владея.
Вот камень отвалили... Входит Он.
Столпившиеся смотрят иудеи,
И каждый дерзновеньем потрясён...

Тут у Отца Небесного подмоги
Сын попросил,
И всей душою — в Боге!..

«Восстань, о, Лазарь!» — голосом другим
Он говорит, и сила божья — с Ним,
С потомком богомольного Давида,
Чьё родовое древо плодовито,
И с Божиим Сыном, что Отцом храним.

И Лазарь встал, плечами резко двинул
И задрожал, и плотный саван скинул.

Глядят на Иисуса. Видят: Он
Божественною силой наделён.

И смотрят, кто с восторгом, кто с опаской...
А вот уж вскоре наступила Пасха.

И в Иерусалиме многолюдном
Все говорят о Лазаре: «Воскрес!»
И как царя с небесным даром чудным,
Возносят Иисуса до небес.

* * *

Дошла молва до Иерусалима...
А этот город к празднеству готов,
И ведь ничто здесь с Пасхой несравнимо,
И радостней нет в мире городов.

Туда Христос, уж всюду знаменитый,
С апостольской идёт надёжной свитой.

Вот поднялись они на Елеон,
Открылся им прекрасный вид столицы...
Но Он виденьем горестным томится,
Грядущее провидел только Он!

Глаза застлали слёзы, как от дыма.
И города погибель видит Он,
И безутешны скорбь Его и стон:

«Что ждёт тебя, от глаз ещё скрыто,
Но ты уже перед своим концом!

И эти стены окружат кольцом,
И не спасёт отважная защита!

Все те, кого ты прежде был сильнее,
Сюда придут, чтоб сокрушить тебя,
И совладают с гордостью твою,
Нахлынут, всё живущее губя.
Не пожалеют, изломают спину,
Твой выкорчуют корень, истребят...
Твою я вижу скорую кончину,
Злосчастный город, злополучный град!

Был не готов ты к заповедным срокам
И чёрств перед Спасителем своим!
Пророков гнал, жить не давал пророкам,
И я умру здесь, Иерусалим!»

Он горевал, оплакивая город,
Который будет в пламени расколот...
Переглянулись, но Его тоски
Всё не могли постичь ученики.

* * *

Он ехал на осле.
Был весел, тонок
И полон сил тот ослик, тот ослёнок.
Усталости не знал, был свеж и бодр,
Как все собратья, к добрым людям добр.
В них столько послушанья и покоя —
Как ни хвалить животное такое!

Меж тем встречает странника народ
И ждёт Его в восторженной тревоге,
И ветви пальм зелёные несёт,
Их перед ним бросает на дороге.

Одежды дарят, расчищают путь —
Так поступают, лишь царя встречая.
Все радостны, и радость пребольшая
Теченье жизни в силах повернуть.

— Услышьте, кто не слышал!
Вот Он, зрим!
Наш царь вступает в Иерусалим!
Кричат, ветвями с трепетом овеяв:
— Он должен стать царём у иудеев!

Сейчас чудесно всё и осиянно,
И все поют:
«Свят наш Господь — осанна!»

Возносится «Осанна» вновь и вновь,
Порыв народа заповедный выдав,
И здесь к свободе слышится любовь:
«Да будет вечно править сын Давидов!»

Так, но иного жаждет Иисус...
Всех наших прегрешений сбросить груз,
Чтобы над Смертью одержать победу!
Придёт конец губительному бреду...
Свой совершил он подвиг до конца
По воле всемогущего Отца.

В святой Он входит Иерусалим,
Где светлой Пасхи ждут и встречи с Ним.

Увы, на храм взирает Он сурово:
Там собрались торгующие снова.
Три года протекли, но перемен
Не видно у заветных этих стен.

Вновь хищников, жрецов своей торговли,
Он гонит прочь от освященной кровли.

А изгнанные ропщут по углам...
Убыток — тем, кто оскверняет храм!
Все связаны они между собою,
Чья в жизни цель — барыш ценой любою.

— Кто это сделал?
— Тот, кто оживил
Всем ведомого Лазаря намедни...
— Кто разогнал их?
— Тот, кто воскресил...
Все новостью потрясены последней.

До вечера Он оставался тут,
Неутолимо исцеляя хворых.
Слепые прозревают — свет в их взорах!
Хромцы не ковыляют, а идут,
А уж глухие слышат каждый шорох.

Враги стерпеть такого не могли,
Того стремились клеветой своею

Унизить и стереть с лица земли,
Кому народ внимал, благоговея.

Когда б умели чудеса творить!
Но храмовому этому охвостью
Достались беззастенчивость и прыть,
Они полны лишь завистью и злостью.

Они, и саддукей, и фарисей,
Черны и многогрешны в жизни сей,
Давно духовно немощны и хилы.
Хотели б тоже избежать греха,
Да вот душа так мертвенно суха
И всё еще во власти тёмной силы.

А Божий Сын... Он — агнец пресвятой!
Чисты Его душа и помышленья.
Он знается с небесной высотой
И послан к нам для нашего спасенья.

Такое в мире было только раз!
В судьбу Марии вписанный всецело,
Вот показался и исчез из глаз...
Ещё толпа Его не разглядела.

Но постепенно прозревали мы...
Он в храме был до наступленья тьмы.
Потом сокрылся. Небо так велело.

* * *

Я в доме «Тайной вечери».

Высок

И так заметно древен потолок.

Тут обуянный дьяволом Иуда
На Господа восстал, и в некий миг
Измена стала явной, и отсюда
Шёл предавать неверный ученик.

Здесь где-то рядом, темноты темнее,
Всё бродит тень его с петлёй на шее.

Вкушали пищу здесь в канун субботы
Спаситель и Его ученики —
Обычно забываются заботы,
Когда часы пасхальные близки.

Хлеб надломил Он: «Это — плоть моя!»
И поднял кубок: «Кровь моя в бокале!
Её за вас пролью — и скоро! — я.
Узнайте ж то, чего ещё не знали!
Настало время Нового Завета!
Спасенье вам — питьё и яство это.
Кто предан мне, на праздники готовь
Хлеб и вино, то — плоть моя и кровь!
Вино причастья, это — дар от Неба.
Им смачивайте хлеб! Вот — святость хлеба!»

Он ведал, что настало время сбыться
Судьбе высокой, что в веках продлится.

«Предатель мой вкушает пищу с нами...»
То был Иуда... Смотрят на него
Апостолы, и перед их глазами
Он растерялся, и лицо мертвое.

И молвил Иисус: «Спеши, не жди!
Что суждено, то сбудется... Иди!»

Он в жертву приносил себя, и это —
Святая жертва Нового Завета.
Все жертвы отменила эта кровь,
Кровопролитье сделала излишним
Во всех моленьях наших пред Всевышним.

Уже не надо приводить всё вновь
Испуганных животных на закланье,
Овец и коз, казненных нашей дланью...

* * *

Дела все ухудшались неуклонно.
В своём собранье заняли места
Старейшины, отцы Синедриона,
Сошлись, чтобы решить судьбу Христа.

Их семьдесят, толковников и судей.
Суровы эти избранные люди.
Порой к их сонму добавлялся кто-то,
И все-таки не изменялось счёта.

Их — семьдесят... Они внушают страх
И всё же ограничены в правах,
И перед Римом столько в них боязни!
Лишь римляне тут совершают казни.
От имени безжалостного Рима
Пилат свой суд вершит неумолимо.

Первосвященник, фарисеев круг
И саддукеи, спорящие с ними...
Учёности немало и заслуг,
Все с бородами важными, седыми,
И все — враги Христа!
Синедрион
Сегодня всеми ими наводнён.

Жесток первосвященник Каиафа...
Тут мало отлучения и штрафа!

Он возвестил: «Мы тысячи спасём,
Коль одного изымем баламута,
Того, кто ложным их ведёт путём...
А не казним, так разольётся смута!
И время для терпения прошло,
Нам надо эту выкорчевать ересь!»
И в злобной правоте его уверясь,
Все с ним согласны — торжествует Зло!

Постановляют жёстко и без шума:
«Скорей найти и задержать Йешуа!
Арестовать, чтоб на кресте распять!
Иначе наша власть придёт к закату...»

Или покажем силу мы Пилату,
Иль тоги край придётся целовать!»

Все, все, от злобной зависти суровы,
Того, кто воскрешал, казнить готовы.

Опасен Иисус их лютой своре,
И ничего, что совесть нечиста...
И Лазаря на казнь осудят вскоре,
Ведь, благодарный, славил он Христа.

* * *

Рождён, как мы, сей Богочеловек,
Да только в человеческом обличье,
Он всё же — Бог во всём своём величье,
Царь царства нерушимого вовек.
Явив свою божественную силу,
Он противостоит Сатанаилу.

Не будь Он Богом, мог ли воскресить?
Коль человек... Кого тогда хвалить?
И если смертный, в чём от нас отличье?
Где меж землей и небом пограничье?

Мы Им сильны, Он защищает нас.
Сей агнец — Милосердье, Всепрощенье.
Свою жертвой добровольной спас
Весь род людской,
Он в этом воплощенье.

* * *

Темней ночь Гефсиманская была
Всех, всех ночей... Да, в ней скопилась мгла!
И встречного не видишь — так темно.
Усеяли созвездья неба дно.
Внизу, под этой светоносной сферой,
Уселись порознь все перед пещерой.

Храм Елеонский. Множество олив.
Они — во тьме, журчащей ручейками.
Сюда Он приходил с учениками...
И храм вблизи, прекрасен, горделив.

Теченье ускоряет здесь Кедрон,
Торопится к морской солёной влаге.
Учитель любит этот крутоисклон,
Прекрасный сад, зеленые овраги.

О, как сейчас волнуется Христос!
Какой-то вихрь Его покой унёс.
Он ощущает приближенье срока
И чувствует, что буря недалёко.

Стоит Он на коленях — как иначе,
Когда в слезах, с молитвою горячей,
Он к Богу обратился, Божий Сын!
И от своей Он отказался воли,
Немыслимых чудес не будет боле,
Перед судьбой отныне Он один.

Не будет ни речей, ни воскрешений,
С учениками больше не бродить
Вдоль берега и по земле весенней...
Они хотят Его оборонить!

Он стал, как все, расставшись с высшей силой,
Теперь Его не защитит броня...
К Отцу взвывает:
«Господи, помилуй!
Пусть эта чаша обойдёт меня!
Но пусть всё по Твоей свершившейся воле,
Не так, как я хочу...»

Шла ночь к концу.

Так пламенно, как никогда дотоле,
Молился Он Небесному Отцу.

Потом возвзвал к своей уснувшей свите,
К ученикам, лежавшим у стены:
«Теперь молитесь, бодрствуйте, не спите,
Иль будут души тьмой оплетены!»

И, вновь молясь коленопреклоненно,
Он вопрошал, не подавляя стона,
Твердил с надеждой и с огнём в груди:
«Отец мой, эту чашу отведи!
Но ведь на всё Твоя святая воля...
Пусть будет по решению Твоему!»

...Ну, кто опишет это богохульство,
Горенье сердца и печали тьму!

Покрытое уже кровавым потом
Темно чело, лицо изнурено...
Дошла ль молитва к неземным высотам?
Её он продолжает всё равно.

Когда б дошла, иначе всё, быть может,
Сложилось бы и совершилось тут,
А нет — Его уж вскоре уничтожат,
Беснуясь, на Голгофу поведут...

Он изнемог, но молится устало:
«Отец мой, коль возможно, сделай так,
Чтоб эта чаша Сына миновала!..»

Но тут в саду воспламенился мрак.,
Шли с факелами, с криком окружали,
Как будто бы разбойника искали.

И с ними был Иуда...
Поцелуем
Он предал!..
Тяжкий жребий неминуем.

Да, в этот миг, поцеловав в уста,
Иуда выдал стражникам Христа!
Был связан Иисус без промедления,
Пошёл, не оказав сопротивления...

У каждого Его ученика,
В испуге и печали сердце сжалось...
Но не спасти Спасителя!

Осталось
Пойти за Ним, следить издалека...

* * *

И вот сейчас брожу я, как ни странно,
Одолевая времени провал, —
В священных этих кущах Гефсимана,
Где Сын к Отцу Небесному взывал.

Могучи эти древние оливы,
И не обхватишь ствол вдесятером.
Хранят они, спустя столетья, живы,
Стенаний отзвук в шелесте своём.

Да, плодоносят, жизнь в них не угасла,
И, как всегда, их осенью трясли.
Собрав плоды, из них давили масло,
Благословляя щедрый дар земли.

И всё стоят деревья, как стояли,
И долгим эхом голос повторён
Того, кто здесь Отца молил в печали...
Благоговеен ветхих куп наклон.

И молодые проросли побеги,
И память о тревожном том ночлеге

В себе несут...

Как странно, что иду
Под этой сенью в роковом саду!

С годами урожай всё изобильней...
А в древности стояли тут давильни.
Из перетёртых между двух камней
Оливок этих истекал елей.

И в храм несли святое это масло...
О, Господи, раздумья о Тебе,
Копаясь по капле, также ежечасно
Текли, меняя всё в моей судьбе!

О, и Тебе Твоей судьбой всесильной
Была здесь уготована «давильня»!
Твой горький вздох раздался тяжело,
А после трое суток протекло...

Три дня, три ночи... Дальше — воскресенье?
И где следы истленья, где они?
Вот ожил Ты! Нет праздника блаженней!
Вовеки незабвенны эти дни.

Три дня, три ночи! Силой исполина
Перевернули этот мир они!
От нас межою новой, кровью Сына,
Былое отделили эти дни.

Здесь, не под сенью ли твоей, олива,
Скорбел Спаситель, и в его мольбе
Метался пламень и вскипал бурливо!..

Спустя столетья я пришёл к тебе...

Таинственное древо, мне поведай
О давней были, многими воспетой!
Ответь, откройся, повесть обнови!
Тут Сын Отцу небесному молился,
И этот голос в наши дни продлился
С обетом послушанья и любви.

Ты стало двухтысячелетним чудом!
И всякий раз в благие дни весны
Ты снова изумляешь изумрудом,
И свежие побеги рождены!

Мир изменен невероятной новью,
Явилась долгожданная звезда.
Спасителя благословенной кровью
Земное оросилось навсегда.

Но здесь обитель грусти... Пред глазами
Весь этот мир немеркнувший возник...
То тень Иуды — между деревами,
То Иисуса благодатный лик.

* * *

Я прохожу по Иерусалиму.
И всё тут незабвенно, нерушимо:
Здесь Иисус с учениками шёл...
Иду его стезёю непроезжей,
И, кажется: надгробия всё те же
Усеяли ближайший склон и дол.

Так обувь тут стирается на камне!
И прохожу я по Его следам
И по следам апостолов... Видна мне
Былая жизнь, и тот же слышен гам...

Здесь утоляли жажду, тут стояли,
Там говорили с Господом они...
Мне запылённых видятся сандалий
Выносливые, крепкие ремни.

Потёртости — на дереве и коже,
Ведь долгий путь они перенесли.
Сам Иисус в сандалиях был тоже,
Изнемогал от зноя, шёл в пыли.

Следы, следы — былого знак горючий!
Мерцают, указав дорогу в храм...
От них отступишь, и сорвёшься с кручи,
И пропадёшь среди бездонных ям!

Нет, с Крестного пути вы не сойдёте,
Ведущие к спасению следы!
А эта пыль... Печаль — в её налёте,
И радости в ней сгусток и беды.

Сандалии мои, вы — очевидцы!
Всё сказанное вами подтвердится.

* * *

Хожу по переулкам. День свободен.
Но мне пора увидеть Гроб Господень!
Я столько раз откладывал поход,
А сердце к пресвятой гробнице льнёт.

Но час настал... Душа, теперь утешься!..
Легко ль узреть могилу Миродержца?
А я ведь видел многие могилы —
Курганы, где герои полегли,
Оставив память доблести и силы,
Лежат в земле, не выйдут из земли...

Могилы полководцев, песнопевцев,
Писателей — надгробий длинный ряд...
А холмики увядших в раннем детстве...
Как их портреты ранят и томят!

И разве позабудешь мавзолеи,
И мумии, лежащие в музее...
Когда-то ведь ходили по земле!
Их путь земной — история народов.
Гремели, но под сенью надгробных сводов
Их имена ушли, таясь во мгле...

Но здесь — иное, блик другого света!
Коль ты пришёл к надгробию Христа,
Ни с чем сравнить не сможешь чувство это,
Как будто вдруг воздвиглась высота.

Нет, больше я откладывать не буду
Паломничества этого...

Иду,

Дивясь безмерно воскресенья чуду,
Молясь и умиляясь на ходу.

Вот вижу я бесчисленные лица,
Перед пещерой, что полным-полна.
В молчанье строгом очередь теснится,
Я к ней примкнул, и длится тишина.

Цепь движется. Шагаю вместе с нею.
Не сыщешь равнодушных среди нас...
И слёзы все сильнее и сильнее,
Всё льются, льются, скатываясь с глаз.

К святыне приближаясь постепенно,
Вошёл я с грустью в сердце — в эти стены.

И вот я на коленях перед Гробом!
С каким-то ощущением особым
И небывальным...

Камень я целую
И вижу в этот миг страну родную!

Мне кажется, что вся Апсны со мной,
Что вся её любовь к Творцу Вселенной

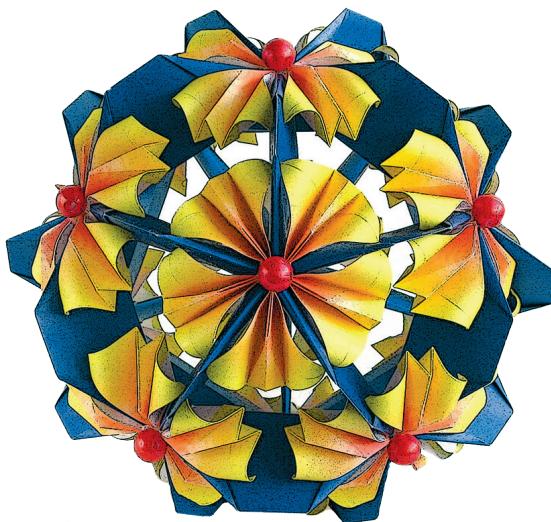
Нахлынула вот в этот храм священный
И у подножья разлилась волной.
Объятый весь горячностью её,
Всё снова уходил я в забытьё...

Отсель другим я человеком вышел,
Как будто бы для жизни новой выжил.

И мудростью пронизан неземною.
Нездешний голос говорил со мною:

*«Я есмь воскресение и жизнь;
Верующий в Меня не умрет вовек.
Вериши ли сему?..»*

И молча я пошел к другой святыне,
К другому храму, славному доныне.

X

АНАН МАРИЯ⁹

«Рзрывается утроба Моя,
Когда вижу теперь Тебя на древе...
Горе Мне! Что вижу?.. Куда Ты идешь теперь,
Сын Мой, оставляя Меня в одиночестве?..»

Служба утрени Великого Пятка

Вот я в толпе, в людской безмолвной гуще,
К гробнице Богоматери текущей,
И я, как все, благоговейно-нем,
К Ней на поклон иду, подобно всем.

Тут с необычной силой Материнство
Взыгает, наше освятив единство.
Всевластна эта сила — ты поймёшь,
Лишь в храм Успенья с трепетом войдёшь.

Здесь Мать, что всех превыше матерей,
Мать Иисуса, нежность алтарей!

О, это имя, сладостное Сыну,
И в наших душах свято и светло.

⁹ Аナン Мария, Анпсных — так издревле абхазы называли Богоматерь.

В понятье «материнство», в сердцевину,
Оно, как высший смысл его, вошло!

Да, материнство свято, вечно свято!
Зачем и солнце, если рядом нет
Родившей нас, вскормившей нас когда-то,
Чей образ в сердце до скончанья лет!

Мать вспоминаю всё нежней, любовней...
Не отдал я вполне свой долг сыновний
Давно ушедшей матери родной.

И вот, сюда пришедший поклониться,
Невольно слёзы пролил на гробницу,
Где Твой приют, где вечный Твой покой.
И всё брожу по храму, потрясённый...
И вглядываюсь в облик Твой иконный¹⁰,
Который сохранён до наших дней...
А Ты от Сына не отводишь взора,
И на руках нельзя держать нежней...
Его лелеешь посреди собора
И рядом с усыпальницей своей.

Вот образ, на котором, осиянна,
Явилась в милосердной красоте.
Тебя как будто гений Тициана
Изобразил любовно на холсте.
Дитя прижала к сердцу... Вот — отрада!
Глядишь с безмерной нежностью, любя.

¹⁰ Имеется в виду икона Иерусалимской Божьей матери.

От Твоего не уклониться взгляда,
Нельзя и наглядеться на Тебя!

Я здесь — лишь гость из тех земель, в которых
Давно в стаинных чтят Тебя соборах,
Где месяц в честь Успенья Твоего
Успенским¹¹ стал — так и зовут его.

В неторопливом месяце Успенья,
Перед уходом в райские селенья,
Ты устремлялась мысленно к холму,
Где Сына распинали. Шла к Нему.

Воспоминанья сердце жгли жестоко,
Но вот однажды скорбный Гавриил
Тебе о скорой смерти возвестил,
Что близок час, что он уж недалёко.

Апостолов к себе Ты позвала.
Вот Иоанн явился, гость эфесский...
Была забота о Тебе тепла...
Вдруг в эту ночь зажглась ночная мгла,
Вся хижина — в каком-то дивном блеске!
Тебя позвал Твой Сын... Без слов, без слёз,
Блаженной неги сна не прерывая,
Избавил от мучений
И вознёс
Туда, где вечно будешь Ты живая.

¹¹ Нанхуа мза (абх.) — месяц Успения.

И навсегда Вы рядом — Сын и Ты —
Среди святой необозримой рати.
Взираете Вы с горней высоты,
Мир оделяя светом благодати.
И вижу я Твои черты живые,
О, светлая надежда матерей,
О, Дева неневестная, Мария
И Матерь Божья в чистоте своей!
Молюсь тебе, и ощущая въяве,
Что Ты жива в своей вселенской славе,
Я говорю с Тобой, Тебя молю,
Тебе я верю и Тебя люблю.

Как выразить в акафисте иль в гимне
Всё то, что в сердце?.. Боже, помоги мне!

— Поведай, Матерь, о любимом Сыне,
Молю, заговори о Нём Сама!
Как в той далёкой жизни, так и ныне
Не могут потускнеть Твои слова.

Ты о Его младенчестве поведай,
О детстве, о взрослении, а там
Пойдут моленья, чудеса...

Последуй
К вершинным, кровью обагрённым дням!

В Твоём рассказе, горестная Мать,
Нельзя ни слова будет поменять... —

Молчанье.

Цепи богомольцев длинной
К Её гробнице непрерывный ход...
Заворожён я дивною картиной...
Пусть разговор со мною заведёт!

... О, как она глядит, печальном лица!
В Её руках Спаситель Мира мал...
Успел я с этим образом сродниться,
Как будто сам картину написал.

Хочу, чтоб Ты сейчас мне рассказала
О жизни Сына от её начала,
Ниспосланного миру Рождества...
От горя эта повесть всё багряней!
Дай мне услышать звук Твоих стенаний,
Никто Твои не исказит слова!

Мне о Тебе известно столь немного.
Семейный быт, уклад, хранимый строго...
И горе, и величье торжества!
Мария, сохранился ли Твой плач,
То слово, чей родник от слез горяч?

...Я ведал материнскую любовь,
Знал эти обнимающие руки.
Со мною, мать, была ты и в разлуке,
Ждала моих приездов вновь и вновь!

Ты — тоже мать, Мария Пресвятая,
Ты, сына молоком своим питая,
Его взрастила...

Столь же тяжела
Тревога материнская была.

Сыновнего могущества частица —
В Тебе, приосенившей алтари!
В порыве веры хочется взмолиться:
— Невиданное чудо сотвори!

Молю: «Поведай мне свои печали,
Что в глубине души затаены!»
Какие бы моленья ни звучали,
Она молчит и смотрит со стены...

Народ снуёт, а я на месте замер,
Жду с трепетаньем сердца, весь изник...
Но что это? Вдруг чудо пред глазами!
Оно свершилось в непостижный миг!

Пошевелились краски... Волны гула
Наплыли мерно, за струёй струя...
И Ты уста внезапно разомкнула,
И то сбылось, чего так жаждал я.

Внемлю я слову дивному Марии,
Внимаю и тому, что знал всегда,
Как и тому, что услыхал впервые,
И движется видений череда.

— Всё так нежданно!
В маленьком селенье
Я девушкой на выданье была...
Но ангел возвестил благословенье,
И я по воле Божьей родила!
Был сын мой Иисусом, Божиим Сыном,
Моей надеждой, помыслом единым.

Не от любви он плотской, но от Слова,
Не от желанья мужа и жены,
Но силой Духа сотворён Святого,
Сошедшего с небесной вышины.

По воле Божьей, и родив Христа,
Я девственна осталась и чиста.
Так был сначала удручён Иосиф,
И от стыда сгорал, меня не бросив.

Но он был добр, а я была невинна...
Родившегося в Вифлееме Сына
Иосиф принял, как отец родной.

Но весть о чуде злобно принял Ирод,
Губивший даже малолетних сирот,
И взор его налился грозной тьмой.
Терзаясь и страшась небесной воли,
Он в страхе думал о своём престоле...
Велел убить ребёнка царь земной.

Так у Него ещё и в колыбели
Враги возникли в первую же ночь,

Младенца обезглавить захотели,
Но Бог был с нами и спешил помочь.

Пришлось покинуть нам страну родную.
В слезах и в страхе мы пошли в иную.

Мы тронулись. Был долог путь в Египет.
Старались не оставить мы следа,
Скорее скрыться, и пришли туда,
Где самый воздух жарким солнцем выпит.

В страну пустынь и жгучего песка,
Где нас не знали, в царство фараонов.
И все враги отстали, нас не тронув,
И нам открылась мощная река...

На берегу медлительного Нила
Рос мой ребёнок... Стал привычным край,
Где наводненье жизнь земле дарило,
И был великим даром урожай.
Был ярок праздник Солнца многолюдный...
Там возрастал мой сын для жизни трудной.

Всё ж нелегко изгнанье перенесть...

Но вот однажды к нам приходит весть,
Что умер Ирод... Время — в путь обратный!
И в Назарет мы едем благодатный.
Так захотел Господь — к родной земле
Уже известной двинулись дорогой.
И я с ребёнком еду на осле
Пустынею песчаной и убогой.

Ребёнка убаюкиваю я,
Всё время к сердцу прижимаю нежно...
Как хорошо — мы вместе, мы — семья!
И молимся, а ширь вокруг безбрежна.

* * *

Как весел чёрный ослик наш сегодня!
Нет, не таким он был в пути сюда...
Вдруг окрылён! Спешит он всё охотней.
Гляди-ка: бодр, как в юные годы!

Дорога возвращенья несравненна!
Как будто вдруг он вырвался из плена,
В мир свежести из тягостного зноя...
И солнце на родной земле иное!

...Скорей родной переступить порог!
Путь возвращенья — нет милей дорог!

Пески, хребты... Дорогой древней, торной
Торопится, спешит наш ослик чёрный.
В наш мчится Назарет, и стук копыт,
Как песня колыбельная, звучит.

Холмы, привал в египетских селеньях...
Усни же, мальчик, на моих коленях
И не страшись кремнистого пути,
Быстрей мужай, стремительней расти!

Твоё рожденье — чудо, ведь оно
Самими небесами решено!

На берегах благословенных Нила
Дары волхвов я для тебя хранила.

Ты избран, сын, так будь же Назареем,
Что славой предков доблестных овеян!
Ты — их потомок и в родном kraю
Всем призванным дари любовь свою!

Тебя со дня рождения твоего
Хранил Господь, мы слушались Его.
В Египте жили... Лютый сгинул Ирод,
И нет угрозы! Вот — итог и вывод.

Так пусть пребудет истина с тобой!
Сияет в небе месяц молодой...
Звездой пусть всходит над тобой удача! —
Так я твержу, мой сын, молясь и плача.

Дней и ночей в пути всё длится смена,
И ночью звёзды блещут неизменно.
Всё ближе, ближе, ближе Назарет!
Тебя в одно из радостных мгновений
Я поднимаю со своих коленей,
Показывая миру, как Завет.

Мы счастливы все трое, вся семья.
Уж близок дом, о нём мечтаю я.
И ослика стучат, стучат копытца...
Так песня колыбельная струится.

* * *

Но далеко уж царство пирамид,
И Назарет всё ближе — дивный вид!
Так сладостна земля моя родная!
Мы в путь пускались, на заре вставая,
И добрели, и вот наш старый дом!
Сбылась мечта, мы снова здесь живём.

Вот Назарет! Весь на восхолмьях он,
И кровли хижин прилепились к скалам.
Наш дом лицом был к Храму обращён,
Мы жили здесь, довольны были малым.

Была и сыну эта жизнь мила.
Я вспоминаю: он любил, бывало,
Садиться рядом, если я ткала,
Или одежду для него вязала.

О прошлом, настоящем и грядущем
Всё думал, не по возрасту глубок,
И для меня он ангелом был сущим,
Послушным и прилежным, — видит Бог!

Я всё ждала, каким он станет позже —
Особенный, со всеми столь несхожий... —

А люди всё идут к святой Гробнице,
И нет скончанья этой веренице.
Вновь этот Голос... Я внемлю Ему,
И дрожь прошла по телу моему.

— Наш ангел рос в отеческом дому
Ребёнком необычным, небывалым,
Как необычна и любовь к нему,
Величие угадывалось в малом.

Всегда Иосиф рядом... Из двора
Наш мальчик выйти, выбраться не может,
И он послушен, жизнь к нему добра,
Но что его волнует, жжёт и гложет?

Он подрастал и Божью благодать
И Слово Божье в душу смог принять.

И вот ему исполнилось двенадцать.
В пасхальный день мы с ним приходим в Храм.
Все празднуют и шумно веселятся,
Как всем пришедшим, радостно и нам.

Но, возвращаясь в дом с густой толпою
И думая, что он ушёл вперёд,
Его мы не нашли... Прошёл народ...
Идём обратно тою же тропою.

Три дня искали... Вдруг нашёлся в Храме.
Затеял разговор с учителями.
Они дивятся мудрости его,
Невероятно... Что за волшебство!

Спросила: «Где ты был?» у беглеца,
А он ответил: «В доме у Отца!»

Где толкованье сказанным словам?
Как знать, они, быть может, означали:
«Знай, я принадлежу не только вам,
Мир и природа — у меня вначале»?

То или это он имел в виду,
И объясненья слов я не найду,
Но вечно вспоминаю их в печали.

Постиг он рано в том земном раю
Своё призванье и судьбу свою!

...Рубеж тридцатилетья перешёл он,
И, мудростью божественною полон,
Пошёл в народ с учением своим,
Везде людские толпы шли за ним.

О царстве вечном, о грехах тяжёлых
Он говорил и на холмах, и в долах,
Был средь людей и чудеса творил,
Калек лечил, к нему взывавших с плачем,
И зренье возвращал давно незрячим,
А где-то даже мёртвых воскресил.

Росла моя тревога с каждым днём,
И, что ни ночь, я думала о нём.

Всё множились враги, и я тревогу
В своих молитвах поверяла Богу.

Когда Мессией он себя нарек, —
Тем, кем являлся, Богочеловек,

Его убить хотели в исступленье,
И гневно изгоняли из селенья...

День этот горький памятен навек!
Да, книжники придирчивы и строги —
Живой пророк отринут в синагоге...

В конце концов — предательство! Иуда,
Врагов неумолимых торжество,
И Гефсиманский тёмный сад, откуда
На суд уводят сына моего!

Спешат его унизить и распнуть...
И въётся на Голгофу тяжкий путь.

Зачем всё это не укрыла мгла?
Но жгучий свет растёкся по вершинам!
И почему же я не умерла,
Увидев, что с моим творили сыном!
За ним, несущим крест, едва ступая,
Толпа тянулась злобная, слепая.

Ученики скрываются и мнутся,
Не в силах на Голгофу оглянуться.

И Петр, едва прокукарекал петел,
Отрёкся, ложью на вопрос ответил.
Где все они? А мой несчастный сын...
Его пытают, он сейчас один!

Со мною в жизни, столь теперь пустынной,
Лишь Иоанн с Марией Магдалиной.

И с ними сестры Лазаря скорбят
О том, что будет Иисус распят.

Всё громче крики... Руганью возросшей
Там сына гонят... Он упал под ношей!
Вновь встал, пошёл...
И злобен праздный люд,
Как будто бы разбойника ведут.

И это ли мой сын, мой светлоликий,
Единственный! Но как толпа густа!
Идёт он в гору, горбясь в общем крике,
Сгибается под тяжестью креста.

И саддукеи здесь и фарисеи
Ликуют и злорадствуют, глазея.
Весь ими взбудораженный народ
Беснуется и на него плюёт.

Его душа к иному рвётся краю,
А гвозди забивают... Смерть близка.
Струится кровь... Я тоже умираю
От каждого удара молотка.

«Распять! Распять!» — я гасну с этим звуком,
И длится стук, и нет скончанья мукам.

И вот распяли! Вот она, Голгофа!
Конец времён, Вселенной катастрофа...

— Спаситель, отчего себя не спас?
Неужто Бог — ходивший среди нас?

Кругом кощунство, зверство и злословье.
А он, мой сын, всё истекает кровью...

Не слышу я, что говорят вокруг,
В глазах темно — ни слуха нет, ни зрения!
И видеть я не в силах крестных мук,
Всё рушится от этого мученья!

Я вся в огне, я гибну от огня,
И словно бы расплавило меня. —

...Мужчине плакать стыдно, но не смог
Остановить я слёзы... О, мой Бог!
Меня, своими грёзами томимы,
Обходят осторожно пилигримы.

Любой из них, как я, сюда принёс
Томление души к Святой Гробнице.
Здесь пролито в столетьях столько слёз,
Пришли, чтобы Марии поклониться...

В Её руках, как прежде, малый Сын.
Сияет яркий нимб над головою.
Святая Дева говорит со мною,
И мнится, слышу я Её один...

Цепь богомольцев бесконечно длится,
Они сюда пришли из многих стран.
Прекрасна Ты, Небесная Царица,
Как будто образ создал Тициан!

Прозрачны краски на холсте широком,
И словно бы омыт слезами лик,
И эти слёзы на меня потоком
Текут, как нескудеющий родник.

И всё звучит, мне сердце надрывая,
Скорбь матери, её тоска живая:

— Куда пойду, куда себя я дену,
Когда меня оставил ты одну!
Зачем и жизнь! Она подобна плену,
Коль я в глаза родные не взгляну.

Кто, правду о твоём рожденье зная,
Всех раньше принял правоту твою?
Мне ведома вся жизнь твоя земная,
И тайны сердца твоего таю!

Лжецом тебя враги твои назвали,
Они гнушались именем твоим!
С высокой славой сброд непримирим,
И нет предела горю и печали.

Погублен ты, распят, родимый мой!
Хочу с тобой лежать в одной могиле,
Хочу, чтобы с тобой мы рядом были,
Хочу, чтоб вместе обрели покой!

Что делать мне теперь, идти к кому?
Жизнь кончена... За что и почему?
Как снять тебя с кровавой крестовины?

Но римляне на страже, и во тьму
Я ухожу, и сын погиб невинный.

Умолк твой голос, полный вещей силы,
Мой сын, мой Бог, распятый, как злодей!
Звезда моя, мой светоч, сердцу милый,
Голгофа кровью истекла твоей!

Тебя ведь оболгали, опорочив,
И ты меж двух разбойников распят!
Мой агнец, рядом с ними кровоточишь,
Струи багряно-алые кипят...

И что же весть благая Гавриила?
Где истина? Иль дальше лишь могила?

В тоске твоя измученная мать...
Что суждено мне было увидать!

Сегодня я — угасшая, седая...
Не знала я, что дан столь краткий срок...
Пусть слышит в небе твой Отец и Бог,
Как за врагов ты молишься, страдая!
Ждёшь покаянья от врагов своих
И молишься за них, прощаешь их.

Меж тем они, корыстны и зловещи,
По жребию твои здесь делят вещи.

Наряд, руками сотканный моими
(Он был тебе к лицу — простой хитон!),

Хватают, делят... Оценённый ими,
Он весь в крови, весь окровавлен он!

А ты молчишь! Моя иссякла сила,
И я стенаний не могу унять,
Я волосы в смятенье распустила...
В одном огне с тобой сгорает мать!

И где она, недавняя осанна!
Молчит, не защитив тебя, страна.
Ты отдавал всю душу им недавно,
Но как толпа слепа и неверна!

Вот и моя в тот день открылась рана,
Вбит в душу гвоздь, я горе пью до дна!

Ты жаждешь — губы уксусом смочили,
Чтоб горечь жизни ты вкусиł полней...
Нет, палачи не скроют этой были,
От крови не отмоются твоей!

Но сердце материнское увяло
Под стук тебя пронзившего металла.

Всё чувствовала мать, всё сердцем знала...
О, сумрак Гефсимании! Не всё ли
По собственной твоей свершилось воле?

И разве мог внять совести Пилат!
Спокойно выдал он тебя на муки.

И он — в крови, запятнан и заклят,
Конечно, тщетно умывал он руки.

Вдруг слышу: прошептал ты Иоанну:
«Не забывай о матери моей!»
Дана опора мне на склоне дней,
Ну, что ж, он станет всех родных родней,
Я буду с ним, любить, как сына, стану.

И вот умолк ты, и в моей груди
Застыло сердце. Бездна впереди...

Последнее, что ты изрек: «Свершилось!»
Могла ли я понять? Чего ни мнилось!

А понял ли хоть близкий ученик?
Ты, бездыханный, на кресте поник.

Не понял здесь никто, о, сын мой, Кто Ты!
Не ведают, что будет Страшный Суд.
Тебя с креста снимают и несут...
Враги твои свели с тобою счёты.

Теперь тебя, отвергнутого здесь,
Мы провожаем, видя злость и спесь,
Но чудятся нездешние высоты.

Тот, чья душа по-прежнему чиста,
Со мною плачь! Ведь больше нет Христа!

Того, кто безгреховен, мы проводим
Лавиной слёз, рыданий половодьем.

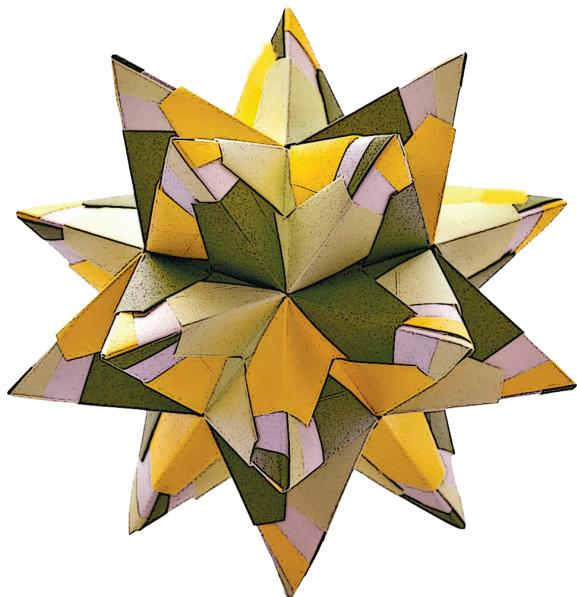
О том, кто мёртвых воскрешал, заплачём,
Из века в век дивясь твоей судьбе...
Пусть хлынут слёзы проливнем горячим,
И пусть весь мир узнает о тебе!
Мать скорбная, я не покину сына...
Моя душа с твоей душой едина! —

...Так плакала Она, и слёз поток
Скорбь матери в грядущее увлёк.
И, плача и скорбя, стоял я рядом,
Как будто бы под вечным водопадом.
Прошла сквозь сердце вся стремнина лет,
Оставив в нём неизгладимый след.

— Прости, Ты взял мольбе моей, Всевышний,
Предерзостной и робкой, и давнишней...
Прости же, Богородица, прости!
Пришлось Твоим страданьям обновиться,
И Голос Твой услышать мне в пути
Священная позволила Гробница!

Звезда рассвета привела сюда...
Анпсных Мария! С нами будь всегда!
Свет Материнства, благодать свою
Ты даришь людям и в моём краю!

Твоё здесь имя сладостно звучит.
Тебе здесь наши матери молились
И целовали выщербины плит,
Да так, что эти плиты истончились.
Взывали: «Матерь Божья, сохрани,
Отрада наша в тягостные дни!»

XI

МОЛИТВА

Откуда я иду? Мой путь с Кавказа!
Я обращаюсь к давним временам.
Учение Христа почти что сразу
Пришло с Андреем Первозванным к нам.
Здесь были Симон Кананит и Матфий,¹²
Слова Христа на этот край земли
Они от нас тысячелетья за два
К абазгам и апсилам¹³ принесли...

Посеяли здесь христианства семя,
И наш народ растил его всё время...

И в самом сердце сладостной Апсны,
Где хлещут водопады, мчатся реки,
Осталась память о святых навеки,
Они в моей стране погребены.

Почил на Псырдзхе¹⁴ Симон Кананит,
И Златоуст¹⁵ в земле Камана спит,

¹² Матфий — один из тех учеников, которые ходили за Иисусом все времена, начиная от крещения Иоаннова до воснесения Иисуса. Он избран апостолом вместо Иуды Искариота.

¹³ Абазги и апсилы — древнеабхазские племена.

¹⁴ Псырдзха — Новый Афон.

¹⁵ Имеется в виду Иоанн Златоуст.

И Матфий — в Себастополисе¹⁶ славном...
Они угасли, Божье слово дав нам,
Они свой путь прошли, чтобы в Христа
Уверовали здесь,

чтоб возжелали
Души спасенья, и душа чиста
У тех, кто внял их речи в том Начале...

Знай: Апсуаре¹⁷ Слово их сродни,
Оно любовью дышит той же самой.
На месте древних капищ

в оны дни
С тех пор вставали новой веры храмы.

В Абхазии ты не найдёшь деревни,
Где нет следов той проповеди древней.
«Аныхуара» в наш язык вошла,
Молитва Богородице святая.
Молитва эта от любви светла,
И это слово теплится, сияя.

* * *

И вот ведёт епископ¹⁸ к быстрой Бзыби
И женщин, и мужчин, весь наш народ,

¹⁶ Себастополис — древнее название Сухума.

¹⁷ Апсуара — «абхазство», неписаный кодекс морально-этических норм абхазского народа.

¹⁸ Руководители абхазской церкви (епархии) в разные периоды ее истории носили титулы апскуабаз, ачкуандар, аныхапызаю, католикос (католикосат), епископ, архиепископ (епископат) и др. Первым католикосом абхазской атонской церкви был Иоанн (8 в.).

И крестит всех в зеркально-чистой зыби...
Из века в век так было каждый год.

Вот в Питиунтском¹⁹ храме служба длится,
И свечи свет благословенный лют.
Всё так же Божьей матери молиться
Сюда приходит христианский люд.

И, в материнстве девственno невинна,
Она дорогу проложила к нам
Извечною любовью, волей Сына...
Куда ни глянешь, благолепен храм!
Иконы веют чудотворной силой,
И вечно этим росписям цвести...
Звучит молитва:
— Господи, помилуй!
Спаситель наш,
Грехи нам отпусти!

* * *

Сошлись апсиды в крепость над Кодором²⁰,
Пришли молиться каждый о своём
В Юстинианов храм, но всем притворам
Не уместить пришедших — тесно в нём.

¹⁹ Питиус (*Питиунт, Амзара*) — древнее название Пицунды. Встречаемые далее географические названия Гагра, Цандрыпш, Лыхны, Дыдрыпш, Илор, Мок (*Мыку*), Лашкиндар, Бедиа и другие принадлежат поселениям и местностям, в которых находились древние абхазские христианские церкви, храмы и соборы.

²⁰ Кодор — река в восточной части Абхазии.

Епископ всех зовёт к реке спуститься,
Чтоб смыть грехи, всем миром в ней креститься.

...И перед взором мысленно встают
Те, что с молитвой проходили тут.
Собрался в крестный ход весь здешний люд.

Был этот путь и предками моими
Когда-то пройден... Я душою с ними!

Поют колокола... Холмы Апсны
Окрещены, крестом осенены.
Да, было так во дни Юстиниана,
Здесь христианство утвердилось рано.

Звучало Божье Слово, и страна
Ещё тогда, в седые времена,
Пречистой Девой благословлена.

Мне радостно, что в мире первозданном
Кодор и Бзыбь сроднились с Иорданом,
И в тех веках далеких, но живых
Христово Слово осветило их.
И под крылом окрепшим христианства —
И волны моря и земли пространства.

И проросли посевенные зёрна,
За храмом храм здесь строился упорно.
Врата раскрыты... Грешен или свят,
Придёшь и не минуешь этих врат.

Здесь верили смиренно в Иисуса,
Носили крест, спасались от искуса.
Молились все Заступнице Марии,
За веру погибали в дни былье
Сгоравшие в её живом огне,
Оставившие этот пламень мне...

Пусть времени стремнина, убегая,
В забвенье унесла их имена,
Но в храм войду — воскреснет жизнь другая,
Их рать неисчислимая видна...

Есть среди них и те, что, незабвенны,
Прошли через века и перемены.
— Войдём, душа, во мглу агиографий²¹...

* * *

Был храбр и мудр апсилов царь Евстафий²².
Цабальского Марина славный сын
Был доблестный и мощный исполин.
Он долго бы страной владел, когда бы
Не вторглись в край бессчётные арабы.

Упорный враг на родину напал
И неприступный осадил Цабал.
Расправиться решила вражья сила
С твердынею «железною» апсила.

²¹ Агиография — жития святых и наука о житиях.

²² Евстафий (VIII в.) — правитель апсилов, после взятия крепости Цабала пленен и увезен в Харран (Месопотамию), был казнен за то, что отказался принять ислам.

Пришла орда, но не сдаётся царь,
Хоть в крепости уже и дым и гарь.
Зашитники редеют, еле целы...
Всё время камни сыплются и стрелы,
Испытывая стойкости пределы.

Христианином царь Евстафий был,
Он отдал вере свой сердечный пыл,
В живом огне душа его созрела,
Всевышнему вручённая всецело.

Взывал он к Богу в этот страшный час,
Молил, чтоб силу ниспослал и спас.
Чтобы победу ниспослал Господь,
Помог пришельцев злобных побороть.

Но пред судьбой жестокой люди слабы,
И взяли в плен Евстафия арабы.

Вот шейх Исам увёз его в пески,
Что от земли апсилов далеки.
В Харране, что на берегу Евфрата,
Томится царь, нет прошлому возврата.

И повторяет пленнику Исам:
«Ты понял! Все тут молятся Аллаху!
Довольно! Не противься небесам,
Смени здесь веру, иль ступай на плаху!
Есть лишь Аллах, и Бога нет другого,
И есть Мухаммед, истинный пророк...
Не заставляй тебя карать сурово!
Неужто тёмен ты и недалёк?»

Но бесполезны речи иноверца,
Чужую веру царь не вносит в сердце
И родины не может он предать...
Его терзают снова и опять.

И, что ни утро, приходил Исам,
Вёл с узником беседы по часам:
— Бог — лишь один, и этот Бог — Аллах!
Уверуй же, не пребывай впотьмах! —

Апсильский царь был твёрд, несокрушим,
Хотя и ведал, как поступят с ним.
Христа не предал и стоял упрямо,
Не повернувшись в сторону Ислама.
И был убит... Как сотни лет назад,
Его и ныне христиане чтят.

Так мученика послана кончина
Святому сыну славного Марина.
Царь выбрал смерть и волею Творца
Небесного сподобился венца.

Апсильский царь! Склоняюсь пред тобой,
Перед твоей высокою судьбой.
И знаю, что твой подвиг не исчез.
Он — в памяти страны, Земли, Небес.

* * *

А я сегодня в Иерусалиме.
В монастыре Крестовом столько книг!

Не всё исчезло в пламени и дыме...
Я счастлив, что желанного достиг.
Склоняюсь в тишине над письменами,
Сколь многое скрыто в этом храме!

И что я вижу!.. «Чёрный Иоанн»²³,
«Пицундский Иоанн», — такое имя
Исходит из писаний сквозь туман...
Ты — здесь и там с деяньями своими!

Сюда, учёный! Ждёт тебя давно
Посеянное некогда зерно.
Коснись его — живой воспрянет колос!
А нет — исчахнет всё, что здесь боролось,
Зерно познанья, ссохшись, сгинет даром...

Вот письмена, изученные Марром²⁴...
Пергаментами занимался он...
Так много этой памяти времён
В Европе, на Руси, в горах Кавказа
И в Азии!.. Скрывается от сглаза
В сокровищницах пыльных стольких стран!
И ты забыт, затерян, Иоанн!

Я всё листаю старых книг страницы,
Где есть упоминанья о тебе,

²³ Чёрный Иоанн — имя Черного Иоанна и связанные с ним предания встречаются в древних архивных материалах Крестового монастыря в Иерусалиме и устных традициях.

²⁴ Марр Н. Я. (1864–1934) — академик, русский и советский ученый-востоковед, кавказовед, историк, этнограф, археолог, один из основоположников абхазоведения.

Текущие, как бусин вереницы...
Померкла память о былой борьбе,
Твой мир переменился многолицый.

Была тебе твердыня эта домом,
И, если стены вдруг заговорят, —
Напомнят об отшельнике знакомом,
Здесь обитавшем столько лет назад.

Сын Питиуса, ты ведь был абазгом,
Сюда добраться церковь помогла,
И в этом храме, издревле кавказском,
Твой голос внятен, и душа светла.

Ты здесь трудился, презирал безделье.
Читал, писал, ютился в тесной келье.
Глядели все, как буквы выводил,
Склонялся, призадумавшись, над словом.
И восхищались, будто чем-то новым,
Диковиною ты для здешних был.

Историю святых из Питиунта
Писал ты, загораясь поминутно.
Вложил всю душу в эти жития.
К преданиям, к абхазским шёл истокам,
Весь воплотился в подвиге высоком,
Чтоб родина прославилась твоя.

Мой брат в столетьях, Чёрный Иоанн,
Твоей несу частицу крови в жилах!
Ты жил здесь и, в своих дерзаньях рьян,
Мечтал — до берегов родных и милых

Из этих мест, не растеряв в пути,
Сей святости хоть малость донести.

Святыму посвятив свой светлый разум,
На языке абхазском ты абхазам,
Волнуясь, Слово Божье возвестил,
Слуга Господень, бодр и полон сил!..

Истаяла свеча, угас огарок,
Но свет иной стал в полном мраке ярок.

Знал языков ты много, но родной
Лелеял сердца жгучей глубиной.
На нём и славил речью непустою
Отчизну, что всегда была с тобой,
И на чужбине не был сиротою.

Ты от зари, писец и переписчик,
Над свитками трудился дотемна,
В обрывках, что спаслись на пепелищах,
Распознавал живые письмена.

Ты Господом благословлён был рано,
Священниками Амзары сюда
Был послан в этот край обетованный
Во имя благодатного труда.

И был ты окружён учениками,
И Сам Господь досматривал за вами.

Подвижники — тот пеший, этот конный,
Кто на галере по волнам морским —

Вы с трепетом, с мечтой неутолённой
Все пробирались в Иерусалим...

В те времена абхазам и грузинам
Случилось долго в царстве жить едином.
Здесь, осенив библейские места,
Воздвиглось вдруг подобие креста.

Так три ствола древесных здесь сплотила
Какая-то неведомая сила.
А после них на поле том же самом
Воздвигся храм, что стал Крестовым храмом.
И, каждодневный труд свершая свой,
Монахи жили дружною семьёй.

Сказанье, сохранённое доселе,
Гласит, что был средь них и Руставели.
Так далеко поэта увела
Судьба, мирские оборвав дела.

Вот вижу я портрет его настенный...
Да, старец тут изображён почтенный,
Что молится, коленопреклонён...
Свою земную жизнь здесь кончил он.

Постойте возле храма и взглядитесь
В каменносечный памятник Шота!
Поэты — братья! Сердцу дорог «Витязь»!
Поклон я отдал, и душа чиста...

Здесь в тишине промчались век за веком,
И храм принадлежит сегодня грекам.

О, Иоанн, ты много лет писал,
Вместилось много красок в твой пенал,
И сам ты извлекал их из растений
И смешивал... Был всех святых блаженней,
Когда бессмертье буквницам давал.

Внесенная пером из тростника
Легла на кожу каждая строка.
Изящны буквы в книгах Иоанна.
Заглавная всегда крупна, багряна,
Не выцвела ничуть и в наши дни.

Вид прочих букв отменно чёток, чёрен,
И этот лист пергаментный просторен,
И не соприкасаются они.

Над свитками трудился ты умело,
Писанье изучая, делал дело.
Евангелья лежали на столе,
И ранним утром и в вечерней мгле
Трудился ты над выделанной кожей,
Её заполнив вещим Словом Божьим.

Огромен был разёрнутый рулон,
Вновь после чтенья скручивался он.

Удержанное деревянной осью
Ложилось вновь писание на стол,
Оно вмещало всё многоголосье —
Ты через сердце всё его провёл.

Но создавал ты здесь не только свитки,
Порой у книги образ был иной,
Суровые сшивали кожу нитки,
Состав соединяя четверной.
Ты был и переплётчик, и разметчик,
Нарезанных страниц вмешалось десять
Меж твердой кожей, между двух дощечек,
И облекалось в бархат... Книг не счесть!
Но вновь входила в мир «Благая весть»!

Благословил Всевышний ремесло,
Которое здесь древле расцвело...

Ты виден мне, хоть слёзы взгляд застлали,
И тень твою я здесь ищу в печали.
И слышу я, вступая в Божий дом,
Что молишься на языке родном.

Как хоровое пение из рая,
Твой голос, голоса учеников
Звучали здесь, молитву сочетая
С абхазской песней канувших веков.

Трудясь в затворе, без большой опаски,
Мечтал ты, давним замыслом томим,
Писанье возгласить и по-абхазски —
Не зря пришёл ты в Иерусалим.

Ты жизнь свою возвёл на твёрдом грунте,
Был на дороге Богом не забыт,
И в юности, ещё и в Питиунте,
Ты греческий освоил алфавит.

Тона абхазских звуков, перепады
Передавались буквами Эллады.
Труд праздничен, привычен скучный быт!

Но набегали турки, бедуины,
Всё жгли, покоя не давали вам,
Свирепых ратей двигались лавины,
Хотели сокрушить и этот храм.

И рукописи столькие сгорели!
И на золу, на пепел в пятнах цвели²⁵
Ронял ты слёзы, Чёрный Иоанн!

Всё ж воскресала сила христиан,
Её вливала в них земля родная...
В храм возвращались, выполов бурьян,
Служение своё возобновляя.

Но в отчий край, покинутый давно
Вернуться было уж не суждено
Отдавшему всю жизнь служенью Богу.
Почувствовав, что близок твой конец,
Постился ты, подвижник и чернец,
Два месяца...
И таял понемногу.

Совсем не ест, порой лишь воду пьёт
И смотрит в потолок, в высокий свод,
И, думая о Царствии Небесном,
Всё видит вдалеке свою страну,

²⁵ Цвель — влажная плесень.

Свой Питиунт, приливную волну,
Холмы, озёра, Бзыби быстрину,
Леса густые в шелесте древесном.

Как на ристаньях мчались скакуны,
Как в храме том, родном, горели свечи!
И звуки тех молитв тебе слышны,
И длится зов своей земли и речи,
Всё ближе, всё виднее, всё слышней...

Но тьма застлала очи, тонешь в ней,
Весь пребывая в таинстве великом.
Настала расставания пора,
И стал ты легче птичьего пера,
Твоё лицо суровым стало ликом.

Ушла душа, прекрасна и чиста,
Открылись Царства Вечного врата,
И — там она, куда всегда стремилась!
Иль каждому дарует Божья милость
Желанные его душе места?

Здесь завершилась жизнь твоя земная,
Вокруг монахи собрались, стеная:
— О, горе! Питиунтский Иоанн! —
Скорбя, ученики твои рыдали
И видели отчизну сквозь туман.
Тянулись к ней из этой дальней дали, —
«Прости его, Господь!» — твердя стократ.
Взвыали горько: «О, наш бедный брат!»
И отзывалась родина, тоскуя.
И раздалось чуть слышно: «Аллилуйя!»

...И долго не могли унять тоски
Любимые тобой ученики.

Господь позвал — душа была готова,
И ангелы в сияющую высь
Её несут во имя жизни новой...
За ней напрасно демоны гнались.
И вот уже она с Всевышним рядом
И любящим Его согрета взглядом.

Писанья вдохновенный переводчик,
Весь жар души и сердца чистоту
Отдавший каждой из священных строчек,
Тебя благоговейно я почту!
Сын Амзары, её лесов сосновых,
Весть о тебе я отнесу туда...
Тебя не помнят в поколеньях новых,
Приметы смыло время, как вода.

Давно ушедший в райские селенья,
Где небо душу чистую ждало,
Причислен ты к святым без промедленья...
Так пусть тебя припомнят поколенья!

Преданье столь прекрасно и светло...

Я по следам твоим иду годами,
Не выходя из этой колеи.
Перебираю рукописи в храме
И с трепетом меж них ищу твои.

Вновь письмена, что вывел ты любовно,
Рождаются, пройдя через века,

Все возникают, выстроившись ровно,
И за строкой является строка.

Увы, не скажет ничего стена,
Что помнит страстотерпца времена,
Но дорожу приметою любою,
И всё же, всё же говорю с тобою!

Витающую душу узнаю,
Которая давно уже в раю.

* * *

Убит злодейски Иоанн из рода Геги²⁶...
О, яркий светоч Лыхненской земли!
Промчались годы в невозвратном беге,
Не исказив твой образ, протекли.

Навек на стену Лыхненского храма
Томящаяся тень твоя легла.
Кровавая здесь совершилась драма,
И всё о ней гласят колокола.

А дни текли, как страшный сон тягучий,
Сгущались над народом нашим тучи,
Грозя огнём и затмевая высь,
И в схватке Русь и Турция сошлись²⁷.

²⁶ Гегия Иоанн (убит в 1877 г. в Лыхны) — абхазский священник, переводчик, учитель приходской школы.

²⁷ Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

Паденье турок, русская победа...
А нам — упрёки нового соседа:
«Вы предали, не с нами были вы!»
Куда от этой спрятаться молвы!

И нашу землю сильные делили
И поделить, сражаясь, не могли,
И нас теснили, покоряя силе,
Чтобы стереть с лица родной земли.

А ты взывал к народу: «Погодите,
Ну, потерпите хоть ещё чуть-чуть,
Помедлите, не выходите в путь!
Земля, нам Богом данная, родная,
Без нас пустыней станет неживой...»
Увещевал ты, слёзы проливая...
Предвидел ли конец ужасный свой?

С отчизной ты молил не разлучаться
И осуждал того, как святотатца,
Кто за море собрался в горький час...²⁸
Нет, там спасенья не было для нас!

Но кто же устоит перед потоком,
Мосты сносящим в натиске жестоком!
Кто услыхал мольбы твои, кто внял!
Ты братьями задушен, скошен роком,
Затоптана молитва, хлынул вал...

²⁸ Речь идет о махаджирах, вынужденных покинуть родину.

И в рай другим ты призван Иоанном,
Сошлись там ваши крестные пути...
И плач стоял над телом бездыханным,
Погубленным корням не прорости!

...Всех праведников твёрже и упрямей,
Служил ты Богу, и задушен в храме!
Убитый, ты упал на солею,²⁹
Но не убили истину твою.

Мольба твоя доносится до нас:
«Накрыло всех и всё водоворотом!
Загубленный безвинно, я угас...
Был тяжким век, наигорчайшим час,
Но не корю отсюда никого там!

Народ терзали, был он зол и нищ,
Дома сжигали и с земли сгоняли.
Лишённые и пищи, и жилищ
Изгнанники толпились на причале.

И шли, и шли... А был ли путь другой?
Шумело море, выгнувшись дугой.
Моим здесь не внимали уговорам...
Кого винить, кого казнить укором?

Нет, не виню... Ведь жребий беглеца
Ужасен был и надрывал сердца,
И, что творят у гибельного края,
Не ведали убийцы, убивая.

²⁹ Солея — в раннехристианской и византийской церкви проход, соединяющий алтарь и амвон.

Так были их гонители страшны,
Тонул народ под гул большой волны.
Упłyvшие, найдя иную сушу,
Спасали тело, оставляя душу».

О, светоч наш, премудрый Иоанн,
Наставник, что ведёт беседу с нами!
Какой-то в мире, верно, есть изъян,
Когда священник погибает в храме.

Твой голос — он из сердца моего
Звучит сегодня: «Не суди жестоко!»
И с благовестом входит в торжество
Свет истины сквозь мутный вал потока.

Твой бурный дух, что столько перенёс,
Всегда пребудет в древнем храме Лыхны.
В пучине прежних бед, в пыланье слёз
Скорбит Апсны, и эта боль не стихнет.

* * *

Дырмит³⁰, чье слово мощно и напевно,
Ещё с ним трое, взявшихся за труд,
Писанье переводят каждодневно...
Не переводят — душу отдают.

У сельского священника недаром
Он обучился чтению и письму,

³⁰ Дырмит — Дмитрий Гулиа (1874–1960 гг.) — основоположник абхазской литературы, народный поэт Абхазии.

С тех пор овеян тем священным жаром,
С каким открылась Истина ему.

Вложил он много молодого пыла
В начертанное чётко, набело.
Пророков слово у него гостило,
И большего быть счастья не могло.

... Он помнит всех принесших Божье слово
И погребённых некогда в Апсны.
Он переводит, приближаясь снова
К самим корням словесной глубины.

И наш древнейший колокол гудит,
И Питиунта возникает вид,
И, выплывая из народных сказов,
Звучит молитва первая абхазов.

Всё ясно:
Не убий
И не укради,
Гордынею не оскверни души,
Забудь о вожделеньях
ближних ради,
Предательства страхись и не сверши!..

Он переводит... Вот он в Палестине,
По храму бродит... И свежа доныне
Благая весть, и о судьбе Христа
Печалится столетий пестрота.

О, поцелуй предательский Иуды!
Не может быть забвенья и остуды,
И вновь во гневе мечется, кипит
И всё клянет предательство Дырмит.

Вот — сребреники, за измену платят...
А этот суд, неправый суд Пилата!
Где справедливость?!

Непосильный груз —
Свой крест — несёт согбенный Иисус...

И вот окончен перевод абхазский,
Евангелие издано... Хвала!
Но незаметен подвиг... Нет огласки...
Не зазвонят о нём колокола.

Евангелье абхазское горит,
И груду пепла видишь ты, Дырмит!
Хотел бы слёзы скрыть, но в скорбном плаче
Они на пепел падают горячий.

Так топчут веру, на костре сжигая,
И тлеет в муках истина живая.
Собравшись, нечестивцы все подряд
Всё вновь тебя терзают и хулят.

Кто храмы защитит страны, так рано
Христа принявший? Мир — сплошная рана!
Не сохнут слёзы жгучие — кипят,
Как будто сам ты на кресте распят!

Колокола пустили в переплавку,
Закрыты церкви и темным-темны,
И на страну накинули удавку...
И распинали не саму ль Апсны?!

Земля и небо сокрушились разом,
Кресты ломают, и над всем Кавказом
Одной молитвы слышен нудный гуд,
То красный серп и молот гимн поют.

Не вырваться из этих грязных лапищ,
Сломали храмы, понастроив капищ.
Иконы уничтожила гроза,
Даны взамен иные «образа».

Убитый горем, но живой и зоркий,
О родине ты молишься в каморке.
Всё за спасенье родины от бед!
Но пусть не слышит даже и сосед...

Монастыри громят и грабят храмы,
И всё крушит безумная толпа,
Нахлынули воинственные хамы,
Спасенья нет от красного серпа.

И вся страна громадная пожаром
Охвачена. Горят её леса
И города, и сёла... В гневе яром
Загублены богатства и краса.

И устали не знает красный молот,
Став наковальней, — Господи, прости! —

Ударами весь мир былой расколот...
Как пережить всё это, как снести!

Ограблен и древнейший Моквский храм,
Зарос бурьяном... Всюду сор и хлам...
А что же с Питиунским сталося храмом?
Обезображен сбродом тем же самым.

Понур наш переводчик и угрюм...
Весь труд ночей, что протекли бессонно,
Жгут на подворье Нового Афона,
Невыносимы эти гарь и глум!

И трудятся безбожники все вместе,
Для них паскудство — месть и дело чести.
И вместо благодарности, Дырмит,
Дождался ты горчайшей из обид.

И новый «Светоч» утверждён во власти,
В крови омытой, как уж ни раскрасьте...
И на Голгофе радостно несут
И на кресте твой распинают труд.

Ты видел грех, святынь позорный вынос...
Ты мучился, Дырмит... прости, прости нас!
Но знай: вовек ни пламя, ни война
Твои не уничтожат письмена.

Ты путь земной совершил, и не обрящем
Следов тех лет, всё стёрлось, отцвело...
Тебя среди архангелов парящим
Я вижу, и в душе моей светло.

* * *

О, храмы наши, в вас — душа моя!
Уже столетья ваша слава длится!
Скрепили вы Истории края,
Вы сами — Слова Божьего частица.
Вы — честь пути, который был велик,
Вы — образы страны, чья вереница
Отчизны цельный созидает лик.

В Абхазии, куда ты ни пойдёшь,
Увидишь храмы древние, что всё ж
Здесь устояли под смертельным валом...
И каждый так по-своему хороши
Дом Господа,
Будь он большим иль малым.

По воле Божьей строились они...
Тут было Богородицы желанье,
Андрея Первозванного призванье
И Симона возвышенное тщанье,
И Матфия моленье в оны дни.

Их именем звонят колокола,
Молящиеся плачут в умиленье,
Дым ладана и веянье тепла
Восходят к Богу,
В горние селенья.

И стар, и млад с большой душевной силой
Здесь произносит: «Господи, спаси!»
И раздаётся: «Господи, помилуй!»

И возлетает к сущим в небеси.
И, как в глубокой древности, сегодня
Нам свет даруют все Дома Господни.

И в память павших за Отчизну жгут
Бесчисленные свечи там и тут.

Абхазия, на бой твои сыны
Шли с Богом, гордой участи достойны.
Они твердили: «Бог есть у Апсны!»
Он осеняет праведные войны...

И души их витают здесь незримо
В сиянии средь ладанного дыма.

— Под сонмом этих душ, душа моя,
И ты витай! Пусть льётся лития!..³¹
Родители, коль живы, ставят свечи,
Молясь, мечтая о загробной встрече.
Блажен идущий по дороге в храм!
Бессилен дьявол, если сам ты прям.

Дорога в храм — путь любящих сердец,
Конечно, там любовь и ждёт венец,
Влюблённым радость светлую даря,
И благодарно грянет: «Аллилуйя!»

Любовь — есть то, что в жизни держит нас,
Мир без неё поблёк бы и угас.
Она казнит и требует усилия,

³¹ Лития — здесь усердное моление.

И мучает, и нам дарует крылья.
Постигни нрав и выучи языки
Любви, чей дар бесценен и велик!

Ведь золото, богатство — всё тщета!
В любви — восторг немеркнувшего света,
И без неё была бы жизнь пуста...
Душа моя, давно ты знаешь это!

Любовь и в отдалении сильна,
Не знает расстояния она,
Преград не терпит, смерти не боится,
Как дерево, растёт и ввысь стремится...
Его лишь крепче корни, что ни год,
Оно, и умирая, зацветёт.

Он и Она, вы здесь всего важней,
И жизнь, и этот день принадлежат вам.
Вы — в мире гости, но в потоке дней
Святую верность сохраните клятвам!

...Ты ей на палец перстень золотой
Надень любовно, рядом с ней постой!
Семью создайте и детей родите,
И Божью милость этим заслужите!

Родные храмы, вас я в сердце нёс,
Под вашей кровлей столько пролил слёз!
Те слёзы — по Елене светлоликой,
Что мне была отрадою великой.
По ней всё плачет, вечно горяча,
Не гаснет мной зажжённая свеча.

И свечи за родителей я ставлю,
Их имена твержу, их подвиг славлю,
О счастии молюсь детей своих,
О здравии всех близких и родных,
О том, чтобы мечтания сбылись....
Здесь от стены, подобна звукоряду,
Молитва эхом возлетает ввысь.

— О, храмы, мне дающие отраду,
Надежду возвращающие мне,
Молюсь за вас в могучей тишине!

* * *

Мой Питиус, ты — веры колыбель,
Огонь в тебе не гаснет и досель!
С начальных дней хранимый высшей силой,
Фундаментом ты христианства был,
И тут служил епископ Стратофил,³²
Что стал как светоч для отчизны милой.

Ты — Амзара! Здесь, как небес опора,
Высоко поднялись верхушки бора.
Святой земли святые сторожа,
Застыли сосны, небосвод держа.

³² Стратофил Питиунский (4 в.) — глава Пицундской христианской церкви, епископ, принимал участие в работе первого Никейского вселенского собора (325 г.), наряду с представителями 318 ведущих христианских поместных церквей.

И древние нам повествуют были:
Того, кто срубит хоть одну, казнили...
Вот сосны драгоценные стоят,
Они всё те же, что века назад.

История текла здесь неуклонно,
Воздвиглась церковь, и во время оно
Епископ Питиунтский Стратофил
Её благословил и освятил.

В дни Первого Вселенского собора
Средь равных равным птиунтец был...
Великолепный, сладостный для взора
Наш храм столь древен и потомку мил.

Здесь в ладанных струеньях дымно-сизых
Епископ шёл к святыне солеёй,
Нёс с образками на блестящих ризах
Звезды рассветной отсвет золотой.

Звук в этом храме реял всё высотней,
И, если пели десять человек,
Казалось, что поёт не меньше сотни...
Такой нам гул оставил давний век.

И зелень вечной юности, и память
В тебе живут, Пицунда! Ты смогла
И времени напор переупрямить,
Навек чиста осталась и светла.
Я, в колыбели святости твоей
Качаясь, вижу блеск звезды над ней.

У нас повсюду крепостей обломки;
Безмолвны и красноречиво-громки.
Кресты так часто изображены
На камне груботёсаном стены.

Бывают внятны эти отпечатки,
Иные полустёрты, смутно-гладки.
Всё ж, уцелев среди дождей и выюг,
Ещё стоят родных твердынь остатки
И превратились в памятники вдруг.

И нимба Иисусова лучи
На них упали, вечно горячи.
С апостольских времён, моя Апсны,
Со Словом Божьим шли твои сыны!

Прошли века, но и сейчас, как древле,
Крест осеняет нашу жизнь и землю,
И не оспорить, что моя страна
Апостолами вся освящена.
Здесь шёл Андрей,
Почили Симон, Матфий,
Им кланяются люди до земли.
Крепка их верность стародавней клятве.
Есть Бог у нас, и мы Ему верны,
И ведь недаром Он избрал Апсны!..

* * *

Далёко ты теперь, пицундский мастер,
Что всем умельцам солнце в небе застил.
Но в целости до наших дней дошёл
Настеленный тобой церковный пол.

Ты рыбой и косулей, и оленем
Украсил глину, и в эпоху ту
Смог передать души своей томленьем
Своей отчизны жизнь и красоту.

С родной землёй незримой связан цепью,
Ты к голосам природы не был глух,
Дивился ты земли великолепью...
Твой дух — её необоримый дух.

Ты обращался мысленно к истокам
И, в точных красках жизнь запечатлев,
Весь путь познанья в поиске высоком
Пересказал нам их немой напев.

Кровь за родную землю проливая,
Ты был её могучим силам рад,
За будущность отеческого края
Стоял горою, о, мой древний брат!

Я словно бы стою с тобою рядом
И преклоняюсь перед зорким взглядом
И этим даром, выжившим в борьбе...
Пришлось так много вынести тебе!

Благоговею перед этой глиной —
Её ты оживлял, в руках держа, —
Пред вереницей образов столь длинной,
Пред росписями — в них твоя душа.

* * *

Родная Гагра, храмы твои святы,
В них память об Ипатии⁵³ Святом.
Звучат в них песнопений перекаты,
И длится служба в блеске золотом,
И древние кресты продолговаты...

Безмолвной стражей сосны тут сошлись,
Стройны, как свечи, что стремятся ввысь.
Всё помнит Гагра — протекли века в ней,
И чудятся слова молитвы давней.
История так внятна и жива...
О многом скажешь, коль найдёшь слова.

Приблизьтесь же, минувшие столетья,
Поведайте, что пережито здесь!
Столь многое не в силах разглядеть я,
Но вы почти что рядом и поднесь.

Но время не удержишь... Вышли сроки...
Вы столь близки и всё-таки далёки!

⁵³ Святой Ипатий Гагрский.

* * *

Скажи, Цандрыпш, что ты в себе хранишь!
Звучна твоя таинственная тиши.
Что прячется и кличет?.. Я робею
И проникаюсь древностью твоей.

Строители молились, строя храм,
Завещанный грядущим временам.
Пред стариною делаясь моложе,
Я сердцем слышу песнопенье то же.

* * *

О, Лыхны, царский град и центр молений,
Твой древний храм — святыня поколений!
Когда-то Приснодеве посвящён,
Тысячелетье продержался он.

Я с юности запомнил, с дней блаженных,
И росписи, и надписи на стенах,
И Слово Божье, прозвучав, как зов,
Меня влекло под сводчатый твой кров.

Цари Апсны любили это чудо,
Крестились тут и правили отсюда,
Рождались здесь... И хоронили их
Там, где придел теперь пустынно-тих...

Надгробье тут владыки Сафарбея,³⁴
Священников могилы — во дворе.

³⁴ Шервашидзе (Чачба) Сафарбей (Георгий) — владетельный князь Абхазии (1810–1821), при котором Абхазия была присоединена к России. Похоронен в Лыхненском храме.

И небо блещет, вечно голубея,
И наши горы в чистом серебре.

Апсны при Сафарбее, добровольно
Войдя в состав России, обрела
Зашиту веры, с верой ожила
И в небеса взглянула богомольно.

А ведь еще с пятнадцатого века
Здесь корни в почву запускал ислам.
Но Русь пришла и отдалилась Мекка,
И озарился православный храм.

Здесь благовест был слышен на заре,
И, густо собираясь во дворе,
Народ шёл в храм... Крестились, отпевали...
Звезды рассвета озаряла дали.

Судьбу страны на Лыхненской поляне³⁵
Решали наши предки-поселяне.
Неправду сокрушал народный глас,
Господь всё видел, охраняя нас...

* * *

Главнейшее святилище Дыдрыпш,
Так высоко на взгорье ты стоишь!

³⁵ Знаменитая Лыхненская поляна была местом, где издревле проходили (и по сей день проходят) народные сходы, на которых обсуждались самые важные вопросы. Здесь же отмечались праздники урожая, происходили скачки.

И под тобой, на дне большого яра —
Красивое селенье Ачандара.

Твоё название означает «гром».
К тебе рвались за правдой напролом,
Взыскуя грома, молниевого света,
И клятвой очищались от навета.

Ещё и до рождения Христа
Была священна эта высота.
И, жертвенных животных сердце, печень
Держа в руках, молились здесь о том,
Чтоб кто-нибудь из близких был излечен
И стал благополучен отчий дом.

Так за веками протекли века,
А странники всё шли издалека.
Решали споры, душу изливали,
Клялись, а иногда и проклинали.

Но вот и здесь, над высью перевала,
Христово солнце ярко воссияло.
И, мощь святого места испытав,
Воздвигли здесь же церкви архитрав³⁶.

Во имя Богородицы Марии
Здесь зажигали свечи в дни былье.
И поднимали молодым вином
Тост за неё на празднике честном.

³⁶ Архитрав — архитектурный термин; здесь — мощный поперечный брус, связывающий колонны или оконные и дверные проемы.

Но время шло... Сюда пришёл мулла,
Листал страницы грозного Корана,
И тень ислама на страну легла,
И вера предков сделалась туманна...

Столкнулись христианство и ислам,
Сошлись в боренье крест и полумесяц.
Огромный мир рассечен пополам,
Свирепый вихрь народы гнёт и месит.

Сцепились две враждебные волны,
И в чём повинна бедная Апсны?

Но чтили в ней святилище Дыдрыпша,
Храм и в жестоких бурях не погибший.
Страшились гнева силы, скрытой здесь,
Что умножалась прошлым и грядущим...

К высотам этим, к заповедным кущам
Не поднимались попусту поднесь.
Неуязвимость храм дарил абазгам,
Хранил народ в его единстве братском.

(А также чтили древние апсылы
Святилища в Илоре свет и силы...
Страшились вызвать у Дыдрыпша гнев,
Пред этой тайной мощью ослабев.

Из храмов лишь Дыдрыпш и с ним Илору
Главнейшими зовём и в эту пору...)

В обломках церковь, но кресты на камне
Напомнили минувшие века мне.
От колокола — только медный лом,
Но ведь и он вещает о былом,
Пречистую Марию восславляя!
Осталась здесь Её душа живая.
И даже состоящий из руин
Остался храмом древний исполин.

* * *

Абхазия, — о, Симон Кананит, —
Доныне память о тебе хранит.
Любим пришедший к нам с Христовым словом,
И храм твой нерушим в Афоне Новом.

И там твоя священная могила,
Где власть тебя мучительно казнила.
И не один жестокий век истёк,
А богомольцев не иссяк поток.

Ты был убит рукой легионера,
Врагам твоя была несносна вера,
И на твоей земле вершили суд
Те, от которых милости не ждут.
Твоё ученье разъяряло римлян...
Всё это далеко, твой век задымлен...
Но ведай, пребывающий в раю,
Что Псырцха не забудет казнь твою!

Разгромлена здесь рать Мурвана Кру³⁷,
Развеяна, как пепел на ветру.
По миру, воспаряя величаво
Прошла Анакопийской битвы слава.

Тогда-то и воздвигли этот храм...
Здесь правды торжество, злодея срам!
Абазги восклицали: «Славен Симон!»
И верили: принёс победу им он...

И встала башня над тобой надгробьем
И памятником тем мечам и копьям.
Всем ведомо, что похоронен ты
Под сводом, свет струящим с высоты.

Здесь камни кровь окрасила густая,
Тем самым нашу землю освящая.
Ты здесь молился, здесь ты был убит...
Но смерть осилил Симон Кананит!
И монастырь средь Нового Афона
Твоё лелеет имя неуклонно.

В другом монастыре многокелейном
Восславлен и целитель Пантелеимон.
Приходят к этим росписям на стенах
Паломники не из одной страны,
И отблеск исцелений незабвенных
Соединился с обликом Апсны.

³⁷ Мурван Кру — арабский завоеватель (VIII в.). Его прозвали Глухим («кру») за жестокость и безучастие к людским страданиям.

О, родины древнейшая столица!
Я верую: с твоих печальных дней
Тебя хранит Небесная Царица,
Склоняясь к Анакопии моей.

Да, шли враги, и было их немало,
Но и в чадящем пламени, в дыму
Сражался город, и его держала
Мария близко к сердцу своему.

* * *

...И возникает в памяти всё снова
Приезд сюда столь давний Глазунова³⁸.
Мечтал своими он узреть глазами,
Как почитаем Симон Кананит,
И побывал в Новоафонском храме,
Который больше сотни лет стоит.

(Был здесь впервые...
С ним едва знаком,
Я стал тогда его проводником).

Вот мы в храм Пантелеимона вошли...
Я помню этот миг, хоть он вдали...
Лицо пришельца сразу засияло,
Когда увидел он весь блеск портала.

³⁸ Глазунов И. С. (1930–2017) — живописец, педагог, народный художник СССР.

Он, из придела проходя в придел,
Всё, как родное нечто, оглядел.
На стены, на иконы зорко глядя,
Не пропустил он росписей ни пяди.

Любуюсь видом, что великолепен,
Сам о деталях он поведал мне,
Сказал о том, что Нестеров и Репин
Создали школу, явную вполне...

И я, тогда внимая Глазунову,
Всё заново увидел, по-иному.
Тут истина сошла, как благодать,
И смог я сокровенное понять.

И для меня в моих исканьях Бога
Его молитвы значили так много.

Он говорил:
— Прекрасен этот храм,
Поистине он свят и дорог нам!
Никем не тронут и, по счастью, стоек,
Он — из последних памятных построек
России царской перед её концом,
И стал как будто зодчества венцом.

Воздвигнут, словно из последних сил,
Империей перед её кончиной!
А после рушил, а не возносил
Соборы век жестокий и бесчинный.

Судьба церквей российских удручет...
Лишь праведник спасенья в муках чает.
Но есть и Божий суд, он ждёт нас всех,
Воздастся и за святость, и за грех.

Так говорил художник, гневен, колок,
А взгляд был полон боли и тоски...
Писал он церкви, лица богомолок,
России уцелевшей уголки...

Он за Апсны молился, чьи святыни
Приехал повидать... Дивясь судьбине,
Нам заповедал: «Берегите их!»
Слова, что душу тронули глубоко,
Для нас звучали, как завет пророка...

А на полотнах он писал своих
Распятую Россию, чья дорога
Шла долго с Богом, а потом без Бога,
Был отнят Он... И стало всё убого.

...Не изменил он истине своей,
И откровенья я узнал всё те же,
Когда пришёл на выставку в Манеже,
Дух православья реял и над ней.

Вся русская история правдиво
Свободной кистью запечатлена!
Шли зрители увидеть это диво,
И в зал вступали — за волной волна...

Всё это было в тех далековатых,
Столь славных для него шестидесятых.

Пришлась на них и молодость моя.
Узнав его, тогда не думал я,
Что с живописцем познакомлюсь ближе
И у себя на родине увижу.

Увы, расстался с жизнью в эти дни,
Кода пишу поэмы этой строки,
Талант российский смелый и высокий,
В искусстве — царь, гигант, как ни взгляни!
Как молния, как проблеск озаренья.
Но... более, чем на одно мгновенье,
Возник твой яркий образ предо мной,
Когда ты посетил мой край родной.

Прошли года — сиянья смесь и тьмы,
Но словно бы не расставались мы!
Как будто вновь глядишь на эти стены
И тайны открываешь,
и хочу
Услышать снова голос вдохновенный,
И зажигаю за тебя свечу.

* * *

Восславим Иоанна Златоуста,
Его молений пыл, речей искусство!...
— С неправдой ты боролся до конца,
Твои слова вошли во все сердца,
Но скорбный путь провидца и витии

Привёл тебя в Апсны из Византии,
В оковах ты доставлен был сюда...

И жизнь твоя оборвалась в Камане,
И место, где уснул ты навсегда,
Чтят христиане и нехристиане.

Светла твоя свеча, о, Иоанн!
Ей отдан жар сердечный христиан.

Не гаснет пламя, ведь оно от Слова,
Неугасима истина Христова!
И к саркофагу всё не прекратится
Паломников бессчётных вереница.

Могучим словом, исступлён и рьян,
Сражал ты легионы, Иоанн!
Твой путь земной — ведущий к Богу луч,
Твой не иссякнет полнозвучный ключ.

Ты ангельским, почти нечеловечьим
Спасителя восславил красноречьем.

* * *

Тысячелетье протекло с тех пор,
Но и сейчас
В глухом селе Отхара
Увидишь на отвесном склоне гор
Прибежище, где пел монаший хор,
Исполненный молитвенного жара.

Вот здесь, призванье ощутив своё,
И обретали схимники жильё.
Свет утра звал к молитве, не к безделью,
Струился он и брезжил в каждой келье.

То озарён, то сумеречно-сер,
Был улею подобен мир пещер.
И, в нём томясь неизъяснимой жаждой,
О Царствии Небесном грезил каждый.

Ночами люди бодрствовали эти,
Вставали для молитвы на рассвете.
Немало было дел у чернецов:
Читать Писанье и святых отцов,
Трудиться, воск топить, готовить свечи,
Зажечь их, воспарив в мечтах далече...
Молитвой нечисть мерзкую отвадить,
Смиренно с сотоварищами ладить.

Стирали в дождевой воде, потом
Сушили одеянья над огнём.
Пылал огонь, даривший всем веселье,
Струился дым и шёл из каждой кельи.
И если гасло пламя, ту же печь
Всегда умели заново разжечь.

Взвывали к Богу в помысле высоком
И согрешить страшились ненароком.
Никто до них добраться бы не смог,
В такие дебри не было дорог.

Нет, с их покоем суeta мирская
Не сочеталась, попусту мелькая.

Царил покой вселенский, неземной
Над пропастью и страшной крутизной.

Здесь душу предавали воле Бога
И жили по Его заветам строго...

По вере и по духу побратимы
В упорстве были все необоримы.
Лишения терпели и терпеть
Готовы были сызнова и впредь.

С природою готовы были слиться
И с пеньем птиц вставали, чтоб молиться.

Все в кельях жили, словно в птичьих гнёздах,
И радостно вдыхали горний воздух.

И, как печётся птица о птенцах,
Заботился Господь о чернецах.

И, яства заменяя в их притинах,³⁹
К ним свет слетал на крыльях голубиных.
И славили они судьбу свою
И на утёсе жили, как в раю,
Заботясь друг о друге, увешая,
Друг друга почитая и прощая.

Как семя, что упало на утёс,
Взрастало Слово, что изрек Христос.

³⁹ Притин — предел движенья, приют.

* * *

Айя-София, о, собор громадный,
Ты — старший брат родному храму Дранды!
И сходство всё заметней... Столь же стар
Абхазии Юстинианов дар.

И созерцали, изумляясь чуду,
Все, что в былых столетьях родились, —
Округлый купол, уходящий ввысь!
Он издалёка виден отовсюду.

Земля и небо там слились вдали,
И крылья обрели сыны Земли.

Из кирпичей таких воздвиглись стены,
Что непросты и необыкновенны.
Их плоть еще и потому тверда,
Что внесены обрывки из Писанья
В те кирпичи, что завезли сюда...
Такие кесарь отдал приказанья.

Такого храма больше нет в Апсны,
И милость Божьей матери Марии
Здесь осенила святость тишины
И гулкий пыл акафистов и хрии.

Сюда, оставив все свои дела,
Абжуйцы⁴⁰ шли, и все колокола,
Все голоса взывали, прославляя
Спасителя и жизнь родного края.

⁴⁰ Абжуйцы (*апсилы*) — абхазы, проживавшие в древности в юго-восточной части страны.

На подвиг здесь решались в те года,
Звучали речи важные когда-то,
И с чистым сердцем каждый шёл сюда,
И всё здесь было и светло, и свято.

...Всех евнухов глава, Евфратский евнух,
Состарившись в усилиях каждодневных,
Для византийских отбирал дворцов
Пригодных для учения юнцов,
В них угадав сметливость, ранний разум.
Крутой и властный, сам он был абхазом.

И, строг и грозен в облике седом,
Он охранял Юстинианов дом.
Воспитывала нашу молодежь
Империя, свои лелея цели...
Юнцы учились грамоте... Ну, что ж,
С годами вырастали и взрослели.
И тем из них, кто знанья обретёт,
Потом епископ назначал приход.

Цари такую выбрали дорогу...
Абхазской мощью царство скреплено,
За что же униженье суждено?
Вся бычье Апсны подобна рогу,
Его трясли, чтоб вытрясти вино...

Воздвиглось многое здесь церквей прекрасных,
И чтили все епископов всевластных,
Пред алтарём склонялись тут и там.
Поочерёдно главным выбирали

То Питиунтский, то Сухумский храм,
То храм Анакопии, то в Цабале...
Епископы старались, чтоб в сердца
Проникло Слово вещее Творца.

И, как в Царьграде и в Антиохии,
Святыни сберегались в дни былье...
Лишь если царь с епископом дружил,
Всё государство набиралось сил.

Они согласно правили страною
И сроднены историей одною.
И рядом их надгробья, и страна
Родные сохранила имена.

Среди свечений вечных, неостылых
Так ясен мне весь крестный путь апсидов.
Единый корень был у них с Апсны —
И, верно, друг от друга рождены.

...Тогда сиянье озаряло лица,
Величие деяний жгло сердца,
И наш народ ходил сюда молиться
И думал думу о путях Творца.

И христианства светоч с давних пор
Несли от моря до высоких гор.
Жизнь обновлялась под молитвословом,
Сил придавая поколеньям новым.
Какой-то веет святостью Кодор,
Любим народом лес на склонах гор.

Но вот мечта рванулась ввысь с размаху —
В Дал и Цабал, на крутизну Ерцаху.
И над ущельем носятся орлы,
И горизонты Родины светлы.
Слились земля и небо, и едва ли
Красивей местность где-нибудь в Дарьяле...

На крутосклонах и у голых скал
Найдёшь ты храмы, где бы ни искал.
И хлещут водопад за водопадом...
И новизна, и древность встали рядом!

Я, ледяную тронувши струю,
С молитвой перед крепостью стою.

И голос предков, гул родного края
Всё длится, мглу столетий прорывая.

Здесь, говорят, по крышам мог бы кот
Дойти от моря до седых высот,
На землю не ступив...

Так было густо

Тут всё заселено...
И многоусто
Взмывала песнь...
Вновь колокол гудёт!..

И вот гляжу я на орлов, в лазури
Раскинувших могучие крыла,
Лететь готовых и навстречу буре,
Как будто вера всё превозмогла.

* * *

Я преклоняюсь перед вами, храмы,
Вы кажетесь ровесниками гор.
Как горы, нерушимый и упрямый,
Застыл в молитве ваш суровый хор.

Издалека привезены узоры,
Умело кирпичи обожжены,
Но многое из наших дали горы,
Чтоб стали вы прекрасны и стройны.

Здесь не было в каменьях недостатка,
И мастерами выполнена кладка,
И — гордость вы отеческой страны.

Землетрясенья, ураганы, выюги —
Всё выстояв, до наших дней дошли,
Сильны в своём необоримом духе,
Приподняты всей древностью земли!

Хранят ограды Божий вертоград,
Но люди божьи крепче всех оград.

Сменяются века и панорамы...
На всё, что было, хочется взглянуть...
Поговорите же со мною, храмы!
Поведайте, как вы прошли свой путь!

Как от орды веками защищали
Крест, увенчавший ваши купола,
Как выживали в буре и обвале,
Когда страну окутывала мгла!

Вы вновь сердца людские воскрешали,
Умолкнуть не могли колокола!

И милостью небес мы спасены...
Всё помнит, обо всех скорбит Апсны!

Стоите не затем, чтобы молчать!
Кладёте на сердца свою печать!
И голуби, не зная птицеловли,
Давно привыкли к освящённой кровле...

Мне чудится, Спаситель наш воскрес,
И Дух Святой спускается с небес!

...Евангелье хотел перевести,
Откладывал, не в силах слов найти.
Но час настал!.. И взялся я за дело.
Вдруг на рассвете, поводя крылом,
Нежданное виденье прилетело.
То белый голубь вьётся за стеклом.
Сел у окна... О чём-то, о судьбинном
На языке поведал голубином.

Ещё лишь разгорается заря,
А голубь ходит, на меня смотря.
Здесь знаменье и озаренье сердца...
И чудится привет единоверца.

Зовёт бумага, будто жаждет слов!
И стал рассвет в то утро свеж и нов.

Как будто Дух Святой благословил
Моё мечтанье, мой блаженный пыл.

* * *

Всё чаще думал человек о Боге
И восходил на горные отроги,
Молился, отрясая дольний прах,
Дышал и ближе к Богу был в горах.

Вот вновь, крутые одолев подъемы,
К тебе пришёл я, древний Лашкиндар!
Столь многим, многим издавна знакомый
Путь на твою вершину очень стар.

Здесь в дни былых нашествий и трагедий,
Во времена безжалостной войны,
Родной народ молился о победе,
О мире и спасении Апсны.

Ты есть, и нет в соседстве у Ткуарчала
Другой святыни, чтобы и она
Так всю округу ярко освещала,
Вся к небесам была обращена.

Всегда здесь, Божьего взыскуя дара,
Молились люди трепетно и яро,
Дар речи обретал здесь и немой.
Бездетная жена из Лашкиндары
Уже с надеждой шла к себе домой.
Случалось так, что прозревал незрячий...
Дух наших гор способствовал удаче.

Тут изначально наблюдали чудо:
Летели к Лашкиндару отовсюду,
В светящиеся превратясь шары,
Кеч, Псху, Илор... Их яркие миры
Парили и, столкнувшись, опускались...
Так все четыре храма сообщались,
Едины с баснословной той поры...

Когда Дыдрыпш беседует с Лдзаа,
Такая искра света пронизала
Весь небосвод, что он огнём объят,
И слышен гул и грохот днём и ночью.
Узревшие святынище воочью
Взволнованно об этом говорят.

Не все могли добраться до вершины,
Была часовня у подножья скал,
Был нерушим обычай в ней старинный —
Кто проходил, тот свечку зажигал.

Где свет свечи, там чёрт не заведётся,
Ему святыни мощь не перемочь!
Здесь свет не гаснет, в небо вечно льётся,
И никогда не наступает ночь.

* * *

О, церковь предков наших, церковь в Мокве!
Еще твои святыни не поблёкли,
Родимые осенены места
Частицею Голгофского креста!

Здесь мученика славного Стефана⁴¹
Мощей частица издревле сохранна...
Веками подносили к ней уста,
Храм славили в столетьях беспрестанно.

Здесь дивный «Моквский благовест»⁴² храним
В серебряном и золотом окладе,
И этот храм давно прославлен им,
И нет забвенья той живой отраде,
Евангелию Моквскому! Оно
Так и зовётся, в этом вертограде,
В благословенной Мокве рождено.

У этих стен толпились поселяне,
Далёко весть о Мокской шла поляне.
Отсюда, ей усиленный стократ,
Звучал наш голос по холмам и чащам.
Здесь прошлое встречалось с настоящим,
Здесь был крещён и наш поэт Баграт.⁴³

Ещё одно... Пусть слышат и глухие!..
Последний князь Апсны в года лихие
Ахмат, а по крещению Михаил,
Лишён дворца, владений, царства был...
И был отослан в глубину России.

⁴¹ Стефан является первым христианином, пострадавшим за веру, был приговорен к смертной казни и побит камнями.

⁴² Создан в XII веке.

⁴³ Б. В. Шинкуба (1917–2004) – Народный Поэт Абхазии, Герой Социалистического Труда.

И умер он от родины вдали,
Но издалёка тело привезли
И в Мокве скончали всем народом.
Его надгробье здесь, под этим сводом.

Судьба над ним так злобно подшутила...
Прах тайно привезли... Но вот могила,
И ничего не скроешь ото всех!
Душа моя,
Забыть об этом грех!

Так больно, что наказан неповинно,
В пути земном испил ты горечь бед.
Вслед за отцом угнали в ссылку сына,
То был Георгий Чачба, наш поэт.

Подхвачен роковым водоворотом,
Он долго был в изгнанье, и в глухи
Никто не мог постичь его души
И взять его мечтам, его заботам.

На родину вернуться не дают,
Тоска по дому давит на чужбине.
Не убежать, не вырваться из пут...
Ужасна повесть об отце и сыне!

Читателям «Уáрада»⁴⁴ нам надо
Чтить двух героев, жертв земного ада!

⁴⁴ Название стихотворения Георгия Чачба.

...И ставшие рабами Вавилона
Мне иудеи ссыльные видны.
Их песни на чужбине не нужны,
Лишь слёзы льются, и печаль бездонна.

Чужое солнце светит, но не греет...
Кто родину под ним найти сумеет!

Вот рядом в храме вы погребены,
Вернувшиеся из чужой страны!

И этим-то прославлен Моквский храм,
Чей крест над ними нерушим и прям.
Стоишь, горюя, как отец и мать,
Как старший брат...
И всё горит лампада,
«Уараада» рыдает с высоты...
И горестно, и сладко.... Внемлешь ты:
Да, в этой песне — горечь и услада!

Что к ней добавить? Дополняя звук,
Теснится в этих стенах столько мук!

Мы будем живы, если жив язык,
А он из Слова Божьего возник!

Отец и сын... Пусть светится всегда
Тот мир, где вы находитесь сегодня!
Осенены всеблагостью Господней,
Свой крестный путь прошли вы сквозь года!
Аминь!

* * *

Апсны прекрасна... Всюду красота,
Здесь, на клочке планеты, разлита.
Озёра, реки, снеговые горы.
Ручьёв неугомонных разговоры
И волн морских тепло и благодать...

И ни зимой, ни летом не устала
Живая зелень править и пленять!
Да, мест подобных в божьем мире мало.

Но храм пейзажу дарит важный тон —
Так живописны Бедия и Моква,
Пицунда, или Новый наш Афон...
Влекут церквей светящиеся окна!

В любом селе — в Камане,
В Гагре, в Лыхны —
На видном месте церковь...

Если зряч,
Увидишь их величье...
В снежных вихрях
Вознёсся над хребтом заветный Кяч.

И в древней Диоскурии — в Сухуме,
Что звался «Себастополис» тогда,
Был свой епископ... В непрестанном шуме
Проходят волны, пенится вода.

И там, где море Чёрное мечтало
Найти Эдем бессмертный и нашло,

Там, где с землёю небо сочетало
Влюблённости взаимное тепло...

* * *

О, Бедиа, привстав на круто склоне,
Ты погляди сама сквозь облака!
Перед тобой — Апсны, как на ладони,
И то мала страна, то велика!

Душа твоя объемлет эту сферу,
Дав берегам, горам и морю меру.

Бедийский храм в году далековатом
Воздвигнут нашим был царём Багратом.

Сын Гурандухт пресветлой, царь Баграт,
Ты был могуч и нравом крутоват!
Иные — не в пример тебе владыки,
Ты путь избрал державный и великий!

Ты всей душою Богу предан был.
О милости Всевышнего молил,
И, матери веленье исполня,
Преданья изучил родного края.
Ты был пытлив и дерзновенно лих,
Всё знать хотел о праотцах своих,
Предшественников перечень составил,
В их временах витал, их духом правил.

Бедийский храм, где подвиг твой храним,
Стал памятником царственным твоим

И самым лучшим из твоих творений.
И благовеста звук и песнопений
И на земле, и в глубине небес
Находит отзвук — в нём твой дух воскрес.

Во множестве свечей могла сиять
Ниспосланная свыше благодать.

И судьбы тут соединяли двое,
Когда, венчаясь, шли вокруг аналоя,
Когда стояли возле алтаря,
Что озарял их, золотом горя.

В жизнь новую они вступали вместе,
И ладан, дым бесчисленных кадил,
Под гул и звон бодрил, как благовестье,
Мечту о Царстве Божьем в них будил.

Баграт, Баграт Великий, имя это
Для нас пребудет вечным, словно храм!

Внутри него ты погребён и сам
Близ матери, преданьями воспетой.
И это место свято, о, Баграт!
...Как был ты своему творенью рад!

Забудется ль твой дар ему — та чаша,
Что золотом горит!..
О, гордость наша,
Дарующая свет и благодать!
И видим мы на кубке знаменитом

Апостолов... И блещет, и звенит он,
И так тяжёл, что нелегко поднять.

Сам эту чашу видел я когда-то,
И восхищало дедовское золото,
Да только нынче далеко оно...
Сокровище родное — на чужбине,
Там, где святыню держат и доныне, —
На миг узреть мне было суждено.

Да, в алтаре таившееся чудо
Кощунственно исхищено оттуда!

Реликвии твои, Бедийский храм,
Все почитали, радуясь дарам.
И слёзы проливали прихожане,
Спасителя язвивший гвоздь узрев,
И горестный испытывали гнев
И, молча, замирали в обожанье.

И зритель ощущал, что распят сам...
Да, обладал такой святыней храм!

Была венца тернового частица,
Надетого жестоко на Христа,
Когда объяла землю чернота
И чернь желала мучить и глумиться...

Горючих слёз тут не могли унять
Все люди, находившиеся в храме,
И зрешице всё снова и опять
Как бы своими видели глазами.

Но худо то, что тайно, или явно
Всё делалось, чтоб ущемить Апсны,
Грузинская тут церковь стала главной,
Так повелось с той давней старины...

Велик Баграт, но откровенно скажем:
Не стал, уж если подведем итог,
Для матери-абхазки верным стражем,
Её надежды оправдать не смог.

* * *

Илорский храм, ты крепок и велик,
Прославлен и у нас, и за горами!
Особо чтил тот, кто тебя воздвиг,
Георгия Победоносца в храме.

Я с детских лет тобою восхищён.
В тот день, как здесь лет в десять был крещён;
Тут заново родился, и всё снова
К тебе стремлюсь... Ведь свойственно нам всем
И в старости к местам стремиться тем,
Где душу тронет веянье родного.

... В тот день сюда пришли мы босиком.
Да, всей большой семьёй в лихую пору,
Когда спалила молния наш дом,
Явились, обратив мольбы к Илору.

Я не забуду, как молилась мать.
Стояла на коленях...
— Боже, Боже!

Я, маленький, никак не мог понять
Её тоски и судорожной дрожи...

Прошли десятилетия... И что же:
Опять дорога к храму ожила,
И верующим снова нет числа.

* * *

В семнадцатом столетии ислам
Всё глубже в горы забирался к нам.
И где нашлись бы силы для отпора,
И не было укрытия от беды!
Крушили храмы яростно и споро,
Чтоб христианства истребить следы.

Как будто вихрь Абхазию настиг,
Нагрянувшая буря всё ломала.
И христиане в ужасе, и вмиг
Церквей премногих навсегда не стало...

В Абхазии кишмя кищели муллы,
Все чаще убеждали кой-кого
Их уговоры, щедрые посулы —
От Бога отказаться своего.

И христианство тихо угасало,
И времени опасней не бывало.

Уж многие в эпоху перемен
Своим крестильным крестикам взамен
Себе мешочки вешали на шею
С молитвой мусульманской — жили с нею...

Конечно же, об этом ведал Тот,
Кто видит всё с незыблемых высот.

И вот что средь уныния и хвори
Случилось в День Георгия в Илоре:
Во двор церковный входит белый бык,
Виденьем белоснежным он возник,
Лоснится, блещет, и огонь во взоре.

То было чудо, знаменье, посланье!
Коль уж само животное пришло,
Готовое стать жертвой, на закланье,
И было так прекрасно и бело.

Проходит год, и что же — столь же белый
Вступает новый бык в церковный двор...
Глядит народ смущённый, обомлелый
И думает: благословлён Илор!

Толпа в неописуемом восторге...
Знак высшей силы указал Георгий!

Повсюду разлетелась весть о чуде,
Отныне что ни год спешили люди
Животных для закланья привести
К Илору, где сходились все пути,
С молитвою свершив обряд, сидели
И это мясо жертвеннное ели,
И всенародный праздник был велик...

За годом год в Илор являлся бык.
Глядели муллы злобно и ревниво

И не могли постичь такого дива.
И застывали, словно в столбняке...
Расспрашивали наших о Быке.

Да, ничего никто не знает толком...
Лишь повелось, что с некоторых пор
Вновь бык, пройдя неведомым просёлком,
В урочный час в церковный входит двор.

Пошли на хитрость: заперли ворота,
Да, с вечера навесили замок.
Все видели... Теперь войти хоть кто-то
На площадь перед церковью не мог.

Но утром, только заалел восток,
Как белый бык явился ниоткуда,
И радуются очевидцы чуда!

Уверовала даже и охрана:
«Господь всесилен! Видим: нет обмана!»

И весть дошла до самого Стамбула,
Имперскую столицу всколыхнуло,
И наши храмы были спасены,
И потянулись годы тишины.

И твёрдым в иноверии своём
Тут ясно стало — чудо перед ними!..
Бегут, как древле в Иерусалиме,
Пред благодатным отступив огнём.
Он сходит с неба, сам собой возникший
Огонь, который дарит нам Всевышний.

Кто угасить сумеет это пламя,
Что осеняет Пасху всякий год?
Всё вновь оно сияет перед нами,
Не требуя усилий и забот.

Узрев такое чудо, мусульмане
Отхлынули и не решались впредь
К святыням прикасаться, что заранее
Задумали с лица земли стереть.

Всех благодать огня остановила,
Отбросила его живая сила.
Нет, пренебречь недопустимо им!
Так избежал разгрома и распыла
И христианский Иерусалим...

Так, что ни год, являлся вновь в Илоре
Священный белый бык, и на подворье
Толпился в День Георгия народ...
Старинное преданье не соврёт.

Шёл этот праздник с блеском и величьем,
Его прихода ждали стар и млад.
Илорский храм
В ту пору звали «Бычым»,
И вера крепла, был обычай свят.

Мир христианский поклонялся чуду,
Была Илора слава велика.
Он выделялся и средь славных всюду
Больших соборов, словно рог быка.

Тут разрешались споры, суд вершился,
Никто здесь ложной клятвы дать не мог.
Тех, кто с грехом сюда прийти решился,
Гнала святая сила за порог.
Здесь каялись, алкали благостыни,
Стараясь гнев не вызвать у Святыни,
Склонялись у подножия креста,
К Всевышнему взывали виновато.
От века это место было свято,
И в нём всегда царила чистота.

Священника целительное слово
Лечило и хромого, и немого,
Закике разом выпрямляла речь.
И женщине бесплодной помогала
Молитва та, что здесь могла, бывало,
Спасая плоть, и душу уберечь.

Детей в купели старой здесь крестили
И за святой водою приходили,
Священника жилище свято чтили.
Народом, возмечтавшим о чудесном,
Илор с рассвета пополнялся весь.
И мудрое звучало слово здесь
О Боге и о Царствии Небесном.
Мечтавшим о нездешнем и чудесном
Илор народом наполнялся весь.

Здесь никогда не грабили, не крали,
И, золото найдя, иль серебро,
Его немедля храму отдавали,
Чужое не присвоивши добро...

Ждало за поколеньем поколенье
Быка столь судьбоносное явленье.

* * *

О, храмы светоносные Апсны,
Вы полыхали верой небывалой!
Летели искры и за перевалы
И там светили, ярки и ясны.

Миры в пространстве чуждом и суровом
Соединили вы Христовым словом.

Так много бед обрушилось на вас,
И столько крови пролилось на плиты!...
Исчезло столько храмов знаменитых...
Как сохранить святыни? Кто бы спас!

О, храмы, вы стояли под обстрелом,
Летели искры вдаль, за перевалы!
Входивших гнали с криком оголтелым.
Бурьяном заросла тропинка в храм.

* * *

Отец мой был тогда главой селенья.
Суровым годом стал двадцать второй.
Кремля неумолимые веленья
Здесь выполнялись лютою порой.

И золото из храмов выносили...
— Не утай! Всё государству сдай!

И на работе не жалей усилий!
...Кончалась осень, вихри глухо выли,
Сельчане собирали урожай.

К нам человек был прислан из района,
Конечно, в куртке кожаной, с ружьём.
Ходил по сёлам он неугомонно,
Был ненасытен в рвении своём.

Кутола храм, храм Джгярды и Атары
Его большие руки обобрали.
Он, верующих доводя до слёз,
Свою добычу в Очамчыру вёз.

«Ну, что есть Бог? Иль вы его видали?
Не разглядишь и в самой дальней дали!» —
Так восклицал, пугая наших, он...
Не возразишь, он был вооружён.

Отец был с ним, когда во тьме полночной
Проехал фаэтон через Цхинцкар,
И тут нахлынул ветер неурочный
И грома вдруг послышался удар.

Дождь захлестал, и молния блеснула,
Весь мир стал белым, задрожав от гула,
И встали кони, лишь хрюпят и ржут,
Копытами стучат, а ветер лют...
В глубокой тьме, в потоках ливня стылых
И в блеске молний двинуться не в силах.

Тут стало странно и светло, как днём.
У назначенца подкосились ноги,
Он рухнул наземь при отце моём
И вспоминает с ужасом о Боге:

«О, Боже, Боже! Пощади, Господь!
Прости, что должен языком молоть!
Нас всех свели с ума! Но я ведь верю!»
...Подобна буря воющему зверю,
И трус дрожит. Сколь слабой стала плоть!

Отец не мог забыть про этот случай,
Историю рассказывал не раз.
Сам был крещён и в гуще злополучий
Не отошёл от веры, душу спас.

Поверь, душа, что истинно и свято
То, что отец поведал мне когда-то!

Трус, что погряз в кощунственных делах,
Очнувшись в страхе жалком и убогом,
Воззвал к Нему... А мы пребудем с Богом,
Для этого ведь нам не нужен страх...

* * *

Священников в узилище ввергали
И без суда казнили, убивали
Иль отсылали их в такие дали,
Откуда нет возврата... Тут и там
Меж тем за храмом закрывался храм.

Есть Судия, что нас хранит с купели,
Он дьявола осилит и в Апсны.
Мы руки к небу горестно воздели,
И снова наши свечи зажжены!

Господь, я шёл по Твоему пути,
Шёл за Тобой, Твои следы лелея!
Твой свет в себе старался я нести,
И оттого мне делалось светлее.

Входил я в храмы, в них полней дыша,
Мечтал о сокровенном — в каждом храме.
По тем стезям меня моя душа
Вела, моими становясь глазами.

* * *

Священные колокола Москвы,
Мои мечтанья пробуждали вы,
Я много лет провёл в соседстве с вами,
Прошёл свой путь среди живой молвы
Московскими проулками, дворами!

А ведь была эпоха нелегка,
Всего касалась дьявола рука.
Большое судно не нуждалось в Боге,
Шло по морям, торжественно гудя,
И всё, что возникало на дороге,
Давя по воле шкипера-вождя.

Кровь и грехи копились в тёмных трюмах,
Ржавеющих от времени, угрюмых.

* * *

Большой корабль под флагом плыл багряным,
Всё встречное сметая по пути.
Казалось, кто сравнится с великаном,
Что все моря сумеет обойти!

Но есть богоотступничеству кара...
Невиданный однажды грянул шквал,
Вскипели волны бешено и яро,
И вот корабль не выдержал удара
И раскололся о громады скал.

Рассыпался, такой, казалось, крепкий,
И не осталось на волнах ни щепки...
Его, рывком ушедшего на дно,
Мечтало море поглотить давно.

Почил он в безднах, душу леденящих,
И всё редеет сонм о нём скорбящих.

И тучи понемногу разошлись.
День прояснился. Улыбнулась высь.
Забыт корабль, что горделиво плавал,
Его каркас во тьму упрятал дьявол.

Всё платим по счетам... Ведь на утёс
Большое судно Промысел понес.
И в том судьба утёса-волнолома,
Ведь на скале ты не построишь дома,
Фундамента не будет, и скала
Лишь погубить создание смогла.

Сменилось время, молния упала
Туда, где ей упасть и подобало.

* * *

Я в юности в храм приходил на Пасху,
Проступок мог приобрести огласку,
Ведь с крестным ходом шёл — всё видно тут!
И трижды обходили мы вокруг храма,
Средь шествующих я держался прямо,
Но думалось: «Назавтра донесут!»

Ах, были не о том мои печали!
Страдал Христос, воскрес из мертвых Он,
И в воздухе хоругви воспаряли,
И колокольный длился перезвон.

Шёл крестный ход, колокола звонили,
И в сердце этот отзвук не утих.
За нами тщетно «красные» следили,
Ведь правда Божья побеждала их!..

* * *

Во храм Христа Спасителя вступая,
Я знаю, что прошла пора слепая,
Когда Россия во грехе жила
И задыхалась, и изнемогла...

Творили в ней безбожники дела,
Громили храм восставшие на Бога,
Как будто Он обидел их премного.

Потом, уже в годах шестидесятых,
Решившись веры истребить остаток,
Никита⁴⁵ сеял гневные слова.
И завершилась разрушенья драма
И вырыли бассейн на месте храма.

Мы плавали в бассейне том — «Москва» —
И летом, и зимой, и в облака
Пар облаком входил, дымясь слегка.

А я тогда студентом был, и часто
Спешил в бассейн, имея пропуск свой.
И с нетерпением надевал я ласты,
Бросался в воду книзу головой.

Не знал я, увлечённый баттерфляем,
Что раньше было там, где проплываем.
И снова тот же высится собор,
Который людям дорог с давних пор, —
Собрали деньги — в нём была нужда им!

Сломать народу силились хребет...
Народ смириться не хотел, о, нет!

На празднике средь верующих стоя,
Я волю Провиденья сознаю:
И позабыть нельзя пережитое,
И думу я не в силах скрыть свою...

⁴⁵ Н. С. Хрущев (1894–1971) — глава советского государства (1953–1964 гг.).

Отвлечься я стремлюсь, но неуклонно
Библейский вспоминается Иона,
Что был громадной рыбой поглощён.
В чудовищный её попав желудок,
Надежды всё же не утратил он,
Без устали молился трое суток.

Господь мольбы услышал — приливной
На берег рыбу вынесло волной...

Судьба и впредь испытывала строго,
Но знал Иона, и входя во тьму,
Что никого нет в мире выше Бога,
И приближался с верою к Нему.

Пусть будет пропасть чёрная бездонна,
А я доверюсь лишь тебе, Творец!
Проходим испытанье... Нам Иона
Явил неустаревший образец.

Со всеми я гляжу благоговейно:
Где раздавались плеск и гам бассейна,
Явился патриарх... И торжество
И ликованья свет — в очах его.

Как сердце бьётся! И душа крылата...
Там все стоят, где плавал я когда-то.
Над бывшим водоёмом — высота,
И это — купол, светлый Храм Христа!

Дано предвидеть было Даниилу
(Не мне, студенту, юному пловцу!)
Судьбу царей... Он знал иную силу!..

Я обращался с трепетом к Творцу:
— Всевышний, наш Владыка, наш Спаситель,
Ведь Ты и есть невидимый Строитель,
Что за три дня воздвигнуть может храм
И нас ведёт по праведным путям!

* * *

Иконы славной северной земли,
Всегда следы вы на себе несли
Свершившейся истории России!
Её мученья — в нимбе золотом,
Осенены вы памятью о том,
Как окрестились русские впервые.

Как передать мне духа глубину!
Что этой мощи краше и огромней!
На «Троицу» Рублева я взгляну,
Владимирскую богоматерь вспомню.
С «Сикстинскою мадонной» наравне
Гласят они о горней вышине.

Я верности вовеки не нарушу,
Пою хвалу и отдаю им душу.

Кто в тайну смог проникнуть хоть на миг,
Природу сердца русского постиг!

Есть в русской церкви почва для мечтаний,
Дыханье сфер — и что благоуханней!
Здесь храм — неугасимая свеча,
Свет сердца, отблеск горнего луча.

И нераздельны жар горючих слёз
И упованья, связанные с вами.
К вам покаянье жалкий грешник нёс,
Пол целовали богомольцы в храме.

Кто не излил души перед Христом,
Перед пресветлым образом Марии!

Они твердят: «Пойдём стезёй Господней!
То путь любви, спасенья торжество.
Как древле наши предки, и сегодня
В себе несём свет истины Его.

И нужно нам одно: с пути не сбиться...
Как взгляд с иконы озаряет лица,
Ваш крестный путь прозревшей до конца!
Примите же напутствие Отца
И обещанью Сына твёрдо верьте:
«Те, кто со мною, все избегнут смерти!»»

Иконы драгоценные России!
Здесь грусть её, её души излом,
Все чаянья, надежды и стихии!

О, сколько раз вы чудо сотворяли,
Спасая Русь средь бури и огня
И утешая в горе и печали,
И тайны сокровенные храня!

Родной земле и этим небесам,
Руси истокам, всем её лесам,
Её душе так близки эти стены!

И все бессмертны и благословенны,
Кто с верой вас творил из века в век,
Кто Слово Божье красками изрек!

* * *

О, Град Петров! Волшебные чертоги,
Соборы с вечной думою о Боге,
Места, где Пушкин жил, где он творил,
Мои мечты давно вы окрылили.
Всю эту смесь фантазии и были
Я в юности всем сердцем полюбил.

Вознесшийся высоко Исаакий,
Чей купол золотится и во мраке...
Такого больше в мире нет нигде.
Строителей его не меркнет слава,
Деянья их века переживут,
Сияет Исаакий златоглавый,
В нём всё: их вера, гений, тяжкий труд.

Он устоял и в годы атеистов,
Когда напор на храмы был неистов.

Сюда пришёл я в юности своей,
В державном этом храме был музей,
Но веяла уже струя живая
Той оттепели, мчащейся спеша...
И в эту дверь моя рвалась душа,
Вошла в неё, меня опережая.

Толпились люди, многих стран сыны,
И я средь них — приезжий из Апсны...

Не раз с тех пор бывал я в Ленинграде,
Спешил, собравши на билет гроши,
Бедняк-студент, к таинственной отраде
Ведомый нетерпением души.

Как и всегда, незыблем Исаакий,
Земли и неба тайна, свет двоякий!
И вечный облик мощен и красив,
И внутреннее сказочно убранство.

Какое диво в красках сотворив,
Освоили художники пространство!
Ты разглядишь тончайшие мазки
На росписях немеркнувших, нетленных
И мастерство оценишь, колдовски
Преданья оживившее на стенах.

И свет особый у алтарных врат,
Они червонным золотом горят,
Оно соединилось с малахитом,
Вот сочетанье, милое Петру!
Вот пир искусства! Здесь ты на пиру,
Неизреченной святыстью повитом!

Из алтаря, из скинии святой,
Епископ выйдет в ризе золотой,
Подходят богомольцы, крест целуя.
Звучит молитва, и церковный хор

Волнует души, огласив собор,
И слышится «Аминь» и «Аллилуйя».

И с основанья города, всегда
Бывало так, но в темные года
Безумье вторглось в светлый мир придела.
Стенали стены, длилась лития,
Скорбели небеса...
Душа моя,
Недугом этим ведь и ты болела!

Но вот уж вновь здесь не музей, а храм,
И притекла история к истоку.
Мы движемся всё к новым временам,
И перемены видит Божье око...

Свободна вера, видим мы теперь,
Какой урок был Господом нам задан,
Всегда открыта верующим дверь,
И всходит ввысь миротворящий ладан.

* * *

Теперь у храма постоим иного.
На пролитой крови воздвигся он
Во имя Воскресения Христова,
И был благовейно освящён.

Здесь Александр Второй смертельно ранен,
И в эту церковь Спаса на Крови
Всегда смиренно входит прихожанин,
И ты войди и память обнови!

Пять куполов сверкают в позолоте.
О, не случайно кладка здесь красна!
Здесь веянье трагедии вдохнёте!
Но светом веры
Жизнь озарена!

И смерть побеждена, и свет спасенья
Струится, предвещая воскресенье.

Храм высится, чудесен, изукрашен,
Но горестно напоминает вновь
О том, что путь истории был страшен...
И царская не высыхает кровь...

Столетья протекут, но время мнимо,
Коль эта боль вовек неисцелима.

Храм на Крови... Знакомое найдёшь!
Ведь с древним храмом, что в другой столице —
Василия Блаженного — он схож,
Тем храмом площадь Красная гордится.

А здесь — я надивиться не могу —
Дворцы на каждом видятся шагу,
Сады, музеи, церкви и соборы
И памятники — всё пленяет взоры.

Так руки мастеров благослови!
Душа моя, ты это все любила!
К тому, что было с отрочества мило,
Всё тянешься, не утаив любви.

* * *

Вот Эрмитаж чарующий — в нём сила,
Искусства вдохновенный непокой!
И снова сердце эта мощь пленила,
Волнует душу, как простор морской.

Писание по этим вот полотнам
Ты выучишь! Не меркнет красота,
И льётся в сердце в сумраке дремотном,
Сердцебиенье с каждого холста.

Какая чёткость цвета, глазомера!
Так создан мир, пронзающий сердца,
Как созданы гекзаметры Гомера,
Как Солнца блеск — свершение Творца!

Христос и Богоматерь... Магдалина,
Какой её увидел Тициан....
Того или иного исполина
Творения...Их целый океан!

К Евангелью в них ключ животворящий
И солнца луч, из мрака выводящий!

Была от века ведома поэтам
Власть Слова, что предстать умела Цветом.

Прошли картины эти сквозь века...
Все росписи от стен до потолка
Мне чудятся они издалека —

Душа моя! Когда мы выбирали путь,
Они ведь с нами были — не забудь!

* * *

Дворец дворцов, творение Растрелли!
Как выстоял ты в пушечном расстреле?
Был сердцем ты державы век назад,
Но вдруг звезда твоя заполыхала,
И мятежа ты пламенем объят.

Тогда и церкви был хребет изломан,
Оборван под расстрельный гул и гомон
Тот славный путь, что выбрал Константин.
Путь веры стал запретным волей рока,
Всё рушил год семнадцатый жестоко...
Чернее здесь не видели годин.

Тогда явилась и решимость злая
Восстать, чтоб с трона сбросить Николая.
Династию — под корень! Путь один!

Кремль приказал — и думал: шито-крыто,
И царь убит, семья его убита...
Об этом не поведаешь без слёз!
Вновь окровавлен и распят Христос...

Постановили: «Бога нет!» Ты волен
Злодействовать — твою похвалят прыть.
Колокола сбивают с колоколен
И ранам сердца не дают зажить.

А жаловали разве иудея?
Забыли напрочь и про Моисея!
Всё ж заповеди силились украсть,
Ведь руки людям не связала власть.

Отринули и светлый разум Будды,
Взамен нирваны агитпроп был дан,
И славили утопии причуды...

Был в сторону отброшен и Коран.
И у муллы достаточно печали —
Мечетей двери тоже закрывали.

Любую веру строй ниспровергал,
Возжаждала земного царства смута,
И дьявол правил и торжествовал,
Всё в мире перевёртывая круто.

Воспрещена церковная купель,
Сама дорога в церковь позабыта,
И отнята надежда — вот их цель:
Убожество и приземлённость быта!

И Пасху было отмечать нельзя,
И прятали мы крашеные яйца...
Глядели, наказанием грозя,
Разглядывали в школе наши пальцы.
Коль краски к ним приклеилась пыльца,
Велели: «Завтра приведи отца!»

Жрецы, что в атеизме заскорузли,
Тогда и древность нашу обрекли —

Священные языческие кузни,
Пытались их стереть с лица земли.
Сказ о былых абазах и апсилах
Мы сохраняем в наши времена...

Чего мы только вынести ни в силах!
Но ты, душа, была истощена.

* * *

Подземный Киев, отсвет древней веры,
Бессчетных лабиринтов темнота...
Когда-то эти освятил пещеры
Монах Антони знаменьем креста.

Сошёл он первым в эту мглу без края,
Тысячелетье подвигу тому...
Всё более пещеры углубляя,
За ним вступали схимники во тьму.

И подземелье многовековое
В десятилетье вырастало вдвое.

Как бьётся сердце и сникает разум,
Когда бредёшь по этим перелазам!
На каждом здесь встречаются шагу
Святые мощи...

Нет, я не солгу:
Мне чудится, что никогда не гасли
Мерцающие свечи в зыбком масле!

То выпрямляюсь я, то спину гну,
Порою тяжко в тесноте вздохну,
И вижу — в стенах вырытые кельи...
Повсюду Слово Божье в подземелье.

Жить под землёй, молиться и молить
Всевышнего в смирении и страхе,
И каяться, и покаянье длить —
Так проводили день и ночь монахи.
Их впереди ждало блаженство рая,
А здесь — лишь мощи и стена сырая...

Былых веков благовейный зритель,
Я обхожу подвижников обитель...
В мечтах готовясь воспарить до звёзд,
И на одре тут соблюдали пост.

Такой они суровый пост держали,
Неделями не брали крошки в рот.
Свой путь земной во мраке завершали,
Освобождаясь от земных забот.

Под действием высокого примера
На Божий путь святых вставала рать.
Ждала их в Царстве Божьем благодать.
Какою силой обладает вера!
Смерть смертью побеждать
И воскресать!

В пещерах мгла и благовест снаружи.
Послушай же хоть несколько минут!
И песню рая, музыку всё ту же
Колокола до сердца донесут.

А купола все в золоте червонном,
И ослепляет эта красота,
Что в городе соборов разлита,
Переплетаясь с плавным перезвоном.

Вот храм Софии — в нём я узнаю
Знакомое в моём родном kraю:
Я вижу, взором мглу веков прорезав,
Здесь наших зодчих, родичей-обезов⁴⁶!
Доставили сюда абхазских зодчих.
Храм, чьи черты родным церквям сродни,
Воздвигли вместе с местными они,
И сохранили дух заветов отчих.

Но равного доселе нет ему,
Его красу не описать словами,
Чарующую в ладанном дыму
Всех, кто пришёл молиться в этом храме.

Кто с Богом в сердце на земле живёт,
Его любовь вседневно осязая,
Не может видом киевских высот
Не любоваться, как виденьем рая.

Не зря мечта вела меня сюда
И в юности, и в зрелые года.
И впечатлений было столь немало,
Что всякий раз надолго мне хватало.

О смысле жизни ты подумай здесь,
Весь прошлый опыт оцени и взвесь,

⁴⁶ Абхазов в русских летописях называли обезами.

Оставь земное, обращаясь к Богу!
Найти не просто к истине дорогу.

Но трудности преодолеть попробуй
И не сдавайся, не сходи с пути,
Не дожидайся милости особой —
Так душу и сумеешь ты спасти!

Здесь созидалась в древности держава,
Веками проливались кровь и пот,
И всё росла, и осеняла слава
Величье созидательных работ...

Тут православья русского исток,
Оно, минуя все перипетии,
Сюда, на выюжный Северо-Восток,
К славянам притекло из Византии.

Великий князь Владимир в Херсонес
Отправился в том легендарном веке,
И встретились с ним волею небес
В Писании начитанные греки.

Он ими окрещён. Звучит «Аминь»!
И свет дошёл до северных пустынь.

Свершив хожденье к православным грекам,
Он уж другим вернулся человеком,
Осиллив свой свирепый, зверский нрав.
Любовь в него вселилась, воссияв
Бесчисленными отблесками молний,
И доброта, живую душу полняя,
Согрела землю — всю его страну!

Меж тем Владимир-Солнце, ей любимый,
Величьем смутных замыслов томимый,
В душе мечту взлелеял не одну...

Князь возвратился в Киев и с Перуном
Велел расстаться в государстве юном.
Ослушаться здесь не решались князя,
Влекли немого идола по грязи,
Привязанного к конскому хребту.

И в бурный Днепр швырнули, утопили,
И всех божков оставили, забыли,
И свет прозренья хлынул в темноту.

И у реки собрал народ Владимир,
Сам с радостьюю людей крестил в Днепре...
Смутился дьявол, мир Перуна вымер...
Всё длится песнь о славной той поре.

Так Днепр могучий слился с Иорданом...
Душа моя, тот день ко мне приблизь,
Когда дарила светом бого诞ным
Лесистый край заоблачная высь!

* * *

Вот я в Константинополе стою.
Не углублюсь в историю твою,
О, Рим Второй, в раздоре с Первым Римом
Крушивший то, что было неделимым!

Айя-София... Я вхожу впервые
В храм благодатной Мудрости, Софии.

Воздвигнут при Юстиниане он,
Одновременно с Драндой сотворён.
(В то время Дранда называлась Цкыбын,
Языческая мгла вставала дыбом...).
Да, самый гордый из земных владык
Два светоха, два храма нам воздвиг.

Но протекла столетий череда,
Губили храм и пламень и вода,
Вторгаясь в эти стены пресвятые,
А всё стоит прекрасный храм Софии!

Крещусь перед святыней христиан.
Вхожу и вижу: вот — Юстиниан
И Константин... Меж ними — Приснодева.
Мозаики — направо и налево.

Я шагу не могу ступить, застыл —
Уйти от этих образов нет сил.
В мозаиках воскреснув драгоценных,
Чья древняя нетленна красота, —
Дорога до распятия Христа,
Весь тяжкий путь отображен на стенах.

Спас христиан державный Константин,
Он дал им силу, с ними стал един.
Язычество иссякло, стало лишним...
Всё Константина изменил порыв,

Истории поток поворотив!
Тот император послан был Всевышним.

Юстиниан продолжил славный труд,
Священные мозаики не лгут,
И, всматриваясь в годы роковые,
Младенца держит на руках Мария.

Я в величайшем христианском храме
Всё обхожу неспешными шагами,
Былое многолико, не муртво...

Я, словно бы объятый сновиденьем,
То спуском увлечён, то восхожденьем,
Угадываю всюду Божество.

(Юстиниан — об этом не смолчу! —
В свой новый храм к назначенному сроку
Велел посланцам по всему Востоку
Сокровища собрать по кирпичу:
Лепнину, части кровель и колонны,
Исполненные прелести живой.
Чужие храмы столь бесцеремонно
Он разрушал, чтобы построить свой,
И всё несёт в себе Айя-София!
Был не присущ Юстиниану стыд.
Царь знал: всё оправдает литургия,
И веровал, что Бог его простит).

Как многие, пришёл я издалёка...
Но стал музеем храм по воле рока,
Тут службы не проходят, и жестока

История, забывчива, седа...
Никто тут не восплачет, как тогда.

Но мне видна событий вереница...
Моя молитва здесь не прекратится.

Молящихся бесчисленные лица...

Как будто всех увидел я сейчас!
Сколь дивным было то богослуженье
И потрясала зрелища краса!
Поднять способно мёртвых было пенье,
Живых без крыльев вскинуть в небеса.

Тут, заново рождаясь, молодели,
Как я сейчас в сияющем приделе...

Крестились тут в серебряной купели...

И шли, и шли сюда из глубины
Империи, столь памятной доселе...
Так я сегодня прибыл из Апсны.

* * *

Вдруг — поворот! И пал Константинополь,
Событий замелькал круговорот.
Распалась Византия в скорбный год
И от нее остались пыль и опаль.⁴⁷

⁴⁷ Опаль — в поэтической речи опавшая листва.

Рассыпалась она, в пучине канув,
Увидел мир нашествия османов
С оружьем под знамёнами войны.
Они пришли, упорны и тверды,
И сокрушили мир уже разъятый!
На храмовой стене горят аяты.

Жизнь рушится, коль сильный вихрь обдаст...
Об этом говорил Экклесиаст.

* * *

Грехи — основа всех больших империй,
И всё тут зыбко, как их мощь ни меряй.
Всё на качелях — и за взлётом взлёт,
Пока верёвку вихрь не оборвёт.

Сильней, чем император, Пантократор!
Вот предо мною Иисус распятый.
Он знает всё, он правит, а меж тем
Столь терпелив и милостив ко всем.
Душа его — во мне со дня рожденья,
Стремлюсь к Айя-Софии что ни день я!

В путь с радостью, душа моя, спеши!
...О, ничего превыше нет души!

* * *

Покинув храм, я с думами своими
Иду один, и спор кипит меж ними.
Вопросы, что рождаются подряд,
Друг другу с жаром противостоят.

Противоречьям я конца не чаю
И на вопросы вечно отвечаю.

Как жизнь провёл я? Что в пути узрел?
Каких земных не повидал я дел?
Какие чувства сердце испытало,
И отчего лил слёзы я, бывало?
И пытка длится снова и опять...
И разве всё смогу пересказать!

Так много недосказано к итогу!
А сказанное — часть души моей,
Наполненной любовью страстной к Богу...

Несказанное — мельче и темней,
Ненужная событий паутина...
Я снял её с себя на берегу
И в поисках небесного притина
Плыву и оглянуться не могу.

Пойдёшь за Богом — о себе забудешь,
И ведь иначе с дьяволом пребудешь,
Который искушения воздвиг,
Что вызвали неистовство желаний.
Всё, как цветы весною на поляне,
Вдруг отцветёт, порадовав на миг.

Откуда я? Иду я издалёка,
От Слова Веры, от его истока!

Куда иду?
Я к Истине иду,

Как будто бы к родительскому дому,
К Первоначалу, к роднику святому,
И вижу в небе яркую звезду.

* * *

Едины Слово Божье и Отчизна,
Святая вера — прочная броня.
Без веры ты не устоишь ни дня...
Прочти же повесть в книге летописной!

Ты знал ли, что произошло в Масаде,
Как цитадель изнемогла в осаде
И рушились защитников тела?..
И редкостной трагедия была.

В плен не сдавались, зная зверства римлян,
С открытыми глазами шли в огонь...
Как бы ложились на Его ладонь...
А смерть близка. Весь горизонт задымлен.

...Когда лилась святая кровь евреев
И Иудея таяла в ночи,
И всё рубили римские мечи,
Кровопролитье дикое содеяв.

Уж завоёван Иерусалим,
Известно всем, как поступили с ним.
Осталось взять последнее — Масаду,
Единственный оставшийся оплот...
Когда же крепость горная падёт?
Но в ней не уповают на пощаду.

И затянулись месяцы войны,
Но всё же силы слишком неравны.
Восходит враг всё выше, он всё ближе...
Но общую судьбу решат свои же!

Не вырваться отсюда всё равно,
Недолго пренъя уцелевших длятся —
Единогласно всеми решено
Убить себя самим, а не сдаваться.

Бросают жребий — кто-нибудь один
Убить обязан всех среди руин.
Спалившие страну святынь нетленных
Легионеры не получат пленных!

Так были все единодушны там:
«Мы не сдадимся ни за что врагам!»

И все они без ропота и шума
Легли на землю...
Страха нет ни в ком!
И тот, кто долг свой исполнял угрюмо,
Шёл и касался каждого клинком.

И сотни тел лежали ряд за рядом,
А тот, кому стал горький жребий адом,
Теперь готовый вместе с ними лечь,
В последнего — в себя — вонзил свой меч.

Бесстрашные себя Творцу вручили,
Все вместе разом души отпустили
К Тому, кто этот оправдал порыв,

Они навек себя освободили...
Лежали, к небу лица обратив.

Перед врагами, что взошли на гору,
Ужасная картина предстаёт,
Смятенному открывшаяся взору:
Повсюду трупы, здешний мёртв народ!
Покрыла смерть любую пядь земли,
Её здесь рабству люди предпочли.

И, молоды они, иль седовласы,
У всех здесь умереть хватило сил.
Невдалеке сохранены припасы...
Не голод осаждаемых скосил!

Была Свобода гибнущим наградой,
Их мужество в истории живёт,
И кажется еврейской Илиадой
Победой ставший страшный подвиг тот.

Захватчики, склонитесь перед Масадой,
Вовеки эта крепость не падёт!
Ведь выбора пример она явила
И над потомством, словно знамя, взмыла.

Сражаясь, гнёзда защищают птицы...
За отчий край нельзя нам не сразиться.
За Родину и Веру умереть
Умели предки, будет так и впредь!

* * *

Моей Апсны отважные герои,
Стоявшие за Родину горою,
Стране давала распрямить хребет
Отвага ваша столько сотен лет!

Сражались вы за веру год от года,
И древние сказания народа
Полны о ваших подвигах молвы.
И, если ваши силы были малы,
Изнемогая, не сдавались вы,
С отвесных скал бросались вы в провалы.
Нам дал Господь страну, отраду глаз,
Эдемского она прекрасней сада,
И без неё не может жить абхаз,
Апсны — вот наша гордая Масада.

Как мучили тебя — о, Боже правый! —
Страна моя, прекрасная Апсны!
Как, целясь в сердце стрелами с отравой,
Неистово казнили без вины!

В тебя вбивали гвозди, распинали...
Мне снится: Богородица сама,
Как будто Мать в немыслимой печали,
Стояла у подножия холма,
С твоей душою связанная кровно...
А ты лишь повторяла: «Невиновна!»
Твоя судьба — Распятье...

Не забудь:
Спасителя тобою избран путь!

И неразлучны мы с твоей судьбою,
Апсны, мы не расстанемся с тобою!
Когда уйду, то ведь умру не весь,
И навсегда оставлю душу здесь.

* * *

Я шёл к тебе, о, Иерусалим!
Ты благодатью даришь, ты любим,
Наполнен миновавшим и грядущим!
Ты ко всему причастен всякий час,
Что на земле дарован всем живущим,
Твой крестный путь ждёт каждого из нас,
Твой крест вручён — к спасению идущим.

Одна в веках к тебе ведёт стезя,
Кто не на ней, тому спастись нельзя.

Вхожу с благоговеньем в каждый храм,
С волнением вижу переулки эти...
Всевышний наш Господь — Отец всем нам,
И Богоматерь — Матерь всем на свете.

В слезах томленья, Иерусалим,
Мои моленья, Иерусалим!

* * *

Колокола отчизны!
В Амзаре
Будили вы абхазов на заре,
Ваш голос длился и в закатной гари...

Столетья под руками звонаря,
Раскачивались, гулко при ударе
О Царствии Небесном говоря!

И этот гул, возникший на Востоке,
Дошёл до нас, могучий и высокий!

Ваш благовест весь собирал народ —
Мужчин и женщин — все молились вместе,
И звук надежды, радости и чести
Над Бзыбью плыл до снежных высот.

Ну, а звонарь порывистый и ловкий
Всё напрягался, дёргал за верёвки,
Был весь в поту и ведал благодать.

И слышался на дальних перевалах
Тот звон колоколов больших и малых,
Совместно научившихся звучать.

То хрустала разбившегося отзвук,
То серебра рассыпавшийся звук —
Всё с плеском Бзыби возносилось в воздух
И к жизни пробуждало всё вокруг.

Так праздничная песня колоколен
Звала в простор, что сладостен и волен.
И, направляя сбившихся в пути,
Любовью и теплом приободряла,
И разнобой в гармонию сливалась,
Умела в души слушавших войти.

И в Лыхны в темноту, исповедален,
Вливался звук, прекрасен и хрустalen,
Вступал во двор абхазского царя...
Под этот звук, и бодр и беспечален,
Вставал народ, едва блеснёт заря.

Песнь радости, песнь Божья, песнь народа
С молитвою в единый звук вошла.
Соединились все колокола,
И эта песнь не молкнет год от года.

Колоколов анакопийских звон,
Горам и побережью внятен он,
Земля и небо в этом звуке слиты
Во исполненье воли Кананита.

И то же в древней Дранде, где собор
Стоит на правом берегу Кодора,
Колокола взывают с давних пор,
И звук в ущелье тянется с простора.

Гул возглашает Господу осанну
И воздаёт хвалу Юстиниану.

Умолкнуть не дано колоколам,
Чей звук взлетел и в неземные сферы...
От века шли в святейший этот храм
Дорогой проторённой люди веры.

И вы, седые колокольни в Мокве,
Перед толпой паломников не молкли,
Когда, ликуя в блеске золотом,
Склонялся весь народ перед Крестом...

Впервые грянув в том далеком веке,
Ваш голос оглашал поля и реки
И длился, не давая сатане
Покинуть ад, промчаться по стране.

Бесценные колокола Илора,
Вы — отголосок ангельского хора!
Тьму побеждая, страхи прогоняя,
Гоня тоску, вы в мире растеклись.
Вы — радость сердца, вскинутого ввысь,
Вы — свет души, врата открывшей рая.

* * *

Склонюсь, колокола земли моей,
Пред вами! Вы отважны и могучи,
Но чёрные вас накрывали тучи,
Вам вырвали язык, вас после мук
Перевязали, отнимая звук.

Снимали и бросали злобно наземь
И плавили вас в буйственном экстазе...

На вашем месте выросла трава,
И в храмы дьявол заходил с ухмылкой.
Он и сейчас борьбою занят пылкой
За душу, что и в сумерках жива.

Звонарь забыл, как тянут за верёвки,
А вы уж в переплавке, в перековке...

Увы, никто не вызволил, не спас,
И слёзы лили помнившие вас.

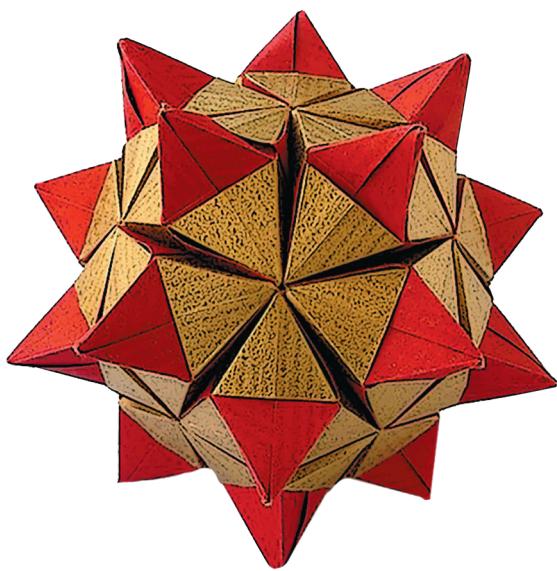
Вы думали, что Господом забыты,
Но всё вернулось на свои орбиты,
Развеялась губительная мгла,
И вот воскресли вы, колокола!

И снова вы звучите на высотах
И торжествует правда в ваших нотах.
Как в древности, работает звонарь,
В его глазах сиянье, как и встарь.

Ваш звук принёсся словно бы из рая,
И я ему внимаю, замирая.

Вновь муз в мой блаженный сон пришла,
Не молкните вовек, колокола!
Я знаю, что не вынесу разлуки,
И в мир иной возьму я ваши звуки!

В конце Молитвы — и её начало,
Чтоб, не забывшись, вновь она звучала
В том дольнем мире, где столь много лжи!
А где же правдолюбцы, подскажи!
Не здесь же, где обыденность убога...
Должно быть, в мире Истины, у Бога!

XII

ЗВЕЗДА РАССВЕТА

*Апсны. Апсадгил. Апсынра.
Апстазаара. Апсымра. Апсхара.
Апсчыхю. Апсра. Абзахара.
Апсилаа. Абазгаа. Псырцха. Апсар.
Апсгалара — апсталара. Апсымра.
Анпсных.. Лдзааных. Апсцаха.
Апсымюа. Абзамюа. Апстабара.
Апсхыхра. Апсыжра. Апскурша.
Бзана. Бзоу. Псоу. Лашсы...⁴⁸*

Всё множатся бесчисленные корни,
Сквозь время прорастают всё упорней,
Вобрав в существованья круговерть
Наш каждый день, рождение и смерть.
Душа и сердце языка родного,
Всё это — Дома нашего основа.

Проходят годы в смене красок пёстрой,
То ветерок, то бурный листопад...
Вдруг на лице — морщины... Дни летят!
Везде и всюду — жизнь и смерть, как сёстры.

⁴⁸ В основе этих абхазских слов лежит общий корень («пс», «бз»), означающий — вода, душа, смерть, жизнь.

«Но отчего мы смертны?» — Гильгамеш⁴⁹
Так вопрошал, затеявший мятеж.
«Как смерть осилить?» — на такой вопрос
Никто досель ответа не принёс.

Какой же смысл у жизни, сбитой взлёт?
Что после смерти человека ждёт?
Коль ты родился, так умрёшь однажды!
Молись, страдая от духовной жажды,
Мечтай о рае и с мечтой живи,
И жди, предуготовившись, любви!

Жизнь — высший дар из всех даров природы,
Услышишь ли, проспавший дни и годы?

Знай: должен быть у всех народов Бог!
Тем, что безбожны, доли не даётся.
Дух, истончившись, сдался, изнемог...
Поистине, где тонко, там и рвётся.

Смысл нашей жизни в Боге! Нет Его —
И не осталось вовсе ничего,
Всё мёртвое вокруг и всё пустое,
Защиты нет и рушатся устои.

Во прахе потерялся муравей...
Вы видели его? В какие сферы

⁴⁹ Гильгамеш — полулегендарный правитель г. Урук в Шумере (28 век до н. э.). После смерти друга странствовал в поисках тайны бессмертия.

Унёс его мгновенный ветровей?
...Бесследно пропадаем мы без веры.

Грех, если мы покаяться не смеем,
Жжёт, словно раскалённый уголёк.
Брат, не давай же затаённым змеям
Съесть заживо тебя! Усвой урок!

Подумай о конце пути заранее,
Фундамент жизни закрепляй прочней,
О нём должны быть все твои старанья...
Основа! Всё ведь держится на ней!

Дубовая, и та склоняется, и стойко
Лишь то, что из надёжного кремня,
На нём твоя удержится постройка,
Не пошатнётся, жизнь твою храня.

Смерть наш Господь унял бы, попирая,
И всё ж не зря за первородный грех
Изгнал Он прародителей из рая,
Мы платимся за сладость их утех...

Хранил Он верных и самозабвенных!
Так древле был спасён от смерти Еnoch,
И Царствия Небесного врата
Пред тем раскрылись, чья душа чиста.

И праведника обошли страданья,
Что неразлучны с часом умиранья.

Спасительную ветвь мы не храним,
Ниспосланную нам Творцом благим,
И позабыли Еноха святого,
И беспрестанно рубим вновь и снова
Ту ветку, на которой мы сидим!

Но ведь Господь нам преподал примеры...
Пойдем к спасенью по дороге веры!

* * *

Приблизилась надежда, возрастая,
Блеснула искра света золотая.

Свободы разгорается заря.
Уже я слышу звуки райских песен...
Рвут сердце боль и музыка, горя,
И этот обретённый мир чудесен.

(О, Смерть, к твоим приходам я привык!
Четыре раза ты являлась в гости.
Ты шла за мной по следу каждый миг,
Попробуйте, такую тень отбросьте!..)

* * *

От ноши скоро я освобожусь,
На свете каждый носит этот груз.
Уж силы нет для жизни, нет и смысла —
Зря капельница надо мной нависла.

Приблизься же, мой голубь!
Подлетай!
Сними меня, как лёгкий лист с мишени!
Взмахнув крылами, прочь от мельтешенья!
Перенеси в свой вожделенный рай!
Освободи от этой прочной сети,
В которой пребывает всё на свете.

Дай мне покинуть эту колыбель!
Я в ней качаюсь с детства и досель.
Мир у меня все отнимает силы,
Иного света мне виденья милы!

Господь! В моём ты сердце, как всегда!
Кто верует, жизнь вечную обрящет.
Не будет жажды в жизни предстоящей —
Спасает всех крещения вода.

Приблизься, умоляю, голубь сизый,
Скорее, милый, прилети сюда,
Окинь меня лучей нездешних ризой!
Ты — жизнь души, рассветная звезда!

О, спутница-душа, не устрашись!
Пусть длится путь и всё светлеет высь!
И вот уж свет я вижу на высотах,
Он для меня рождается, он чёток.

Нет, нелегко душе расстаться с телом,
Дыханье смерти страшно самым смелым.
О, дьявол, ты здесь лишний — уходи!

Зря ты пугаешь тем, что впереди,
Нет больше страха... Поздно! Уходи же!

Уж страха нет, а всё же неотвязен
Коварный зверь, свиреп и остророг,
И скалит пасть, свиреп и безобразен.
В боренье с ним я нынче изнемог.

То вихрем прянет и пахнёт зловоњем,
То обоймёт хвостом своим драконым
И душит, напирая и тесня,
Решив сломить и покорить меня.

Глаза его — как огненные угли.
Могуч и зол, как некий древний змей,
Безжалостный, большой, угрюмо-смуглый,
Сюда пришёл он за душой моей.

То гонит в гору по скалистой круче,
То низвергает в пламя, то швырнёт
С вершины вулканической, горючей
В бездонную пучину буйных вод.

Меня спасает парусное судно.
Но, Боже, Боже! Вижу: всё оно,
Всё в черепах!.. Да, отдохнуть здесь трудно,
Везде костями тело стеснено.

Внезапно оживают все скелеты
И с визгом, с воем гонятся за мной,

По палубе топочут — нет им сметы!
И нет нигде спасенья, Боже мой!

Увы, как видно, в море я отплывал...
Как вдруг меня спасла родная мать.
Но заградил нам с ней дорогу дьявол,
Спасению пытаясь помешать.

О, горе! Мать куда-то улетела.
Как видно, удержать её нельзя...
А злобный враг лютует оголтело,
Наточенной косою мне грозя.

И слышу голос: «Отдавай мне душу!
Ведь всё равно здесь Божью власть разрушу...
Твой Бог далёк, и Он тебя забыл.
Я — на Земле хозяин, полный сил!»

Но этого я слышать не желаю,
Сопротивляюсь, верою пылаю!
Лишь Богу я покорен, лишь Ему!
Душа горит, одолевая тьму.

О, голубь сизый, о, Звезда Рассвета,
Скорей сюда! Я так устал в пути!
Спасите от коварства и навета,
Чтоб душу к небу нежно вознести!

* * *

Звезда моя, мой голубь, ближе, ближе!
Всё небо в звёздах... Звёзды светлолицы...
Как глянешь ввысь, захочется молиться!

О, звёзды, знайте, вы — мои сестрицы,
Как и меня, Всевышний создал вас,
И свет ваш изначальный не угас.

Вам счёта нет — таких не сыщешь чисел!
Земля прекрасна, но прекрасней вы,
Над всем твореньем вас Господь возвысил.
С чем вас сравнить? Сравнения мертвы...

Как радует ваш свет во тьме кромешной!
У каждой имя есть... Прервавши сон,
Живущий пробуждается с надеждой,
Что под звездой счастливою рождён.
Вот будущее, вглядываясь в роздымь,
Предсказывает кто-нибудь по звёздам,
Обманываясь призраком волшбы...

Нет, звёзды, вы — не вестницы судьбы!
Напоминанье вы о Божьем чуде!
Во все века прельщались вами люди.

Но есть Звезда у Господа иная,
Что, озарив рассветный Вифлеем,
О том, что жизнь дана и неземная,
О Царстве Божьем возвестила всем.

* * *

От смертного изнемогаю пота...
Скалой придавлен... Если б спас хоть кто-то!
Но гаснет свет в глазах моих, они
Уже незрячи, и темна дремота,
И тяжко давят прожитые дни.

Пойдем, душа, закончим ход мой крестный,
Ты — спутница и в участи безвестной!

Где это мы? Там, где родился я?
Родные стены, отчие края...
О, этих мест, где наши льются реки,
Душа моя, не бросишь ты вовеки!

Звезда рассвета всё растёт, растёт...
И всё величье мира — мне навстречу,
Сквозь множество столетий напролёт
Течёт, и светоч яркий недалече.

Блажен, в чьём сердце вспыхнула звезда,
Кто в рай ушёл, прожив свои года.

Звезда, приблизься, светоч мой могучий!
Прочь, дьявол, уходи, меня не мучай!
Я покидаю здешний мой причал.

Мне ничего не доставалось даром,
Трудился я и отдыха не знал,
И долго прожил в этом мире старом.

Я благодарен! Завещаю вам —
В свой час прощаться так же, с добрым словом,
Молю: к моим прислушайтесь словам!

Все нагрешили в бытии суровом,
Просите же и вы в свой смертный час
Прощения, как я прошу сейчас!
К Звезде рассветной поспеши, ладья,
В её лучах теперь пребуду я!

Господь, прости ошибки и грехи,
Прости и строчки — те мои стихи,
Что были без Тебя в той жизни ранней,
Где столько и безумств, и отрицаний!

И плоть мою и душу обнови,
Избавив от всего, что обветшало,
Дай возродиться мне в Твоей любви
И приготовь для нового начала!

И это одиночество развей,
Спаси меня от немощи моей!

И я — потомок изгнанных из рая,
Их грех идёт за мною, нагоняя.
И не был гладок мне суждённый путь,
Порой от бедствий я не мог вздохнуть...

Прощаю всех виновных предо мною,
Зла не держу — давно прошла гроза,
Прошедшее застлало пеленою,
Я без укора им гляжу в глаза.

Я их прощаю, да... Но, лишь взгляну,
Сам перед ними чувствую вину,
И каюсь, удручён своей виною!

Да, в жизни выбирал я путь крутой,
Удобства отвергал в дороге той,
А ныне жалко, что, порой неровен,
Был слишком перед многими виновен,
И в эту пору о моей вине
Вечерний звон напоминает мне.

От дорогих людей я жду прощенья,
И пусть Господь простит мне прегрешенья!

...Ах, нет конца у исповеди этой,
Нет прегрешеньям и ошибкам сметы...
Всегда к Тебе я устремлял шаги!
Так вызволи меня и помоги!

Я уношу с собой, как послесловье,
Родных и близких облик с их любовью,
Их труд, заботу, их речений звук,
И взгляд прощальный, и тепло их рук...

Толкали в пропасть тысячи причин,
И совершил я тысячи ошибок,
Но выбрал путь из тысячи один,
Он всё же верен, пусть столь узок, зыбок...

Звезда рассвета, светоч путеводный,
Теперь тебе я душу отдаю!

Стою в твоей обители свободной,
Прими, спаси скиталицу мою!

* * *

Я сквозь скалу прошёл!
Прямой, не ближний,
Был тяжким путь, и вот конец его!
Прошло земное...
Погляди, Всевышний:
Я — тоже агнец стада Твоего.

Вот в честь Того, кто смертью смерть попрал,
Со всеми вместе я запел хорал.

Я так еще не пел... И всё чудесней
Мой переход, и я иду к Тебе
С открытым сердцем и заветной песней...

Встал на колени и клонюсь в мольбе.
— Спаситель мой, моя душа готова!
Открой врата мне Царства Неземного!

* * *

Звезда рассвета, новый мир, мой Дом,
Здесь рабства нет для взысканных судьбою.
Кто веровал, Тебя увидит в нём,
Я — там, где Ты, везде — навек с Тобою.

Рассветы и закаты? Здесь их нет,
И прекратилось дней чередованье.
И ночи не бывает... Лишь сиянье,
Повсюду Божий торжествует свет.

Кого сюда дорога привела,
Блажен — здесь нет ни пагубы, ни зла.
Сюда рвалась ты от первоначала,
Душа моя! И благодать сошла.

Ты в Царстве вечном, словно у причала...
И хлынул свет, и расточилась тьма.
Где, Смерть, твой яд, где злое это жало?
Где ты сама?

Прощай, моя могила!
Пусть цветы
К тебе приносят близкие, родные...
И всё-таки теперь пустеешь ты,
Ведь я ушёл в пространства неземные.

Ну, что ж, простимся, грубая скудель,
К себе меня тянувшая досель,
С душой моей боровшаяся глина,
Всё время увлекавшая во тьму!
Не эта тьма, а высота, вершина
Была желанна сердцу моему.

Расстанемся! Прощай, земля сырая!
Бессильна ты. Тебя я отстранию.
Я был в плену, а ныне, воспаряя,
В твою не попаду я западню.

Я не вернусь! За мной не стоит гнаться.
Теперь душа свободна и светла,
И уж тебе вовеки не подняться
На высоту, куда она взошла.

* * *

Как день один, прошло тысячелетье,
И за потоком не могу поспеть я.
И все событья жизни до седин
И до конца — вместились в день один.
И, кажется, я не имел иного
Добавочного дня и запасного.

То, что я, всем злосчастьям вопреки,
Писал на волнах бешеной реки,
Свершалось за день, и осталось Слово...
Событий жизни протекла струя...
Но ты бессмертна, о, Душа моя!

Сухум – Москва – Иерусалим – Вифлеем.
2016 – 2017

О ПЕРЕВОДЧИКЕ

Михаил Синельников (родился в 1946 г. в Ленинграде) — известный московский поэт, автор более двадцати поэтических сборников, в том числе однотомника (2004), двухтомника (2006), книги «Сто стихотворений» (2011), а также избранного «Из семи книг» (2013). Его стихи регулярно публикуются в основных литературных журналах России, вошли в существующие антологии русской поэзии XX века и переведены на многие языки стран Европы и Азии.

М. Синельников — признанный мастер поэтического перевода.

На протяжении нескольких десятилетий перевёл многие произведения индийских, таджикско-персидских, грузинских, армянских, тюркских, северокавказских, а также дальневосточных и европейских поэтов — классиков и современников. Его избранные переводы вошли в книгу «Поэзия

Востока» (2011). Особое признание принесло переводчику выдержавшее несколько изданий переложение обширного собрания сочинений гениального персидского лирика и эпика двенадцатого века Хакани. Он автор перевода монументального эпоса «Нарты» (в карачаевско-балкарском варианте).

М. Синельников является также исследователем литературы, критиком, эссеистом, составителем поэтических антологий. Его разносторонняя литературная деятельность отмечена многими высокими российскими и иностранными премиями.

М. Синельников неоднократно бывал в Абхазии и посвятил ей ряд стихотворений, переводил абхазских поэтов. За его вклад в развитие абхазо-русских литературных связей он награжден орденом «Ахъдз-Апша» («Честь и Слава»).

В 2014 году в Москве вышла в переводе М. Синельникова поэма народного поэта Абхазии Мушни Ласуриа «Золотое руно». Автор и переводчик этой книги в 2015 г. были удостоены Всероссийской премии им. Антона Дельвига.

ОТ АВТОРА

Поэму «Звезда рассвета» я создавал в 2016–2017 годах. Основное место в ней занимают образы Иисуса Христа и Его Матери Святой Девы Марии, путь распространения в Абхазии христианства, мое путешествие по Святой Земле.

В недавние времена атеизма, как известно, верить в Бога, отзываться положительно о религии и святых, говорить о них воспрещалось, и в нашей абхазской художественной литературе подобный опыт был незначительным, а в период Советской власти его и вовсе не было. Во время работы над поэмой передо мной часто возникал вопрос: стоит или не стоит свой труд обнародовать, преподнести его читателям в такой форме? Не выручал меня и мой многолетний творческий опыт, не было у меня душевного спокойствия.

Поэтому после того, как завершил поэму на родном языке, я отдал прочитать свою рукопись опытным редакторам, поэтам, ученым, всего до десяти человек. Некоторые из них свои замечания высказали мне в устной форме, другие изложили на бумаге. Безусловно, все, что они сказали и написали, меня вдохновило, и я решился на публикацию поэмы вместе с отзывами и рецензиями.

Затем такой же вопрос возник передо мной, когда пришло время опубликовать поэму на русском языке в переводе известного московского поэта и переводчика Михаила Синельникова. Основа поэмы «Звезда рассвета» — это Библия, памятник религиозной мысли, который приравнивается к

историческим документам. Допустил ли я какие-нибудь погрешности в освещении и передаче библейских сюжетов, канвы, верно ли передал Божье Слово, точно ли выразил свои чувства и ощущения, верны ли мои оценки? Эти вопросы перед изданием поэмы на русском языке еще острее вставали передо мной и возлагали на меня еще большую ответственность. Поэтому и здесь я предложил рукопись перевода московским библеистам, богословам, поэтам, переводчикам, чьи мнения для меня были весьма важными. С большим волнением я ждал их выводов и оценок. И благодаря этим оценкам, профессиональным мнениям я решился издать поэму на русском языке. Все отзывы, собранные вместе, стали приложением к поэме.

Я от всей души и всего сердца, низко кланяясь, говорю спасибо всем, кто прочитал поэму в рукописях как на абхазском, так и на русском языке, в переводе. Все они восприняли мою поэму как свое родное творение, отнеслись к ней со всей серьезностью, уделили ей немало своего личного времени. Такое отношение к моей просьбе мне не забыть никогда! Я уверен, что их богоугодный труд с радостью воспринят Всевышним. Ведь и поэма нацелена на то, чтобы понять и прославить Господа Бога, донести Слово Божье до каждого.

Все, что я смог, — в моей поэме!

В Новом Завете сказано, что любой труд, любое дело человеческое не может быть совершенным.

Пусть Господь Бог простит мне все мои недостатки и несовершенства!

О ПОЭМЕ МУШНИ ЛАСУРИА «ЗВЕЗДА РАССВЕТА»

Мушни Ласуриа — мастер крупномасштабной поэтической формы. О ком сейчас это можно сказать? В Абхазии, в России, в мире вообще? Решусь утверждать, что это само по себе уже редкость, удивительное литературное явление современности. Три колоссальных поэмы: «Золотое руно», «Отчизна», «Звезда рассвета». И это в эпоху, когда в моду вошли односторонности!

У поэта длинное дыхание и марафонские дистанции. А ведь есть еще Ласуриа — переводчик пушкинского «Евгения Онегина», «Песни о Гайавате» Лонгфелло, переводчик библейских текстов наконец! Всё это огромный труд, железная самодисциплина, чудо поддержания вдохновения не мгновеньями, а годами.

Поэма «Звезда рассвета» — вещь совершенно особая. Это стихотворная повесть о душе и надежде, разговор с Богом о предназначении человека, о его жажде бессмертия и трудном пути к пониманию земного и небесного, об очищении и просветлении, к которым надо стремиться, но которые недостижимы без истинной веры. А ведь верить трудно! Как тут не вспомнить знаменитое стихотворение Тютчева «Наш век»! Оно не только о тютчевском девятнадцатом, но и о нашем двадцатом, и наступившем, но пока не осознанном двадцать первом.

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвётся из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.

Безверием палим и иссущен,
Невыносимое он днесъ выносит...
И сознаёт свою погибель он,
И жаждет веры... но о ней не просит...

Не скажет ввек с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой дверью:
«Впусти меня! Я верю, Боже мой!
Приди на помошь моему неверию!..»

Вот это тютчевское «Впусти меня! Я верю, Боже мой!» — словно бы лейтмотив поэмы «Звезда рассвета». Вера не дается просто так, и душа не растёт и не очищается без духовного усилия. Вот этому-то духовному усилию, внутреннему труду и посвящена поэма. К вере в бессмертие хочется прийти каждому, даже ярому атеисту, хотя он в этом никогда не признается. Но не так-то это легко: требуется и смижение, и смелость, и знание — упорное постижение мира и Бога. Слова Заболоцкого «Душа обязана трудиться, и день и ночь, и день и ночь» тоже не раз приходят на память при чтении «Звезды рассвета».

Выпуклость, жизненность изображения, как известно, рождается в живописи из сочетания света и тени. Поэма Мушни Ласуриа — смелая попытка писать картину одним только светом. Возможно ли такое? Да, оказывается, возможно, если очень в свет верить и готовить себя к нему. Известно, что на протяжении веков Данте неоднократно ста-

вили в вину, что «Ад» удался ему лучше, чем «Рай» — так же, как отрицательные герои литературы частенько кажутся нам убедительнее положительных! Да нет, Данте одинаково хорошо удалось изобразить и ад, и рай. Это наши, читательские, глаза более привычны к адским видениям и потому лучше различают черные тени во мраке, чем белые — в сиянии божества.

Поэма «Звезда рассвета» — явление несомненно райское, а свет присутствует даже в самом заглавии, причем усиленный, двойной — свет ночной звезды и утренней зари. Перед нами как бы бесконечная, развёрнутая молитва, долгое и нелегкое восхождение к небесным высотам.

Поэма Мушни Ласуриа — произведение глубоко христианское. Мы попадаем в Вифлеем и присутствуем при рождении Спасителя. Оказываемся в Иерусалиме, странствуем по библейским местам, проходим крестный путь вслед за Иисусом, глубоко сопереживая и проникаясь верой в реальность происходящего. Мы видим христианскую Абхазию, молимся в её древних храмах — к ним ведут все дороги. Новый Афон, Лыхны, Дранда... Как и во всех своих произведениях, поэт верен родной стране, отчизне, не мыслит себя вне её. Абхазия — часть великого христианского мира, и поэт ощущает это всем существом.

Едины Слово Божье и Отчизна,
Святая вера — прочная броня.

Верховья Иордана напоминают поэту природу родной Апсны.

Какой, однако, с нашим схожий мир!
Лавр, ежевика, туя, бор сосновый,

Зеленый бук и барбарис багровый,
Гранаты, пальма, алыча, инжир...

Вот кактус, вот лоза и шелковица...
Чего ни встретишь! А река струится...

Да, струится река веры, проходит через весь мир, соединяет страны и людей. А поэма — это река речи. Недаром по-русски «речка» и «речь» — от одного корня.

Лавр, ежевика, лоза... Как бесхитростное перечисление знакомых, узнаваемых с радостью растений сходно с изображениями на средневековых европейских шпалерах, где у ног Девы вытканы, точно живые, земляника, одуванчик, мельчайшая россыпь маргариток! Почему средневековый художник потратил столько сил на воссоздание невзрачного цветка? Почему так хочется назвать каждую травку, с нежностью её рассмотреть? Да потому, что это — мир Божий, в котором стоит поклониться и малой былинке как чуду творения.

Посещаем мы и Константинополь, осмысливая путь Византии, входим, вместе с автором, в храмы, проходим по священным местам и древнего Киева, и Петербурга. Все это как бы полёт над землей, съёмка с воздуха, запечатлевшая гигантскую панораму, где царит просветлённый дух обретения веры — парение души в небесных сферах.

Звезда рассвета — это Вифлеемская звезда. Можно сказать, что вся поэма — поэма о счастье, псалом жизни, могучая многоголосая оратория на духовные темы. А ведь, если честно, о счастье мало кто пишет!

В сцене крещения в водах Иордана ёмкими простыми словами — и прекрасным стихом — дана вся проповедь Христа о равенстве людей перед небом:

И всё одно — ты беден иль богат,
Перед Христом — в крещении — все эти
Равны мужчины, женщины и дети.
Пойми, что нет ни для кого преград,
И спасены, и святы все на свете!

Прекрасный поэтический перевод Михаила Синельникова делает поэму достоянием русской литературы. Стоит начать читать, и оторваться трудно. Потом хочется вернуться то к той, то к этой строфе, перечитать заново, распроверить, произнести вслух.

«Звезда рассвета» — удивительное явление, и сама по себе, и относительно современного состояния мира и человечества. В ней глубокие знания соединены с сильнейшим — и очень личным! — религиозным чувством. Этот сплав несомненно привлечёт читателя: просветит, обогатит и поможет поднять голову — глянуть в небо.

Пусть так оно и будет!

Наталья Ванханен¹,
г. Москва, 2018 г.

¹ Наталья Юрьевна Ванханен (1951 г., Москва) — один из ведущих мастеров перевода художественной литературы на русский язык. Она награждена орденом Габриэлы Мистраль, который вручил ей лично Президент Чили. В 2016 г. была удостоена премии «Мастер», которую называют своего рода переводческим «Оскаром». В 2018 г. король Испании наградил её «Орденом Гражданских Заслуг». В том же году Н. Ванханен награждена абхазским орденом «Честь и Слава» за ее переводы из абхазской поэзии.

«БИБЛЕЙСКИЕ СОБЫТИЯ СТАЛИ ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ ЧАСТЬЮ ПОВЕСТВОВАНИЯ...»

Дорогой Мушни Таевич!

Спасибо Вам за поэму «Звезда рассвета». Она носит, безусловно, исповедальный характер. Это исповедь человека, прожившего восемь десятилетий и достигшего мудрости и зрелости. Но в то же время чувствуется в ней и молодая душа, полная жизни, энергии и творчества и устремленная в будущее.

Знаменательно для меня также и то, что опыт работы над переводами библейских текстов дал Вам так много вдохновения, что библейские события стали значительной частью повествования, поясняя и раскрывая смысл, объясняя, почему в истории Абхазии христианство сыграло такую определяющую роль.

Очень жаль, что нет возможности прочитать абхазский оригинал, я уверен, что он еще более глубокий и интересный с художественной точки зрения.

С глубоким уважением,

**Виталий Войнов,
директор Института перевода Библии,
доктор философии.**

г. Москва

«ЗВЕЗДА РАССВЕТА» – ВЕЩЬ ГЛУБИННАЯ, ОЧИЩАЮЩАЯ ДУШУ»

Прочел я рукопись за один присест, залпом, не мог оторваться. Эта поэма — явление высокой Истины, блеск... Я немало читал произведений, в том числе и поэтических, посвященных теме Христа, Христианству, церковной истории, но ничего подобного не встречал. Мне, конечно, особо дороги проникновенные строки, посвященные древнему, воздвигнутому в шестом веке, при Юстиниане, храму, в котором я служу всей душой вот уже около десяти лет:

Сошли апсилы в крепость над Кодором,
Пришли молиться каждый о своём
В Юстинианов храм, но всем притворам
Не уместить пришедших — тесно в нём.

Епископ всех зовёт к реке спуститься,
Чтоб смыть грехи, всем миром в ней креститься.

...И перед взором мысленно встают
Те, что с молитвой проходили тут.
Собрался в крестный ход весь здешний люд.

Был этот путь и предками моими
Когда-то пройден... Я душою с ними!

Поют колокола... Холмы Апсны
Окрещены, крестом осенены.

Да, было так во дни Юстиниана,
Здесь христианство утвердилось рано.

Звучало Божье Слово, и страна
Ещё тогда, в седые времена,
Пречистой Девой благословлена.

Мне радостно, что в мире первозданном
Кодор и Бзыбь сроднились с Иорданом,
И в тех веках далеких, но живых
Христово Слово осветило их.
И под крылом окрепшим христианства —
И волны моря и земли пространства.

И проросли посевенные зёрна,
За храмом храм здесь строился упорно.
Врата раскрыты... Грешен или свят,
Придёшь и не минуешь этих врат.

«Звезда рассвета» — вещь глубинная, очищающая душу, я в восторге от нее. С точки зрения Богословия, думаю, все здесь на должном уровне, безукоризненно. Ощущается основательная богословская подготовка, и это естественно, поскольку абхазский поэт — не просто воцерковленный человек, но и переводчик Нового Завета на родной язык...

«Звезда» мне вновь открыла Абхазию, эта поэма и песнь абхазскому христианству, ее древним храмам. Судьба автора всюду присутствует в ней, и это как бы делает повествование, отчасти, документальным, особенно достоверным. Его моление и бесконечно трогательно и возвыщенно...

Потрясает обращение к колоколам Отчизны, все же во всех бурях далёких веков и в пору злодеяний безбожной власти устоявшей и сохранившей веру предков:

Склонюсь, колокола земли моей,
Пред вами!

Вы отважны и могучи,
Но чёрные вас накрывали тучи,
Вам вырвали язык, вас после мук
Перевязали, отнимая звук.

Снимали и бросали злобно наземь
И плавили вас в буйственном экстазе...
На вашем месте выросла трава
И в храмы дьявол заходил с ухмылкой.
Он и сейчас борьбою занят пылкой
За душу, что и в сумерках жива.

Звонарь забыл, как тянут за верёвки,
А вы уж в переплавке, в перековке...

Увы, никто не вызволил, не спас,
И слёзы лили помнившие вас.

Вы думали, что Господом забыты,
Но всё вернулось на свои орбиты,
Развеялась губительная мгла,
И вот воскресли вы, колокола!

И снова вы звучите на высотах,
И торжествует правда в ваших нотах.
Как в древности, работает звонарь,
В его глазах сиянье, как и в старь.

Ваш звук принёсся словно бы из рая,
И я ему внимаяу, замирая.

Вновь муга в мой блаженный сон пришла,
Звоните же всегда, колокола!
Я знаю, что не вынесу разлуки,
И в мир иной возьму я ваши звуки!

Язык перевода высок и прекрасен, чувствуется, что и поэт-переводчик человек крещеный, верующий в Бога.

Мне по душе все главы поэмы, трудно что-то из них даже выделить, они равноценны. Эта поэма — монолог, поэма — Молитва. Радуюсь за нее, за абхазскую поэзию. Такие высокие страницы, думаю, могут украсить и поэзию великих стран, творчество самых больших поэтов нашего времени.

Мушни Ласуриа является поэтом-творцом, раскрывающим глубину души абхазского народа. Его творчество освятило дорогу жизни, по которой должны идти люди, показало цель, к которой нужно стремиться, и цель эта — святость души человеческой.

Священник
Драндского храма VI века,
иерей Андрей Струцкий.

Абхазия

«ХОЧЕТСЯ ПОРАДОВАТЬСЯ ЗА БУДУЩИХ ЧИТАТЕЛЕЙ ВАШЕЙ ПОЭМЫ...»

Дорогой Мушни Таевич!

С огромным интересом и волнением прочитала Вашу поэму, Ваш «поэтический отчет». Очень жаль, что нет возможности воспринять этот текст во всей полноте на абхазском языке, а только в переводе, пусть даже очень хорошем. Это на самом деле отчет за всю прожитую жизнь. С полным правом можно сказать, что в этом масштабном, разноплановом эпическом и в то же время очень лирическом полотне нашел отражение весь Ваш путь как поэта и переводчика, патриота и христианина.

В нем причудливой вязью переплетаются и размышления о добре и зле, о жизни и смерти, и прекрасное поэтическое переложение глубоко Вами прочувствованных библейских повествований (начиная с истории грехопадения до евангельских событий), и мудрая оценка важнейших событий мировой истории и истории Абхазии, и любовь к Абхазской Церкви и сокровищам ее духовного опыта, и странствия Души лирического героя по житейскому морю, и тонкий анализ человеческих страстей и беспристрастная им оценка, и взгляд автора на животрепещущие проблемы современности. Но главное — это вера и доверие к Богу и его Промыслу о человеке, которыми пронизана Ваша монументальная поэма «Звезда рассвета». Звезда указывает путь к Царству Божьему, Царству любви, а бессмертная душа раскрывается навстречу благодати.

Хочется порадоваться за будущих читателей Вашей поэмы и пожелать этому поэтическому творению доброго пути, а Вам, его автору, здравия на многая лета и новых вершин творчества!

С уважением,

**Наталья Манзиенко,
координатор переводческих проектов
Института перевода Библии.**

г. Москва

ДУХОВНОЕ ОТКРОВЕНИЕ

Признаться, я не помню произведения, которое бы меня так захватило, так тронуло бы мои сердце и душу. Прочитав очередную главу поэмы, я вновь к ней возвращался, читал и перечитывал по два-три раза, старался понять смысл, нагрузку каждой строки. Так я прошел через все произведение, и оно прошло через меня, прожгло и вселило надежду. Все прорисованное, сказанное в нем заняло мои мысли, стало моей реальностью.

Я — языковед, не литературовед, исследую иные проблемы. Но язык и литература взаимосвязаны, родственны. Человек за свою жизнь прочитывает множество книг. А человек науки — еще больше. И среди них есть навечно остающиеся в памяти. Как есть и те, и их большинство, которые отодвигаются с уходящими в прошлое твоими днями и годами, умирают вместе с ними. Но «Звезда рассвета», уверен, станет произведением, которое останется в моей памяти. При чтении поэмы я делал то тут то там пометки, выписывал в свои листы отдельные выдержки, передавал бумаги и какие-то свои мысли по поводу других эпических произведений автора. Они и стали основой нынешнего моего слова, обращенного к читателям.

Теперь зrimо видно, что созданные в течение последних 20–25 лет поэтические труды Мушни Ласуриа — «Отчизна», «Звезда рассвета» — заняли достойное место в ряду других наших эпических творений.

По поводу «Отчизны» я не раз и не два высказывал свое мнение — о том, что у нас пока нет более обширного произведения, которое отражало бы прошедшую войну, что это лучшее абхазское эпическое творение. Оно посвящено грузино-абхазской войне 1992-93 гг., и главным его героям является лидер и спаситель народа Владислав Ардзинба.

«Звезда рассвета» посвящена не войне, а мирной жизни, хотя основой повествования являются драматические события. Если в «Отчизне» главный герой В.Ардзинба, то здесь им является Иисус Христос — Иаса Кирса, его истина, его судьба, его тяжкий путь.

Если рассматривать вместе оба произведения — и «Отчизну», и «Звезду рассвета» — то манерой письма, многочисленными отступлениями, высоким поэтическим слогом, поэтикой и еще многим и многим они роднятся, перекликаются, взаимосвязаны.

В посвященной роману в стихах «Отчизна» рецензии академик Ш.Салакая напоминает нам такие слова русского гения: «Закончив «Войну и мир», Лев Толстой заметил: «Без ложной скромности, это — как «Илиада». И наш ученый говорит: «Мне думается, что «Отчизна» Мушни Ласуриа на всегда остается для абхазов их родной, кровной «Илиадой».

Оба эпических произведения народного поэта Абхазии М.Ласуриа я вижу как единое целое, как единую «Илиаду» о войне и мире в двух частях и исхожу из их поэтического уровня, из широты передачи эпического мира и образов.

Известная русская переводчица Н.Ванханен предварила свой перевод «Отчизны» такими своими мыслями: «И невольно подумалось: как вышло, что Великая Отечественная война не породила подобного эпического произведения? Конечно, у нас есть «Василий Теркин» Твардовского, но в нем, скорее, песенно-фольклорное начало, частушечная

вольница, а не величие эпоса. Неужто не решились русские поэты, побоялись эпического пафоса, сочли его несвоевременным? Впрочем, Лев Толстой написал «Войну и мир» полвека спустя после событий 1812 года, и наш эпос — дело будущего?.. Одно очевидно: абхазский поэт не побоялся влить новое молодое вино в старые мехи, как он сам признается. Результат — современный лирический эпос, в котором жизнь человека и история его страны сплавлены воедино»¹.

Вспомним написанную поэтом еще в молодости и изначально получившую высокую оценку поэму «Золотое руно» (1972 г.) — она стоит у истоков больших эпических его произведений. В ней нашли отражение большой талант и ширина мировоззрения автора. И большая его решимость. Здесь древнегреческий эпос, да и другие посвященные этой теме классические произведения в корне перевернуты, переданы с другого ракурса. А попавшая в беду Медея — из тех, кого лишили Родины, и её возвращают обратно к потерянной ею земле. Прислушаемся к тому, что написал Фазиль Искандер в предисловии к изданию «Золотого руна» на русском языке: «Ознакомившись с монументальной поэмой Мушни Ласуриа «Золотое руно», я чувствую, что и в эпической вещи не утрачены свойства его столь своеобразной лирики. В этой поэме возникла ещё небывалая в абхазской поэзии концентрация эпических мотивов, в ней показано богатство многовекового песенного фольклора. И в то же время в повествовательной вещи присутствует и неподдельный взволнованный лиризм. Речь идёт о многих судьбах, в том числе, разумеется, и о судьбе главного героя, в образе ко-

¹ **М.Ласуриа.** Отчизна. Роман в стихах. Перевод Н.Ванханен. — М., 2018 г.

торого воплотилось авторское «я» поэта, погрузившегося в глубины предания и присутствующего в поэме и в качестве зоркого очевидца, и в роли непосредственного участника событий».²

Известный кабардинский ученый, доктор филологических наук Адам Гутов сказал об этой поэме: «Если бы поэма «Золотое руно» появилась на свет не на абхазском языке, а на одном из распространенных в мире, я уверен, её бы признали явлением мирового масштаба. К сожалению, в большом мире теперь даже на русском читают всё меньше. Поэтому блистательный перевод М. Синельникова пока не получил достаточной известности, несмотря на то что книга была в 2015 году удостоена Всероссийской премии имени Ан. Дельвига».

Когда мы разом обращаем внимание на эти три произведения, то четко видим, что М. Ласуриа является одним из заметных современных авторов эпических полотен.

Что касается «Звезды рассвета», базирующейся на религии и Священном Писании, то мне на первый взгляд показалось, что если бы автор писал в прозе, как написана и сама Библия, то его труд намного бы облегчился. Но поэт отказался от такого пути и избрал наиболее сложный поэтический жанр, используя высокое слово, слово ангелов. И по этой причине в абхазскую поэзию вошел доселе незнакомый в ней, и для нашего читателя непривычный, неожиданный эпос.

Несмотря на то что автор конкретно останавливается на древних, как мир, вопросах, в том числе вопросах христианства, лжи и истины, через все произведение проходят

² М. Ласуриа. *Золотое руно. Поэма. Перевод М. Синельникова*. — М., 2014 г.

любовь и боль поэта, проявляемые им по отношению к своей Родине, к истории народа, к его древним корням. И обе эти темы неразделимы, переплетены, соединены в единый стержень:

Сражаясь, гнёзда защищают птицы...
За отчий край нельзя нам не сразиться.
За Родину и Веру умереть
Умели предки, будут так и впредь!⁵

С первых строк «Звезды рассвета» тебя покоряют, тебя уносят мысли автора, его художественное слово. Вопросы, которые поэт задает в начале поэмы, — куда уходит душа? каков её путь? — вернули меня в мое детство, когда и мне, как и ему, приходили подобные вопросы. В то время мне было лет семь — восемь. В нашем поселке ушла из жизни красивая девушка, которую мы все, детвора, обожали. Когда её хоронили, я протолкнулся через множество людей и встал у могилы, чтобы посмотреть, куда же она уходит. С широко раскрытыми глазами, с усиленно бьющимся сердцем я смотрел на её неподвижно лежащее тело. Заметившие меня старцы гаркнули на меня и отогнали. Они не хотели, чтобы в моей памяти осталась эта тяжелая картина, которая могла спугнуть мое сердце.

Не скрою, пока я читал «Звезду рассвета», передо мной всегда стоял образ моего отца, его призрак, я «слышал» его слова, которые часто он обращал к Богу. Для него не существовало слов «Бога нет». Его постоянным наставлением нам было: «Ложась ночью спать, просите у Бога спокойной

⁵ Здесь и далее отрывки из поэмы «Звезда рассвета» даются в переводах М. Синельникова (— Ш.А.).

ночи, хотите — вслух, хотите — про себя». Он считал себя, наподобие оракулов, связанным со Всевышним, считал себя человеком, несущим за это особую ответственность. «Я как и все остальные, но говорю словами, которые мне — говорят», — пояснял он часто. Что ему говорили, кто говорил? Он считал, что это идет от небесных сил, от Всевышнего. Самого отца часто посещали наши ученые, писатели, такие как Шалва Инал-ипа, Баграт Шинкуба и другие, записывали его речи, его песни, относились к нему действительно как к оракулу. Вместе с Багратом они могли ночи напролет, без сна общаться. Много раз, как мне потом рассказывал Баграт, отец просил у Бога помочь поэту исполнить его мечту — чтобы «этот мальчик смог достичь своей большой цели», и даже однажды отец водил его на красивую поляну и проводил молебен.

Отраженные в поэме события не имеют ни времени, ни рамок. В первой её части — «На абхазском берегу» — серьезно осуждаются издревле присущие человечеству зависть, предательство, продажничество, разобщенность, обиды, противостояние, ненасытность и другие черты, которые характерны и для сегодняшнего дня, чему мы все являемся свидетелями. И этим в произведении подчеркивается, что человек должен честно, бескорыстно пройти свой жизненный путь.

Главной темой повествования автор избрал образ Иисуса Христа, Спасителя, Его тяжкий путь, земные страдания, распятие, воскрешение. И поэт использует высокие, священные слова, которые будоражат, волнуют читателя. Как ярко подан образ Анан Марии — Богоматери! Её монолог, её раздирающие душу причитания перед распятым на кресте Сыном сродни классическим абхазским причитаниям, незабываемым, идущим из сердца откровениям.

Даже если бы в поэме ничего больше не было, кроме этого обращенного к Иисусу Христосу причитания, нам ясна была бы вся его судьба — от времени рождения до кровавого распятия и воскрешения.

Тот, кто не знаком глубоко с Библией — Старым Заветом, Новым Заветом — не сможет создать такое произведение, оно ему не поддастся. Да и достаточно ли будет только одного знания Библии, здесь нужен творческий дар от Бога, нужно высокое мастерство.

— Куда пойду, куда себя я дену,
Когда меня оставил ты одну!
Зачем и жизнь?! Она подобна плену,
Коль я в глаза родные не взгляну.

Кто, правду о твоем рожденьи зная,
Всех раньше принял правоту твою?
Мне ведома вся жизнь твоя земная,
И тайны сердца твоего таю!

Лжецом тебя враги твои назвали,
Они гнушались именем твоим!
С высокой славой сброд непримирим,
И нет предела горю и печали.
Погублен ты, распят, родимый мой.

Хочу с тобой лежать в одной могиле,
Хочу, чтобы с тобой мы рядом были,
Хочу, чтоб вместе обрели покой!
Что делать мне теперь, идти к кому?

Жизнь конечна... За что и почему?
Как снять тебя с кровавой крестовины?
Но римляне на страже, и во тьму
Я ухожу, и сын погиб невинный.

Умолк твой голос, полный вещей силы,
Мой сын, мой Бог, распятый, как злодей!
Звезда моя, мой светоч, сердцу милый,
Голгофа кровью истекла твоей!

Вот, по моему мнению, что такое эпос, напоминающий стиль древних, античных писаний, и в то же время несущий сегодняшний взгляд, сегодняшнее словосложение.

Что касается наибольшей части «Звезды рассвета» — «Моления», то она полностью посвящена абхазским древним храмам, абхазским церквям. Считаю, что она звучит отдельной поэмой, является золотой сердцевиной, святилищем произведения. Здесь рассказывается о признанных христианских святых — абхазах, которые искренне верили в религию и сложили свои головы в пору раннего христианства ради его распространения. Широко использованы в поэме яркие старинные предания, легенды, мифы. Во многих местах осуждается то, как в советское время храмы подвергались разрушениям, а у человека была отобрана свобода его вероисповедания, право отправлять свои религиозные чувства. Нелегко, и вправду, все это воротить, переводить на поэтический язык, описывать время, давать ему соответствующую объективную оценку. Не знаю, когда впредь кто-то создаст подобное произведение, посвященное нашим древним храмам, церквям, христианскому пути Абхазии!

В то же время надо сказать и о том, что автор не пренебрегает, а посвящает мудрые, высокие слова религии народа, существовавшей до появления христианства, его богам,

проводимым им до сегодняшнего дня обрядам и ритуалам.

А если говорить об языке поэмы — я рассматриваю язык М. Ласуриа как наше национальное достояние, как часть нашего духовного богатства. Язык, на котором написаны «Отчизна» и «Звезда рассвета», своим богатством, своим звучанием и своей музыкальностью, естественно, отличается от языка других авторов, достигает наивысшего уровня современного литературного языка и достоин подражания, является мерилом возможностей абхазского поэтического слова.

Знай: должен быть у всех народов Бог!
Тем, что безбожны, доли не даётся.
Дух, истончившись, сдался, изнемог...
Поистине, где тонко, там и рвётся.

Смысл нашей жизни в Боге! Нет Его —
И не осталось вовсе ничего,
Всё мёртвое вокруг и всё пустое,
Защиты нет, и рушатся устои.

Вспорхнул и потерялся муравей...
Вы видели его? В какие сферы
Унёс его мгновенный ветровей?
...Бесследно пропадаем мы без веры.

Читатель не может не удивляться строкам поэта, в которые выливаются его слова, коротким строфам, которые часто меняются, легко рождаются, легко приходят... Они плавно звучат, начинают тебя уносить, звать куда-то, облегчают тяжкое, простое возвышают, поэтизируют. Это свидетельствует о разностороннем уме автора, высоком его интел-

лекте, его духовной зрелости. Впрочем, все эти характеристики важны для любого поэта, и насколько они глубоки и совершенны, настолько мысли поэта, краски его поэтического слова вызывают интерес, завораживают, и они воспринимаются как новизна.

Скажу и о последней главе — «Звезда рассвета», давшей название всей поэме. По моему мнению, в поэзии не так часто встречаем подобное, когда наш путь к нас Сотворившему, путь в иной мир описан был бы с такой любовью, когда так подводится итог полного драматизма нашего жизненного пути. И это все читатель ощущает явственно, воспринимает как вечное, истинное слово, которое его пронизывает, обжигает и дает надежду.

Здесь не встретишь легкого, несерьезного слова, во время чтения ты обращаешься к своим знаниям и мыслям, напрягаешь их и желаешь, чтобы автор продолжал говорить с тобой, продолжал свои откровения, но в это время незаметно он их обобщает и заканчивает своё произведение. Поэма и создана, наверное, для того, чтобы вытащить читателя из его повседневной сути и проблем, направить, нацелить его на более насущное и важное, заставить его оценить реальное существование, понять смысл жизни. Считаю, что поэт сумел это сделать. Его правда, его истинное слово и талант тому способствовали, они нас перезарядили, взяли за душу, пленили и подчинили себе.

Несмотря на то что поэма посвящена значимым вопросам, поэт иногда обращает свой взор на незначительные вещи, которые можно было бы и обойти вниманием, но он их так преподносит своими глубокими мыслями, красочной поэтической картинкой, что этим еще больше притягивает к себе читателя, делает его «соучастником» описываемых событий. Эти «мелочи» автор использует для того, чтобы

вырисовать важную идею, возвысить Всевышнего. Таким местом в поэме, например, является описание мыслей, вызванных сандалиями, в которые был обут поэт во время его путешествия по Священной Земле.

Я прохожу по Иерусалиму.
И всё тут незабвенно, нерушимо:
Здесь Иисус с учениками шёл...
Иду его стезёю непроезжей,
И, кажется: надгробия всё те же
Усеяли ближайший склон и дол.

Так обувь тут стирается на камне!
И прохожу я по Его следам
И по следам апостолов... Видна мне
Былая жизнь, и тот же слышен гам...

Здесь утоляли жажду, тут стояли,
Там говорили с Господом они...
Мне запыленных видятся сандалий
Выносливые, крепкие ремни.

Потертости — на дереве и коже,
Ведь долгий путь они перенесли.
Сам Иисус в сандалиях был тоже,
Изнемогал от зноя, шел в пыли.

Следы, следы — былого знак горючий!
Мерцают, указав дорогу в храм...
От них отступишь, и сорвёшься с кручи,
И пропадешь среди бездонных ям!

Нет, с Крестного пути вы не сойдёте,
Ведущие к спасению следы!
А эта пыль... Печаль — в её налёте,
И радости в ней густок, и беды.

— Сандалии мои, вы — очевидцы!
Всё сказанное вами подтвердится.

Я не считаю, что к сказанному здесь надо что-то прибавить или убавить, комментировать. Более того, многого стоит такой подход к встречающимся «мелочам»!

Новая поэма М.Ласуриа — это эпос, посвященный жизни и смерти, божественному пребыванию, это молитвенная песнь. И внутри неё раскрыто мироздание, объяснены множество философских вопросов, чаяния человечества, тревоги автора.

Описываемые события происходят в «Божьем времени» (это неизведанное нами время, не имеет мерил, в нем тысячелетия проходят как день, а день — как тысячелетие), с первых дней сотворения мира — со времен Адама и Евы, иначе говоря, во времени, о котором просто так, ни с того ни с сего не задумаешься.

Как я сказал в начале этой рецензии, я не литературовед, не обладаю научными знаниями и теорией в этой сфере, у меня другая профессия. Автор свое творение «Звезда рассвета» обозначил как поэму. И все-таки, по моему мнению, — это роман, так же, как и «Отчизна», — предыдущий его роман в стихах. Исхожу из его масштаба, из охватывающих Вселенную вопросов, из переходящих рамки поэмы эпических событий, представленных образов, из самого текста произведения в несколько тысяч строк. Если уж говорить о поэме, то разве одна лишь поэма вобрана в неё, об

одной лишь поэме разве в ней речь? Думаю, те, кто занимается литературоведческой наукой, не обойдут стороной этот вопрос. Надо сказать как есть, бояться здесь нечего.

Подводя итог сказанному, отмечу как пожелание: безусловно, «Звезда рассвета» требует перевода. И не только на русский язык. Поэма в переводе возвысит достижения нашей национальной литературы, будет способствовать всемирной популяризации абхазского художественного слова.

Несмотря на то что за рубежом, в России, Европе и т.д., изначально очень много написано о рождении Иисуса Христа, Его крестном пути, Его образе, Его матери Марии, Святом Духе, возможно, за последнее время не появлялось такого яркого и масштабного эпического произведения. Но для нас важно не только то, что где-то там его увидят или услышат, а то, что нашу литературу, нашу поэзию пополнила значимая и знаменитая в перспективе, неотделимая от высокой духовности нашего народа и восходящая с ней «Звезда рассвета».

Это — достижение, это — откровение, очищающее душу и сердце, зовущее к высоким идеалам, это мольба о прощении у самого Всевышнего, праздник очищения от грехов. Успокаивающее душу, спасающее душу.

Завершается последняя глава драмой и надеждой, царственной властью и восходящей Звездой рассвета, и в этом философский смысл — смертью смерть поправ, верить в вечность Слова и в бессмертие души:

Как день один, прошло тысячелетье,
И за потоком не могу поспеть я.
И все события жизни до седин
И до конца — вместились в день один.

И, кажется, я не имел иного
Добавочного дня и запасного.

То, что я, всем злосчастьям вопреки,
Писал на волнах бешеной реки,
Свершалось за день, и осталось Слово...
Событий жизни протекла струя...
Но ты бессмертна, о, Душа моя!

Шота Арстаа⁴,
академик

⁴ Ш. К. Арстаа (1931 г.) — известный абхазский ученый-языковед, в 1997 — 2013 гг. — президент Академии наук Абхазии.

«ОТСЕЛЬ ДРУГИМ Я ЧЕЛОВЕКОМ ВЫШЕЛ, КАК БУДТО БЫ ДЛЯ ЖИЗНИ НОВОЙ ВЫЖИЛ!»

Поэтическая исповедь народного поэта Абхазии, академика Академии наук Абхазии Мушни Таевича Ласуриа — безусловно, новая духовная субстанция в абхазской литературе и, не побоюсь сказать, и культуре в целом. Чем больше я погружался в чтение, тем глубже слова и образы поэмы проникали в мою суть и, словно очистив от наносного и суетного, вдохнули новые силы... И хотя поэма «Звезда рассвета», вне всякого сомнения, — произведение эпическое, повествование строится вокруг настолько мощного авторского «я», что проводит ее по грани между эпосом и лирикой. Можно без преувеличения назвать это произведение Божественной песней, порожденной душой поэта. И песня эта — о вечной борьбе жизни и смерти, добра и зла. Поэт сравнивает рождение человека, его жизнь и смерть со звездами: прощальной вспышкой падает звезда, но, падая, она не умирает, а в стремительном полете превращается в другую звезду и дарует новую жизнь — человеку и целому миру. Не случайна и символика поэмы — рефреном проступает тема «низа» и «верха» — пещеры, земли и особенно неба:

Смерть неизбежна. Близится она.
К ней с каждым днем все больше мы готовы.
Коль телу участь эта суждена,
Душа какой-то жизни жаждет новой.
Ей милы Царство Божьего отрады —
Покой и дом, где не нужны ограды.

Поражает, как из философского мировоззрения и мироощущения автора прорастают и раскрываются закономерности человеческого бытия и духовный рост личности — все то, что человек обретает во время отведенного ему пути — от рождения до смерти. Но самой сложной задачей, с которой автор прекрасно справился, был выбор особой поэтики, уникального языка; ведь невозможно обыденным языком говорить о смысле жизни — и в нашем земном мире, и в ином мире.

Позволю себе предположить, что создать сочинение такого масштаба и уровня не под силу было бы человеку непреклонного возраста. Появление поэтической исповеди такого масштаба стало возможно не только благодаря таланту, мастерству и духовности автора. Сказался солидный опыт, возраст, все пережитое и выстраданное в течение долгой непростой жизни, а также то, что Мушни Таевич полностью вверил себя Богу. Вне всякого сомнения, здесь не обошлось без Его промысла. Соавтором поэта, безусловно, глубоко верующего человека, оказался Сам — тот, кто создает рассветы, окрашивает закаты и в чьей власти жизнь каждого из нас. Он щедро напитал могущественный природный талант Мушни Ласуриа и наделил его возможностью слышать то, что неведомо другим. И тут уж проснулась небывалой силы природа человеческих возможностей, сравнимая с силой корней огромного граба, растущего в отцовском дворе в родном селе Мушни Ласуриа, пробудилась и подарила нам слово Божественное на абхазском поэтическом языке. Ведь строки произведения действуют магически — они уносят нас в созданный автором мир.

В этом жанре, в сотворении песни Бога, возможности прозы заметно ограничены, она не постигла бы магию слова Божьего. Это оказалось под силу именно поэзии. Для выражения языка Бога, исповеди Божьей на родном языке поэт нашел все необходимое в родной абхазской лексике и

поэтике. Мушни Ласуриа тем самым еще больше раскрыл возможности самого абхазского языка, поэт сделал абхазский языком Бога, убедив нас, что Бог обращался к человечеству на древнем абхазском языке. В творчестве настоящего поэта Божественная песня так причудливо и гармонично соединилась с абхазским словом, он так точно нащупал в родном языке ритмы и терминологию священного письма, что оно звучит с убедительностью оригинала, словно изначально было написано на абхазском языке. Но при этом поэт перекинул мост из прошлого в будущее, он создал новую лексику, побудив заговорить на современном абхазском языке сам неисчерпаемый космос. Безусловно, в этом сказался его большой опыт переводчика бессмертных произведений мировой классики (в том числе и Священного Писания). Божье слово он пропустил через веру, религиозные представления, мировоззрения, мировосприятия и философию абхазов. Мушни Ласуриа показал и доказал всем нам, насколько они взаимосвязаны, близки и гармоничны. А сюжеты и события, естественно переплетаясь с раздумьями автора, словно прорастают друг в друге.

Лейтмотивом всего произведения трагично и трогательно проходит тема отношений матери и сына, передавая образно и ярко душевые переживания, слезы и последнее дыхание. И снова сопоставление и единая ипостась — Матери Божьей и матери самого поэта... Для описания глав, посвященных матери, поэт находит самые сокровенные слова.

А мы движемся дальше, и движемся подобно Богу — без границ, без терний, без препон. География произведения бесконечна, события поэмы происходят в мире, где действуют законы космоса. Читатель следует за автором по воле его художественного замысла, мгновенно переносясь из Абхазии в другие страны и миры. А затем вновь возвращается в Абхазию, к нашим святым местам...

Рассказывая о драматических судьбах высланного из Абхазии последнего владельца Абхазии Михаила Чачба и его сына, поэта Георгия Чачба, автор заключает:

Чужое солнце светит, но не греет...
Кто родину под ним найти сумеет!..

Особой любовью проникнуты строки о религиозной истории Абхазии. В этой части автор воспевает святыни священной земли, превращая рассказы о судьбе каждого из этих мест в молитву. И невольно возникает чувство сопричастности: ведь каждый из нас — часть этой истории, и эта молитва — о нас. И все не случайно: у Абхазии есть свой Бог, и страна наша принадлежит Богу.

Едины Слово Божье и Отчизна,
Святая вера — прочная броня.

Для создания такого произведения, как «Звезда рассвета» необходимо особое состояние души. Чтобы оно появилось на свет, автор должен был найти особое место для работы. Такого места в нашем суэтном и суровом мире не найти. Но он нашел такое укромное место. Во всяком случае — для собственной души.

Вы почувствуете это, прикоснувшись к великому произведению нашего современника. Ведь и для чтения этой поэмы необходимо быть иным — не повседневным.

Зураб Джапуа,
доктор филологических наук,
академик, президент АНА

ОСВЯЩЕННАЯ ЛУЧАМИ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ

Творческие возможности Мушни Ласуриа в абхазской художественной литературе проявились как чистый горный родник. Его стихи, поэмы, роман в стихах и другие произведения отражают нелегкую судьбу страны, богатый и яркий фольклор и духовную силу нашего народа.

Несмотря на то что недавно завершенная им поэма «Звезда рассвета» в поэтическом плане mestами перекликается с его предыдущими произведениями, она и для автора, и для нашей литературы в корне является новой страницей. То, как имеющий большой жизненный опыт поэт М. Ласуриа в «Звезде рассвета» раскрывает тему веры в Бога, историю возникновения в Абхазии христианства как государственной религии, до него никто не делал в нашей абхазской литературе, кроме как ученые в своих трудах. Правда, в свое время он перевел на абхазский язык вторую часть Библии — Новый Завет. Но я не думаю, что это единственная причина того, что автор обратился к религиозной теме. Прежде всего Ласуриа поэт, человек широкого мышления. Во-вторых, он с детства впитывал в себя то, чем руководствовались окружавшие его люди, — ровный характер, чистота помыслов, доброта, всепрощение; воспринимал то, что слышал в повседневной речи, — слова «Божье, сжался над нами», «Боже, прости нас», «Во имя Бога тебя прошу», «Поклянись своей верой», «Сотворивший нас» и т.д. Безусловно, вровень со всем этим свою роль сыграли высокая подготовка поэта, его творческий опыт в поэтическом жанре.

Как видно из поэмы, М. Ласуриа посетил те святые места, где родился, где страдал, где распяли Бога, Иисуса Христа, где вместе с ним страдали его мать, Богородица Мария, святые, мученики, ангелы, — в Вифлееме, на горе Голгофе,

в Иордании... У автора, как обычно у ребенка, возникало множество вопросов, которые ему не давали покоя, брали за сердце, — как зародилось Слово Божье, из чего оно вышло и потекло, как родник, как весть о христианстве дошла до Абхазии, и здесь оно укрепилось, распространялось, охраняло и объединяло народ, стало государственной религией, в чем секреты всего этого, как народ вбирал в себя новое. Автор идет по следу тех, кто силой своей духовности и бесстрашием вселял в людей бессмертную любовь к Богу, а также нащупывает бесконечные пути спасения, очищения, соблюдения заветов Божьих, внедряется в желания, мечты и жизни тех, кто боится смерти, и тех, кого ждет райская жизнь на небесах, затрагивает другие трудные вопросы теологии и философии, и всеми этими приемами он «проводит крещение» читателя.

В произведении глубоко раскрыты образы Евстафия Апсильского и Ионна Гегиа, убиенных за распространение христианства среди нашего народа, а также немало сделавшего для пропаганды христианства основоположника абхазской литературы Д. И. Гулиа. Это были известные исторические личности. В поэме, в части, посвященной Крестному монастырю в Иерусалиме, автор останавливается еще на одном образе — Иоанне Черном. Описываемое здесь время — время расцвета Абхазского царства. Безусловно, в жизнедеятельности Иерусалимского Крестного монастыря участвовали и представители абхазского духовенства (будь это Иоанн Черный или другой), включая и оказание ими материальной помощи этой духовной обители. Имеется в виду, что они были представителями нашей христианской религии. Несмотря на то что в эти времена мусульмане часто разрушали Крестный монастырь, сохранилось немало материалов, повествующих о службе монахов, верующих людей в этом христианском центре. В этих документах то и дело встречается имя Иоанна Черного, который был одним

из живущих здесь монахов. Его имя встречается, кстати, и в документах, обнаруженных академиком Н. Марр в 1902 г. в этом монастыре. К сожалению, эти материалы до сих пор не изучены до конца, они находятся в архивах Иерусалима, Тбилиси, Петербурга, других зарубежных городов, не собраны, не исследованы нашими абхазскими учеными. Автор поэмы допускает мысль, что Иоанн Черный был по национальности абхазом, который владел несколькими языками, мог творить как на грузинском, так и на абхазском языках. Нельзя сказать, что это мнение безосновательное. Известно, что раньше в среде абхазов, в наших храмах, в наших святых местах, в частности, в Пицунде, Дранде и других храмах для написания абхазских слов и текстов использовались подходящие греческие буквы, и это подтверждено учеными. Зададимся вопросом: имел ли поэт право создавать образ Иоанна Черного именно таким? Думаю, что да. Здесь поэт, наподобие археологов, собирающих по косточкам человеческие останки, восстанавливающих по склеиваемым осколкам предметы быта, благодаря своему таланту создает художественный образ нашего соотечественника в прошлом. Я считаю, что за это автору надо сказать особое спасибо! А Иоанн Черный — должен остаться в нашей памяти, принят нами!..

«Звезда рассвета» состоит из двенадцати глав (и это, видимо, соотнесено с двенадцатью апостолами!), и все они, малые или большие, отличаются своими особенностями, воспринимаются как отдельно взятые поэмы. Но самая задевающая за сердце, самая пронизывающая глава, по моему мнению, та, где идет разговор поэта с Анан Марией, где передан Её монолог. Трогают до глубины души причитания Богоматери по Сыну:

Сегодня я — угасшая, седая...

Не знала я, что дан столь краткий срок...

Пусть слышит в небе твой Отец и Бог,
Как за врагов ты молишься, страдая!
Ждёшь покаянья от врагов своих
И молишься за них, прощаешь их.

Меж тем они, корыстны и зловещи,
По жребию твои здесь делят вещи.

Наряд, руками сотканный моими
(Он был тебе к лицу — простой хитон!),
Хватают, делят... Оценённый ими,
Он весь в крови, весь окровавлен он!

Поэт «приводит» читателя в период насаждения атеизма и в более ранние времена и показывает ему, что в Абхазии во многих местах были свои «Голгофы», что священнослужители отдавали свою жизнь, проповедуя христианство, переносили муки, но держались стойко и мощно, наподобие храмов, что их освещал духовный свет с небес, что их неизменные имена, как и всех верующих, сопровождаются Звездой рассвета.

По моему мнению, поэма «Звезда рассвета» имеет и большое воспитательное значение, немало расскажет, откроет она сегодняшней молодежи. Также поэма является значительным вкладом в духовное развитие всего нашего народа, отличительным знаком сегодняшних высот нашей поэзии, она освящена лучами Священного писания.

Арда Ашуба,
кандидат филологических наук,
директор Абхазского института гуманитарных
исследований им. Д. И. Гулиа АНА

ТОЛЬКО ОРЛУ ДОСТУПНЫ ВЕЛИЧАЙШИЕ ВЕРШИНЫ

За обсуждение такой поэмы, как «Звезда рассвета» Мушни Ласуриа, может взяться только очень уверенный в себе человек, изначально почитающий Бога, живущий с именем Бога, близкий к нему своей духовностью, подготовленный во всех отношениях, иначе сложно будет дать достойную оценку произведению подобного уровня.

Но при этом я хочу осмелиться и позволить себе отметить какие-то наиболее мне запавшие в душу особенности поэмы. В ней четко показаны взаимоотношения живых и мертвых, их общение, их встречи, утверждается бессмертие души, её вечность. Да и что мир наш земной — временный, и в нем человек как явление мгновенное, что жизнь, как сон, кратковременна. А душа — и на том, и на этом свете занимает священное место. Словом, и внутренние, и внешние проявления души в поэме имеют философское осмысление, мир души непостижим. Её может знать только Всевышний.

Содержание и размах поэмы — как глубинное море. Они не имеют ни начала, ни конца. Всякий прочитавший это произведение воспринимает его по-своему, по-своему понимает. События в нем то вселяют в тебя надежду, то эту надежду отнимают. И в это же время эти описанные в поэме события, её сюжет, главная канва внушают тебе, что жизнь надо берегать, что нет ничего в мире ценнее, чем эта сама жизнь . Все это вместе готовят тебя к переходу в иной мир, но — со спокойной душой, без греха. В поэме показана также жизнь души между небом и землей. Бессмертная душа, её существование — это мир и суть Небес, Метагалактики.

В произведении удивительно четко прорисованы человеческие слабости, которые нам известны и к которым мы привыкли: ненасытность, зависть, продажность, непо-

рядочность, разнузданность и т.д. Говорят, что две кривые лодки не ужились в огромном море. Так и человечество не может поделить землю, люди отбирают друг у друга средства к существованию. Все это противоречит заветам Божиим. И все эти люди с изъянами в один прекрасный день, а может, в судный день, превратятся в ничто, как говорится: то, что принесено водой, уносится ветром. Человеческие изъяны, внутренняя нечистоплотность, жадность в итоге губят самого человека. Словом, чтобы описать все то, что тормозит развитие человечества, что омрачает существование на земле, рассказать о тех людях, которые всему этому являются виновниками, нужна целая жизнь. А в поэме это рассказано, и рассказано выпукло, бесстрашно.

Еще раз отмечу, что поэма «Звезда рассвета» в наше время — явление выдающееся. Это эпос, посвященный двум мирам, двум жизням. Поэма, безусловно, заняла достойное место среди жанров эпического характера, во всей нашей национальной поэзии и литературе. Создано творение в соответствии с его темой, создано соответствующим богатым языком наших предков, прекрасным абхазским языком. Чтобы оценить высокий уровень этой поэмы, повторюсь, нужна особая подготовка, нужна Божественная любовь и близость к Богу...

Завершая свое слово, коротко подведу итог: поэт Мушни Ласуриа в уже зрелом возрасте зажег неугасающую яркую свечу в честь святости, чистоты и благородства человеческих душ.

**Мушни Микая¹,
поэт**

¹ Мушни Иродович Микая (1932–2018) — известный абхазский поэт.

НАСТОЯЩИЙ ТАЛАНТ НЕ ИССЯКАЕТ...

Эти слова подтверждает новая поэма народного поэта Абхазии, академика Мушни Ласуриа «Звезда рассвета». Талант не иссякает, когда есть что сказать, когда он не дает самоуспокоиться.

Создавалась поэма накануне 80-летия автора, думаю, факт уникальный и в мировой поэзии!..

Воистину, трудно оценить тот подвиг, который Мушни Ласуриа совершил в абхазской литературе, тот труд, который он вложил в создание своих широкомасштабных, глубокосодержательных, прославивших его имя произведений, уже давно ставших неотделимой частью духовной жизни нашего народа. Среди этих произведений — лирико-философские стихи, многосторонне и художественно отражающие истинную жизнь абхазов, поэмы и романы в стихах (к ним отношу и «Золотое руно»), которые занимают достойное место и высокую ступень в абхазской национальной литературе.

У Мушни немало оригинальных произведений, о которых хочется говорить и говорить. А если говорить о переводах, то не стану называть их все, читатель о них знает. Сколько могут сказать, к примеру, только два переведенных шедевра — «Витязь в тигровой шкуре» и «Евгений Онегин». Итак, «приближаюсь» к новой поэме Мушни Ласуриа «Звезда рассвета». Когда я прочитал её в рукописи, говорю честно, очень обрадовался, она подняла мне настроение, вдохновила. Во-первых, такое мощное, пронизанное высокой духовностью, сотканное поэтическим огнем эпическое произведение создал мой давний и близкий друг (и когда? в 80-летнем возрасте!). Во-вторых, я безмерно рад, что та-

кой художественный памятник (я эти слова произношу особо и без страха) появился в нашей литературе!.. Это значимое явление для всей нашей духовности. Повторю, что такое глобальное произведение, поднимающее и отражающее все общечеловеческие проблемы (жизнь, созидание, вера в Бога, чистота, человечность...), в нашей литературе встречается впервые. Более того, я думаю, что и в других литературах, имеющих более зрелый возраст и глубокие традиции, такое произведение — явление редкое.

Нельзя не заметить, что помимо высокой художественности, у поэмы есть и другие важные, особенные черты. Поэма — как научный труд о возрождении христианства в его ранней стадии в Абхазии, о его развитии и распространении, возникающих на его пути препродах, возрождении. И здесь четко видно, что Мушни Ласуриа является человеком, глубоко интересующимся вопросами религии, изучающим и знающим мир христианства.

В поэме чудесно созданы страницы, рассказывающие о матери Марии (Анан), Иисусе Христе, других мучениках, и когда читаешь эти страницы, боишься, что они закончатся. Многое дала автору поездка по святым местам зарубежья — Палестина, Израиль. Все испытанные переживания, увиденное он в художественной форме использовал в повествовании.

Для нас важно и то, что автор в поэме «Звезда рассвета» отражает реальные лица святых из истории христианства Абхазии, мучеников и убиенных, включая Иоанна Гегия, которые пострадали, проповедуя христианство. Такого в нашей литературе еще не было. Эта поэма как документ, открывающий массовому читателю истину, ранее неизвестную.

Если говорить о языке, которым написана поэма «Звезда рассвета», то мне особое удовольствие доставило то, что не

иссяк юношеский темперамент поэта, не померк его талант, что они оба так же мощны, неподвластны времени. Это большое счастье для каждого поэта быть благословенным самой Богиней поэзии!

Поэма с начала и до конца написана поэтическим, легко льющимся прекрасным абхазским языком. Она отражает молодость и мудрость. В произведении встречаешь мысли-афоризмы, короткие предложения. Их легко воспринимать, они сжаты, хочется их прочитать вновь, запомнить. Они отражают глубину и масштабность взглядов и мировоззрения автора. Здесь не встретишь пустых и бессмысленных, походя сказанных предложений, слова ради слова, рифмы ради рифмы. Все измерено, взвешено, работает на главную мысль поэмы.

Появление такой поэмы, как «Звезда рассвета», — достижение не только для самого поэта, но и для всей нашей национальной литературы и культуры.

**Руслан Капба,
почетный доктор Академии наук Абхазии**

ПОЭМА – ИСПОВЕДЬ

На протяжении многих веков истории человечества поиску смысла жизни посвящались лучшие произведения искусства. Сердца художников, поэтов, композиторов, пытливые умы ученых были заняты вопросами о том, кто мы, откуда пришли и куда уйдем. А главное — зачем? И вот это самое зачем, на мой взгляд, объединяет разные культуры и религии, в многоголосье которых слышна и абхазская речь. Поэма Мушни Ласуриа «Звезда рассвета» — первое крупное эпическое произведение о Боге и человеке в абхазской литературе. Абхазия — страна с древнейшей историей христианства, слово Божье здесь проповедовали апостолы Христа. Однако именно библейские мотивы редко находили здесь свое отражение. Написанная в интересной форме монолога автора, переходящего в диалог с душой, поэма затрагивает самые важные вопросы человеческого бытия. Поэма — исповедь, в ней есть и очищение души, и подведение итогов земной жизни, много боли, любви, страданий. Нет в ней одного — ощущения времени. Оно как будто растворилось, а мгновение и вечность сошлись воедино. Когда нет временных рамок, есть абсолютная легкость и свобода. Наверное, то же самое чувствует душа, освободившаяся от тела... Сам автор — главный герой поэмы предстает перед нами в разных возрастах: то маленьким мальчиком, впервые увидевшим, как хоронят человека, и эта картина навсегда врезалась в его память; то счастливым ребенком, сладкую шею которого целует мама, и тут же сорокалетним, успокаивающим ее на смертном одре; то поэтом, который испытал и горечь невосполнимых потерь, и радость от счастливого творчества, человеком, который вечером жизни отправля-

ется в путешествие со своей душой (на что нужна большая смелость), чтобы дать оценку пройденной жизни...

Чем больше погружаюсь в текст, тем больше понимаю, насколько эта поэма личная, откровенная, неприкрытая. Ощущение, что с нами говорит животрепещущая душа автора, которая, наконец, освободилась. Ей дали высказаться, и она говорит обо всем: о прекрасном и об ужасном, что было и есть в жизни каждого из нас, что будет, видимо, всегда... Это будет несравненная поэма и на русском языке тоже!

Очень интересна архитектура произведения. Поэма разделена на 12 глав, каждая из которых имеет право на собственную жизнь, при этом они все неразрывно связаны и вытекают одна из другой. Отдельно стоит отметить главу 11 «Молитва», которую по праву можно считать памятником абхазскому христианству.

С большой радостью поздравляю и автора и нашу литературу с рождением такого замечательного произведения. Получилась очень большая сильная вещь!

Ответы на все вопросы даны, художественная цель, на мой взгляд, достигнута. Неторопливый, мелодичный слог поэта как нельзя лучше настраивает на передачу самых глубинных переживаний, вплоть до мельчайших оттенков, и его безукоризненный абхазский язык раскрывается в поэме красивейшим образом. Это произведение поэта с опытной душой, и оно из ряда тех, что обязательно следует читать не единожды, и еще оно из ряда тех, что сами выбирают своего читателя.

Алина Жиба,
филолог, литератор

ОБ АВТОРЕ

Мушни Ласуриа (1938) — крупнейший абхазский поэт и переводчик, народный поэт Абхазии, академик АН Республики. Выпускник Московского литературного института; прошел курс аспирантуры в Институте Мировой литературы им. Горького. Автор многих замечательных поэтических сборников, поэм «золотое руно», «Звезда рассвета», романа в стихах «Отчизна», получившие широкое признание, как в Абхазии так и далеко за ее пределами.

Его перу принадлежат переводы на абхазский язык А.С. Пушкина «Евгений Онегин», поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре», «Песнь о Гайавате» Г. Лонгфелло и другие, ставшие образцами классического перевода в абхазской поэзии.

Осуществил полный перевод Нового Завета на абхазский язык.

Ласуриа М. Т. Награжден многими государственными и литературными премиями, высшим орденом Республики Абхазия «Честь и Слава».

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА
5

Андрей Десницкий.
«Эта поэма принадлежит Абхазии
и всему человечеству»
10

Отдаление (Пролог)
17

I
ПУТЕШЕСТВИЕ ДУШИ
27

II
ПО ВОДАМ МОРСКИМ
67

III
КРУГОВОРОТ ДУШИ
79

IV
НЕБО
85

V
ВИФЛЕЕМСКОЕ УТРО
99

VI
СИНАЙ
113

VII
ПСАЛОМ ЖИЗНИ
125

VIII
КРЕЩЕНИЕ
133

IX
МОЛЕНИЕ О ЧАШЕ
145

X
АНАН МАРИЯ
189

XI
МОЛИТВА
213

XII
ЗВЕЗДА РАССВЕТА
317

О переводчике
333

От автора
335

НАТАЛЬЯ ВАНХАНЕН
О поэме Мушни Ласуриа «Звезда рассвета»
337

ВИТАЛИЙ ВОЙНОВ
«Библейские события стали значительной частью
повествования...»
342

АНДРЕЙ СТРУЦКИЙ
«Звезда рассвета» — вещь глубинная, очищающая душу»
343

НАТАЛЬЯ МАНЗИЕНКО
«Хочется порадоваться
за будущих читателей Вашей поэмы...»
347

ШОТА АРСЛАА
Духовное откровение
349

ЗУРАБ ДЖАПУА
«Отсель другим я человеком вышел,
как будто бы для жизни новой выжил!»
363

АРДА АШУБА
Освященная лучами Священного Писания
367

МУШНИ МИКАЯ
Только орлу доступны величайшие вершины
371

РУСЛАН КАПБА
Настоящий талант не иссякает...
373

АЛИНА ЖИБА
Поэма — исповедь
376

Об авторе
378

Мушни Таевич Ласуриа

ЗВЕЗДА РАССВЕТА

Поэма

*Перевод с абхазского
Михаила Синельникова*

Редакторы издательства

Лейла Пачулия

Заира Цвижба

Редактор

Денис Чачхалиа

Художник

Батал Джапуа

Набор текста

Каролина Бутба

Корректор

Марина Джения

Компьютерная верстка

Стелла Садзба